

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский государственный экономический университет

Памяти Ю. К. Саранчина

ЕВРАЗИЙСТВО:
история и современность конструкции «духовности»
в стратегиях власти
и этика современных повседневных практик

СБОРНИК СТАТЕЙ
V Международной научно-теоретической
очно-заочной конференции

(Екатеринбург, 10 апреля 2015 г.)

Екатеринбург
2015

УДК 327.35(06)
ББК 66.1-21я431
Е22

Ответственный за выпуск

кандидат культурологии, доцент кафедры философии Уральского государственного экономического университета *М. В. Воробьева*

Е22 Евразийство: история и современность конструкции «духовности» в стратегиях власти и этика современных повседневных практик : сб. ст. V Междунар. науч.-теор. очно-заочной конф. (Екатеринбург, 10 апреля 2015 г.) / [отв. за вып. М. В. Воробьева]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. — 138 с.

Доклады участников конференции демонстрируют многоуровневый подход к исследованию феномена евразийства, рассматривая историю евразийских учений и современное их состояние, евразийскую интеграцию в наши дни и ее перспективы, евразийство в контексте теории «множественной модерности» и модернизации, религиозные, моральные, политические, культурные, экономические аспекты жизни разнообразных евразийских обществ.

Издание предназначено для философов, культурологов, социологов, политологов, историков, экономистов (студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений и ученых), а также всех интересующихся тематикой исследований евразийства.

УДК 327.35(06)
ББК 66.1-21я431

© Авторы, указанные в содержании,
2015
© Уральский государственный
экономический университет, 2015

Вступительная статья

Евразийские исследования на протяжении ряда лет становятся все более заметной платформой, объединяющей ученых и студентов поверх дисциплинарных границ вокруг непростого опыта, переживаемого индивидуальными и коллективными субъектами по мере реструктуризации современного капитализма. Современная экономика претерпевает самые серьезные трансформации, связанные со сменой технологических, коммуникативных, культурных укладов. Она становится все более вседушной, разнородной и нематериальной. Все больший удельный вес в ней приобретает экономика знаний, образования, информации. Ее называют «постфордсовской экономикой», «экономикой впечатлений», даже «экономикой желаний». Но при любой трактовке общепризнанным является все более глубокое воздействие на внутренний мир человека, включая производство его потребностей и желаний.

Вместе с изменением экономики, иногда отставая, а иногда забегая вперед, происходит и серьезное изменение общества. Динамика этих трансформаций характеризуется неоднородностью, стремительным ростом различий, структурных противоречий, доходящих до резких разрывов и напряжений между передовыми и отстающими социальными слоями, городами и территориями. Постсоветское пространство здесь не только не является исключением, но дает богатый материал для научного анализа и ресурс для социально-экономического развития.

Многослойный концепт **евразийства** — один из теоретических, политических и идеологических инструментов, предназначенных для стратегического оперирования в поле растущей неравномерности глобального развития. В дополнение к пространственно-географическому взгляду на евразийскую интеграцию как на взаимодействие национальных субъектов, экономических систем и культур, евразийство может и должно рассматриваться как постоянно воспроизводящаяся граница между различными экономическими, технологическими и ментальными укладами *внутри* любого современного общества, в особенности на постсоветском пространстве. Внутренняя евразийская граница воспринимается как вызов, как требование произвести некие теоретические, символические, практические операции с целью ее осмысления и переработки, снятия напряжения между полюсами неоднородного мира.

Трактуемый таким образом, понятийный язык евразийства служит весьма продуктивным инструментом освобождения от европоцентризма и включает в себя как минимум осознание недостаточности прежней системы бинарных оппозиций, таких как развитое/традиционное общество, центр/периферия модернизации. Он содержит в себе призыв к интеграции на постсоветском пространстве с помощью образования и культуры, в частности к интенсификации взаимодействия внутри университетских, академических сообществ. Евразийские исследования занимаются осмыслением региональной специфики модернизации, которая предполагает субъекта, включенного в глобальные процессы и одновременно опирающегося на традиционные ценности локальных сообществ. Концепты евразийства могут быть оправданием микро- или макрополитик национального изоляционизма, но могут быть стратегией осмысления долгого, трудного и противоречивого процесса вхождения развивающихся постсоветских стран во все более глобальный и стремительно меняющийся мир.

Таким образом, концепция евразийства получает дополнительный импульс к развитию через обращение к индивидуальной и коллективной субъективности, к осознанию роли человеческого капитала в глобальной экономике знаний, образования, информации.

В последние несколько лет тема евразийской интеграции для Уральского государственного экономического университета стала одной из ключевых, определяющих ряд направлений стратегического развития экономической образовательной и молодежной политики.

Уверены, что для участников конференции исследование сложного пространственного взаимодействия в многополярном мире послужит лучшим способом именно открытия, а не закрытия себя этому нелинейному усложняющемуся миру.

А. Ю. Коковихин, С. Л. Кропотов

Интеграция молодежного предпринимательства в евразийское пространство

Анализируются противоречивые тенденции в развитии экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза. Отмечаются негативная динамика товарооборота и проблемы формирования равных условий развития бизнеса, в частности, наличие противоречий между договором о Евразийском экономическом союзе и соглашением о Таможенном союзе, трудности в развитии трансграничного предпринимательства. Рассматриваются перспективы молодежного предпринимательства и пути преодоления препятствий в инновационном развитии экономики.

Ключевые слова: предпринимательская культура; технический регламент; сырьевая структура экономики; товарооборот; регулирование бизнеса; транзакционные издержки; бюрократическое давление.

Таможенный союз (ТС) — организация, объединяющая такие страны, как Россия, Казахстан, Белоруссия и Армения, — существует уже пять лет. С 1 января 2015 года функционирует интегрирующий те же страны Евразийский экономический союз (ЕАЭС), что позволяет подвести некоторые промежуточные итоги.

Взаимный экспорт «тройственного союза» стран — основателей ТС (Россия, Казахстан, Белоруссия) увеличивался на 30–35% в первые два года, однако в последние три года взаимная торговля с каждым годом только снижалась (табл. 1).

Таблица 1
Взаимный экспорт стран Таможенного союза в 2010–2015 годах*

Взаимный экспорт стран Таможенного союза	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Объем, млн дол. США	47 134,6	63 100,0	67 856,4	67 856,0	574 48,3	5 918,2
Темп прироста, %	129,10	133,90	107,50	95,10	89,00	68,90

* Составлено по: Взаимный экспорт стран Таможенного союза в 2010–2015 годы // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: www.eaeu.org.

Учитывая мнение The Economist Intelligence Unit, можно выделить две возможные причины сложившейся ситуации: несовершенство институтов и несовершенство структуры экономики¹.

¹ The CIS Customs Union is running out of steam // The Economist Intelligence Unit. URL: <http://country.eiu.com>.

Говоря о несовершенстве институтов, необходимо отметить, что таможенные тарифы не до конца унифицированы на всей территории ТС. Страны могут вводить тарифные льготы с согласия друг друга, а Россия продолжает взимать пошлины на вывоз товаров со своей территории, в частности нефти. Свободно пересекать госграницы могут только товары, произведенные на территории одной из стран тройки: грузинское вино, ввезенное в Белоруссию, в Россию импортировать запрещено. Также Россия вводила полный запрет на вывоз со своей территории зерна в 2010 году.

Кроме того, структура экономик тройки стран далека от европейской. Россия и Казахстан живут прежде всего за счет экспорта полезных ископаемых, Белоруссия — за счет экспорта промпродукции (машины, продукты питания), объем которого в сравнении с российским нефтяным потоком невелик. В свою очередь, ЕС создавался на основе индустриальных стран с похожей структурой экономик. Благодаря этому в единой Европе стали возможны микроспециализация государств-партнеров и построение работающих промышленных цепочек поставок на территории нескольких стран, а не секторная специализация по широким секторам экономики (вроде «ты, Россия, добывай сырье, а ты, Белоруссия, будешь заниматься промышленностью»). Промышленные соглашения между странами вроде бы есть, но они не связаны с технологически развитыми отраслями и мало способствуют более глубокому разделению труда между участниками.

Если первая из указанных причин — сугубо техническая (сказывается то ли реальная сложность процесса интеграции, то ли недостаток политической воли), то вторая — фундаментальная и вызывает в памяти порядком поднадоевшие за последнее время призывы к диверсификации сырьевой экономики. Как бы то ни было, Таможенный союз в его нынешнем виде никак не помогает решить эту проблему.

Негативная динамика развития взаимной торговли стала объектом приоритетного внимания Евразийского межправительственного совета: распоряжением № 4 от 6 февраля 2015 года поручено «проведение анализа причин изменения динамики взаимной торговли государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства в 2010–2014 годах и принятии первоочередных мер по наращиванию товарооборота государств — членов Евразийского экономического союза»¹.

---

¹ О проведении анализа причин изменения динамики взаимной торговли государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства в 2010–2014 годах и принятии первоочередных мер по наращиванию товарооборота государств — членов Евразийского экономического союза: распоряжение Евразийского межправительственного совета № 4 от 6 февраля 2015 года.

Исследование причин снижения товарооборота будет неполным, если не учитывать проблемы развития трансграничного предпринимательства. Среди таких проблем: неравные экономические условия ведения бизнеса в соседних государствах ТС и угроза ухудшения условий ведения бизнеса в странах ЕАЭС по сравнению с режимом ТС, на наднациональном уровне ТС и ЕАЭС законодательные акты принимаются без обязательной процедуры оценки регулирующего воздействия.

Нагляднее всего проблема неравных экономических условий ведения бизнеса в соседних государствах Таможенного союза видна при сравнении основных производственных затрат предприятия, действующего в Российской Федерации и в Республике Казахстан (табл. 2).

Таблица 2

**Сравнение основных затрат производства
в Республике Казахстан и Российской Федерации [4]**

Показатель	Казахстан	Россия
Газ (за 1 м ³), р.	3,72–4,35	5,60
Электроэнергия (за 1 кВт·ч.), р.:		
1-я зона (с 7:00 до 19:00)	3,34	4,90
2-я зона (с 19:00 до 23:00)	7,00	6,00
3-я зона (с 23:00 до 7:00)	0,94	–
НДС, %	12,0	18,0
Социальные отчисления в фонд оплаты труда, %	11,0	34,0

В результате себестоимость продукции в Казахстане на 27–30% ниже, чем на аналогичных российских предприятиях — даже несмотря на дополнительные транспортные затраты по доставке продукции конечному потребителю.

Таким образом, важное направление работы Евразийской комиссии — формирование равных экономических условий для развития бизнеса на всей территории Таможенного союза за счет гармонизации налоговых ставок и порядка регулирования энерготарифов.

Кроме того, в договоре о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор) содержатся положения, концептуально отличающиеся от установленных в действующих соглашениях Таможенного союза. Они не гармонизированы с международными нормами и могут значительно ухудшить условия ведения бизнеса в России и ТС. Проект договора фактически возвращает страну на 10 лет назад, в условия, существовавшие до принятия Федерального закона от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

Речь идет в первую очередь об обязательных требованиях к продукции и связанных с ними процессах — как в технических регламентах

Таможенного союза, так и в Единых санитарно-эпидемиологических и Единых ветеринарных требованиях, которые предъявляются к соответствующим товарам.

Это неизбежно приведет к двойному регулированию деятельности хозяйствующих субъектов, а также к появлению дополнительных платных процедур, необходимых для вывода продукции на рынок. Помимо этого, возможное введение обязательности стандартов означает барьер для инновационного развития экономики.

Преодоление указанных препятствий возможно посредством внесения изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе с учетом следующих принципов.

1. Единые санитарные требования действуют только до вступления в силу технических регламентов ТС на соответствующий вид подконтрольных товаров, как это установлено сейчас в Соглашении ТС по санитарным мерам (заключено в г. Санкт-Петербурге 11 декабря 2009 года, действует в редакции от 21 мая 2010 года).

2. После вступления в силу всех технических регламентов Единые санитарно-эпидемиологические требования должны быть упразднены. То же самое относится к Единым ветеринарным требованиям к продукции и связанным с ними процессами, а также к процедурам оценки соответствия. На наш взгляд, в Единых ветеринарных требованиях может быть установлен только список болезней животных, наиболее опасных для международной торговли (на основании списков Кодекса здоровья наземных животных и Кодекса здоровья водных животных Международного эпизоотического бюро).

3. Требования технических регламентов Таможенного союза в отношении продукции и связанных с ней процессов, форм и процедур оценки соответствия должны быть исчерпывающими. Не допускается устанавливать такие требования в иных нормативно-правовых актах Евразийской экономической комиссии или национальных нормативно-правовых актах.

4. Обязательные санитарные, ветеринарные и фитосанитарные требования не должны дублировать друг друга. В соответствии с международной практикой они должны рассматриваться исключительно как меры оперативного реагирования на риски, возникающие в связи с распространением вредителей, заболеваний, организмов — переносчиков болезней и т. п. Такие меры должны быть научно обоснованы.

5. Требования стандартов должны применяться исключительно на добровольной основе.

Отсутствие на наднациональном уровне ТС и ЕАЭС обязательной процедуры оценки регулирующего воздействия требует, на наш взгляд, принятия закона об оценке регулирующего воздействия в рамках ТС и ЕАЭС.

Особая проблема для развития молодежного предпринимательства — формируемые в школьном и студенческом возрасте поведенческие стереотипы в пользу предпочтения стабильности занятости и дохода, отказа от риска как необходимого условия выбора предпринимательской карьеры.

Результаты опроса 1000 студентов экономических специальностей дневного отделения УрГЭУ показали, что в 2011 году готовность заниматься предпринимательством выразили 9% респондентов, в 2013 году — только 1%.

Основные причины, по которым будущие специалисты не выбрали предпринимательскую деятельность, — отсутствие интереса, финансов и поддержки (табл. 3).

Таблица 3

Результаты опроса студентов экономических специальностей
дневного отделения УрГЭУ, %*

Фактор	2011	2015
Недостаточная информированность	15	13
Отсутствие знаний	10	8
Нет навыков	13	15
Отсутствие финансов	25	20
Огромные риски	12	17
Отсутствие поддержки	22	19
Большие налоги и неопределенность	9	11
Другие интересы	25	30

* По данным официального сайта Уральского государственного экономического университета. URL: www.usue.ru.

В Докладе Уполномоченного по защите прав предпринимателей Президенту РФ за 2014 год отмечаются четыре причины, препятствующие развитию предпринимательства в рамках ТС и ЕАЭС: отсутствие идей для организации бизнеса, исторически негативное отношение к предпринимательству, изъяны образования (система образования не формирует «проектный подход» у молодых людей, не дает даже элементарных навыков открытия и развития своего дела), отсутствие опыта ведения бизнеса у молодых предпринимателей как на национальном, так и трансграничном уровне¹.

У молодежи, проявляющей интерес к открытию бизнеса, нет понимания, в какие проекты лучше инвестировать. Решением может стать

¹ Доклад Президенту РФ — 2014 // Официальный сайт Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2014.html.

глобальный форсайт ниш для инвестиций в проекты малого и среднего предпринимательства на Евразийском пространстве и создание надгосударственного банка бизнес-планов. В каждой стране — члене ЕАЭС целесообразно создать перечни проектов, в которых заинтересованы местные власти, и разместить их в открытом доступе.

В России и других странах — членах ЕАЭС в силу традиционной ментальности отсутствует культура предпринимательства. На бытовом языке это формулируется следующим образом: «быть предпринимателем сегодня не модно». Для решения проблемы полезно выделить «развитие предпринимательской культуры» в виде отдельного приоритета при проведении грантовых конкурсов среди общественных и некоммерческих организаций, объявить в ЕАЭС «Год предпринимательства», поручить Евразийской экономической комиссии разработать комплексную программу по вовлечению молодых людей из стран — членов ЕАЭС в трансграничную предпринимательскую деятельность.

Решение проблемы образования предпринимателей возможно за счет введения в учебники истории главы о развитии национального предпринимательства, внедрения сквозного экономического образования в среднюю школу. Кроме того, можно проводить Евразийский чемпионат по управленческой борьбе, олимпиаду по предпринимательству среди старшеклассников стран — членов ЕАЭС, организовать программу по развитию предпринимательства в рамках учебного курса СПО, а также отдельную обязательную программу в рамках бакалавриата по всем специальностям.

Важна также системная поддержка молодых предпринимателей сообществом успешных предпринимателей: развитие института наставничества; организация стажировок на базе реального бизнеса, участие бизнеса в образовательных программах; создание и выпуск креативных инструкций по открытию бизнеса; запуск отраслевых бизнес-курсов (как открыть парикмахерскую, автомойку, пекарню и т. д.) по инициативе бизнес-сообществ; объявление конкурсов на поддержку стартапов бизнес-сообществами.

С. Л. Кропотов

Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Евразийство для внешнего и внутреннего пользования: парадоксы множественной модерности

Статья рассматривает дискурс старого и нового евразийства в рамках постколониальных исследований, позволяющих поместить его в более широкий междисциплинарный контекст, включающий и политическое измерение. Выявлен эвристический потенциал евразийской тематики для анализа опыта дестабилизации, переживаемого индивидуальными и коллективными субъ-

ектами в эпоху глобализации. Концептуальный инструментарий евразийства имеет, безусловно, европейское или «западническое» происхождение. Однако сам этот феномен является идеологической частью стратегий социальных групп или государств, конструируемых с целью выделиться из дестабилизированного социального и физического пространства, вызвать в воображении «собственное место». Концепт евразийства позволяет преодолеть формат оппозиции «национализм/интернационализм», «Запад/Восток», «модернизм/архаизм» в более современном подходе к описанию обществ в переходных состояниях.

Ключевые слова: внутренний ориентализм; модернизация; городской уклад; сельский уклад; гибридность; сообщество сопротивления; компаративизм; национальная история; внутренняя колонизация; субъектность; символическая дистанция; манипуляция; культурное различие.

Цель статьи в том, чтобы рассмотреть дискурс старого и нового евразийства в рамках постколониальных исследований, позволяющих поместить его в более широкий междисциплинарный контекст, включающий и политическое измерение. Мы хотим артикулировать эвристический потенциал евразийской тематики для анализа *опыта дестабилизации*, переживаемого индивидуальными и коллективными субъектами в эпоху глобализации. Сопутствующие ей перманентная реструктуризация капитализма, рост социального неравенства как индивидуумов, так и городов, этносов, стран и регионов закономерно порождают реакцию сопротивления. *Целью подобных стратегий обычно является стремление социальной группы или государств выделиться из дестабилизированного социального и физического пространства посредством вызова в воображении «собственного места».* Концепт евразийства позволяет преодолеть формат оппозиции «национализм/интернационализм», «Запад/Восток», «модернизм/архаизм» в более современном подходе к описанию обществ в переходных состояниях.

Концепт евразийства привлекателен и одновременно опасен именно своей амбивалентностью, потенциальным или реальным двуязычием, предполагающим встречу двух и более когнитивных и языковых, экономических и технологических миров, культурных этосов. За этим феноменом стоит многослойная реальность стран, развивающихся в режиме догоняющей модернизации, размывающая представления об эталонной или монолитной модерности. В нашей статье мы показываем, что концепт евразийства является символической переработкой нескольких процессов. С одной стороны, он маркирует неолиберальную трансформацию постсоветских социальных государств, с другой стороны — чересчур настойчиво акцентируемое «уважение к прошлому», с третьей стороны, в нем присутствует декларация «мы — другие» (не просто потребители), мы против колониального порабощения хитроумными западными словами, вещами и институциями как «агентами влияния». Столь сложное сочетание устремлений в «светлую комфортную современность» с перманентной

реанимацией формульных структур советской ментальности, обещаний неизбежных перемен и полное отсутствие видения будущего (в отличие от советского периода), неолиберальным сокращением социальных обязательств и ностальгией по стабильности в различных слоях общества — все это требует двойственной, динамичной концептуализации в духе постколониальных исследований.

Проект «евразийство» является первой попыткой переориентировать (перестроить в направлении ориентализации) российскую идентичность в сторону Востока в ответ на дважды случившийся в XX веке распад империи. Сложность в том, пишет А. Эткинд, что «Россия в разных ее частях, периодах и лицах бывала как субъектом, так и объектом ориентализма. <...> Понятие внутреннего ориентализма выражает общность и различие между российским опытом и другими, лучше изученными вариантами западной колонизации. <...> Главные пути русской колонизации были направлены не вовне, но внутрь метрополии. <...> Миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России были обращены внутрь собственного народа» [11].

«Внутренний ориентализм», присутствовавший и в управленческой практике, и в классическом языкознании и этнографии XIX века, впервые был диагностирован славянофилами, а затем подхвачен в 20-е годы XX века евразийцами как продолжателями в новых условиях дореволюционной академической традиции. Последние маркируют различие между внутренним российским этосом и внешним опытом индустриально развитых стран, а точнее — демонстрируют контраст между городским (условно прозападным) и сельским (условно восточным) укладами жизни. Отметим, что мегаполисы и малые города внутри России и в первой трети XX века, и в начале XXI века экономически и ментально столь же отличаются друг от друга, как Европа от Африки.

В зависимости от субъектов, агентов и адресатов, использующих концепты евразийства, происходит наполнение конкретными смыслами этого понятия. Общим ощущением всех «пользователей» являются «цивилизационная» складка, растущее отчуждение между стратегиями модернизаторов-«прогрессоров» (см. [6; 7]) и тактиками сопротивления глобальной модерности апологетов архаики, наконец, технологическое различие между социально-экономическими укладами. Общей платформой между российскими (геополитическими) и западными (академическими) евразийцами можно считать сопротивление гомогенизации истории вокруг темы модернизации и роли ведущих национальных государств. Различие же состоит в том, что первые ведут к еще большему огосударствлению конструируемой транснациональной идентичности с целью восстановления гегемонии России, а вторые же — к легитимации

сообществ сопротивления глобальному капитализму, в том числе левых интеллектуалов как альтернативы академическому мейнстриму. Главные «евразийские» темы молодого поколения историков, чья академическая карьера еще только на взлете, — интернализация моделей описания национальной истории, обновление взглядов на модернизацию и национальные государства, компаративистский подход к рассмотрению исторических проблем в международном контексте. Евразийство в аутентичной версии Н. Трубецкого впервые узаконило темы, игнорировавшиеся академическим мейнстримом: полиэтничность и мультикультурализм империй, местные и региональные исторические исследования, архаические и массовые традиции культуры в условиях модернизации, нефактологические и альтернативные истории [8, с. 162].

Евразийство каждому обещает свое, по сути, не только разное, но и противоположное, и потому обречено быть втянутым в политики репрезентации идентичности постимперских субъектов, в символическую переработку травмы распада Российской империи в начале XX века, а затем и СССР. Если новое поколение академического евразийства на Западе занимается децентрацией неокOLONиализма, защитой локальных идентичностей и историй сообществ социально слабых с позиций, близких постколониальным исследованиям, то в концепции нынешнего официального российского евразийства Россия позиционируется именно в качестве самодостаточного центра, а не части евroatлантической цивилизации или Евросоюза как превосходящей мегаструктуры.

Для первого поколения евразийцев (Н. Трубецкой и др.) разрабатываемая ими новая версия националистической идеологии была рефлексией кризиса европоцентристского миропорядка и поиском нового места постреволюционной России в нем, попыткой построения иного — многонационального — варианта российской идентичности, утверждения политического суверенитета географически детерминированной «органической общности» народов на территории Российской империи. Эта транснациональная общность для классических евразийцев означала не просто следование традициям великорусского национализма. Ядром предложенного концептуального поворота служит отказ от претензий на доминирующее положение русского народа в рамках «единого, однородного и добровольного сообщества» [3, с. 571]. Н. Трубецкой осуществлял эксцентричную делегитимацию местных этноцентрических движений (национализма «малых форм») ради легитимации геополитической целостности исторического пространства российского государства. Примечательно, что и для Трубецкого, и для нынешних официальных евразийцев будущее государств зависит не столько от них самих, сколько от способности объединяться в общие интернациональные структуры.

Ориентализированные страны бывшего СССР начисто лишены субъектности, прямо или косвенно это право у них отрицается, и поэтому они становятся объектом манипуляций со стороны Запада и глобально-го капитализма. В рамках данной оптики страны на постсоветском пространстве могут стать лишь объектом патерналистской опеки со стороны России. Подспудно проводится мысль о том, что эти опустошенные от собственной субъектности страны — важные геополитические активы, которые некие «злые силы» пытаются у России отобрать.

Отсюда следует, что для нынешних неклассических — «психогеографических», в духе А. Дугина — евразийцев старые категории служат инструментами воссоздания союзных институций, попытки возрождения «русского мира» как модели доминирования одного этноса (с комплексом «старшего брата») на постсоветском пространстве. Общее между ними — во-первых, ощущение пропасти, отделяющее Россию от Европы, поиск стратегий и тактик сопротивления угрозам, исходящим от глобализации. Во-вторых, самоопределение «национального характера» происходит через конструирование отличий от западной цивилизации. В-третьих, точкой смысловой сборки евразийских текстов, одним из главных адресатов — сувереном, от которого ждут признания собственной геополитической субъектности, является не Восток, а все тот же Запад как законодатель глобальных трендов. Наконец, в-четвертых, есть еще один важный адресат — народ как своего рода «внутренний Восток», носитель нередуцируемого остатка архаики, боязни соприкосновения с чужим, в меру сил сопротивляющийся модернизации как синониму вестернизации. Сегодня «народная легитимность» власти, считающей себя «единственным европейцем в России», в очередной раз меняет свою базу — теперь, по внешней видимости, опора осуществляется на более архаические слои населения, публичная репрезентация ценностей которых должна замаскировать уже совершенно неотложные модернизационные реформы, затрагивающие интересы этих же слоев.

Концепт евразийства представляет собой сплав внешнего влияния и внутреннего реагирования — активного, нацеленного в будущее действия и пассивного ответного тактического противодействия с целью сохранения статус-кво. Примером может служить проведение европеизированной политики модернизации как «вождедения» к модерности у государства и элит как стратегии, осуществляемой внутри до-модерного субстрата, выживающего в формате сопротивления внешней логике «прогрессора». В этом случае «азиатское влияние» стигматизировано и бессознательно маркировано как неискоренимая «азиатчина». Внутреннее до-современное варварство, которым пугают и Запад, и «прозападную» либеральную интеллигенцию, для своих и чужих адресатов может

выступать то как «великое алиби», то как «сокровищница добродетели» в зависимости от ситуации, в которой находится пользователь евразийского дискурса. Например, предвосхищая появление концепта «гибридизации» в проблемном поле постколониальных исследований, Н. Трубецкой писал об амбивалентном характере адаптации комплексов заимствованных идей и управленческих технологий, приспособленных к российским реалиям: «Центром средоточия того процесса внутреннего перерождения [Древней Руси — в Россию], <...> явилась Москва. Здесь с необычайной силой отражались все явления, порожденные татарским игом. <...> Случаи морального падения, беспринципного оппортунизма, унижительного прислужничества татарскому режиму, карьеризма, не останавливающегося перед предательством и преступлением, были здесь нередки. Но в то же время именно здесь, в Московской области, ярким пламенем горело религиозное чувство. <...> Усвоение техники монгольской государственности и даже бытового влияния татар в Москве шло особенно усиленными темпами, и потому понятно, что именно здесь русские легче и скорее освоились с самим духом монгольской государственности, с идейным наследием Чингисхана. В той же Москве и в Московской области особенно заинтересовались и византийскими государственными идеологиями. Таким образом, все проявления того сложного психологического процесса, который в конце концов привел к превращению монгольской государственности в русскую, центрировались в Москве» [8].

В данной логике нелинейный характер модернизации (вестернизация и одновременно сопротивление ей), архаические или негативные по западным стандартам черты в технологии управления Российской империи в XIX веке и СССР объясняются опять же через чисто внешние — на сей раз византийские или татаро-монгольские — влияния на текущее состояние дел, несмотря на значительность временной дистанции. Примечательна роль «яркого пламени религиозного чувства» при переплавке внешних влияний в процессе становления евразийской гибридной идентичности.

Можно говорить о сложном, противоречивом процессе адаптации любых внешних влияний, включая потенциал академического евразийства, возникшего в среде первой эмиграции. Этот комплекс идей подвергается неизбежному искажению при его использовании как советскими, так и постсоветскими властями. Он обслуживает логику идеологического оправдания существующего в России уклада с его системой ценностей и иерархией людей [1, с. 61–68]. Маскировке доминирования русского государства служит идеализированное православие как надежда на преодоление малых национальных сепаратизмов. Это явно противоречит декларативному отказу Трубецкого от доминирования русского народа после революции, признанию его равноправия среди других этнокультурных

групп. Но дело даже не в религиозной монополии, а в логическом обосновании проектируемой, вполне «воображаемой» наднациональной общности — еще не существующей в самосознании народов, но чисто конструктивистской идеи, чья легитимность на уровне природного детерминизма тем самым неосознанно подрывается. Точно так же, как и нарождающийся на стройках индустриализации грядущий «пролетариат», вождельная «евразийская идентичность» является «пустым означающим», позволяющим российским политическим и академическим элитам быть временами весьма воинственным «голосом антиимпериалистических сил», рупором всех слабых, обиженных и обездоленных глобализацией («кто был ничем...»).

И если знание сопричастно власти, то евразийство Н. Трубецкого как агента академического знания (лингвистика, этнография) является важным жестом с целью получения легитимного права говорить от имени угнетенных, модернизируемой архаики «азиатов» внутри континента. Это попытка понять место страны, пережившей катастрофический срыв в архаику, но провозглашающей свою ключевую роль в авангарде передового человечества, декларирующей и свое место в истории через приобщение к индустриальной цивилизации. Для страны и ученого это был шанс выработать дискурс угнетенных, найти точку опоры, слившись со средой, агрессивно колонизируемой индустриальными методами, поставить Россию в качестве страны — лидера третьего мира (трансформировав миф «третьего Рима»). Это то, с чем смогли отождествить себя академические евразийцы в послереволюционной переходной ситуации. Однако структурно эта логика повторяла концептуальные ходы марксизма-ленинизма: как «материя» указывает на неизбежность грядущего господства пролетариата, так и «сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединяться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом» [8]. Отметим очевидное противоречие как старого, так и нового поколения российского евразийства: «механистическому, агрессивному и эгоистическому» наднациональному романо-германскому миру противопоставлен другой — «духовный, миролюбивый и альтруистический», но столь же наднациональный проект. Одно и то же качество — транснациональность европейского или евразийского союза — маркируется по-разному в зависимости от априорно негативного или позитивного субстрата.

Исследователи отмечают, что самым проблематичным и нестабильным оказывается понятие границы между «мы» и «они» — внешним и внутренним европейским и азиатским компонентами внутри общности, переформируемой вокруг евразийской идентичности. «В российском случае постепенное расширение территории формировало все новые

различия между подданными, а власть в разные времена формировала разные стратегии для манипулирования этими различиями», — пишет А. Эткин [12, с. 17]. Сами «прогрессоры» как субъекты внутренней колонизации дистанцировались как от тех, кого они поработали и эксплуатировали в рамках авторитарной модернизации, так и от самих западных элит индустриальной, а ныне и постиндустриальной Европы и США. Формально признавая европейский цивилизационный выбор, российские элиты всегда имели возможность избирательного заимствования передовых технологий при одновременном отбрасывании основополагающих гуманистических ценностей, часто ограничиваясь лишь внешним, имитационным поддержанием заимствованных институций (демократии, свободы творчества, уважения прав человека). Одновременно происходило психологическое вытеснение двойного отчуждения (и от Запада, и от своего народа) и замещение собственных комплексов неполноценности по отношению к Западу путем проекции их на рядовых сограждан как «недостаточно эффективных» работников, «непродвинутых» и «малокультурных» пользователей предметов потребления и т. п. В этом карнавале гибридных идентичностей сверхкультурные и почти европейские «мы» и некультурные, азиатски хитрые, раболепные и ленивые «они» постоянно меняются местами-масками. И даже самые обездоленные россияне канализируют свои комплексы неполноценности, перенося их в чувство превосходства по отношению к таджикам, молдаванам, украинцам или предавшим «традиционные ценности» европейцам и американцам.

Таким образом, понимание евразийства в рамках постколониальных исследований позволяет увидеть в нем символическое выражение комплекса социально-классовых различий в обществах переходного типа. Если в индустриальном обществе традиционное понимание классов возникает на основе отношения к средствам производства, то в случае с формированием евразийской идентичности базовым является отношение к знакам различия, конституирующим власть. В силу сказанного можно согласиться с А. Эткин [12], что «колониальная ситуация основана на культурной дистанции между теми, кто осуществляет власть, и теми, кто подвергается эксплуатации. Нет культурной дистанции — нет колониальной ситуации. Работа с культурной дистанцией между властью и подданными — ее преувеличение и демонстрация, минимизация и отрицание, „изучение“ и конструирование — является ключевым элементом колониальной политики. Эта дистанция маркируется разными средствами — расовыми, этническими, лингвистическими, религиозными, юридическими, одним словом, культурными. Все они выступают в роли знаков различий, и значение любого из них конструируется или, наоборот, оспаривается и отбрасывается культурой» [11].

Именно поэтому евразийские исследования с самого начала не являются предметом чисто академического интереса. Они действительно встраиваются в культурный механизм, с помощью которого формируется необходимая дистанция между властителями и подданными. Сегодня, как и во времена Н. Трубецкого, эта разница постоянно меняется в зависимости от контекстов и, главное, интересов операторов данного комплекса идей как внутри, так и вне страны.

Фактически заслуга академических евразийцев-интеллектуалов состояла в том, чтобы с помощью манипуляции культурными различиями признать одинаковую чуждость и российских элит, и революционизированного (и в то же время консервативного) народа Западу. В переработанной форме их идеи используются в конструкции как советской, так и постсоветской идентичности. Ее структурной основой стало парадоксальное «объединяющее разъединение» по отношению к угрозам модернизации, если воспользоваться формулой М. Бермана (см.: [13, р. 15]), — это своеобразное «родство» верхов и низов, достигаемое через демонстрацию чуждости дестабилизирующему опыту модерности. Единство в противостоянии ее угрозам, разрушающим все то, чем мы владеем, все, что мы знаем о себе и изменчивом мире, все, чем мы являемся, происходит при одновременном полубессознательном (иногда вполне циничном) признании раскола между европеизированными элитами рухнувшей империи и собственного «азиатского» народа.

В России, как и во всех странах, переживавших индустриальную модернизацию, наблюдался перенос на управление внутренними территориями, подлежащими вторичному освоению, административных и политических принципов, аналогичных методам управления в колониях. «Внутренняя колонизация великорусских областей сопровождалась искусственным производством культурных различий, необходимых для того, чтобы дисциплинировать подчиненные группы населения. <...> В этом случае управление включало в себя такой парадоксальный элемент, как инверсия культурных и социальных различий: в официальном имперском дискурсе и особенно в литературных произведениях, написанных с имперской точки зрения, этнокультурные различия между восточнославянскими народами подвергались отрицанию или минимизировались, а сословные различия между сельскими, городскими и „благородными“ людьми описывались как глубинные, близкие по своему характеру к расовым» [12, с. 13–15].

В силу всего сказанного об академическом и психогеографическом евразийстве можно согласиться с утверждением, что в этих концепциях «отношения между Западом и Востоком имели существенно меньшее значение для русской критики и публицистики, чем отношение между

государством и народом. Более того, в силу самореференциальности внутренней колонизации *оппозиция государства и народа эффективно замещала в русской культуре оппозицию Запада и Востока* (курсив мой. — С. К.) [12, с. 16]. Говоря похожие на правду слова «Россия не Европа», чиновники маркируют свое государство как «более народное», маскируя все более глубокий разрыв между управляющей метрополией и эксплуатируемой периферией. На деле же ни внешний Восток, ни внешний Запад им не нужны и не близки. И в этом смысле концепция евразийства, с которой власти смогли себя отождествить, является очень важным бессознательным самопризнанием: для внутренней колониальной модернизационной политики, как мы уже писали, главный фронт и маркер различий — фронт и разлом внутренний. Мы сами себе и «злой Западом», и «вождем Востока» в качестве последней надежды, но в принципе незнакомый «Восток».

Внутренняя колонизация сопровождается внутренней регионализацией, когда эксплуатируемые, в поисках лучшей жизни перетекающие с периферии в метрополию, неизбежно приводят ее к рурализации, возникновению гетто, понижению качества и фрагментации городской среды. И тогда внутри мегаполисов происходят разграничения между условно «европейскими» и «азиатскими» пространствами (американские «чайна-тауны», парижская «Сибирь» или лондонский «Восток») как метафорическое замещение богатых и бедных — пролетарских, крестьянских, этнических или классово дифференцированных пространств.

Говоря в категориях П. Бурдьё, в евразийстве явно присутствует метафора иерархически организованного глобального социального пространства в замаскированном виде, вследствие действия натурализации, вызывающей устойчивое отнесение социальных реальностей к физическому миру «Европы» и «Азии». Различия, произведенные посредством социальной логики глобального неравенства и циркуляции потоков капитала, предстают рожденными как бы из «естественной границы», из самой природы вещей. «Здесь можно видеть, что социальное деление, объективированное в физическом пространстве... функционирует одновременно как принцип видения и деления, категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура. И можно подумать, что именно посредством такого воплощения в структурах присвоенного физического пространства **неслышные приказы социального порядка** и призывы к негласному порядку объективной иерархии превращаются в системы предпочтений и ментальные структуры» (выделено мной. — С. К.) [2, с. 50–51]. Близкой позиции придерживается и британский исследователь Тим Холл, маркируя подобным образом границы условно «северных» и «южных» пространств внутри индустриального города. Он противопоставляет пролетарские

окраины как места социальной, эмоциональность общности, духовного единения (Gemeinschaft), с одной стороны, и центры мегаполиса как места для иерархически структурированного, институционально оформленного «хорошего» общества «несчастливых индивидуалистов» (Gesellschaft) — с другой [14, р. 204–205]. Отсюда следует, что искусственные системы пространственного воображения представлены в локальных или глобальных репрезентациях геополитики (на микро- или на макроуровне) как вполне «естественные», «натуральные», «географические».

Таким образом, внутригородская специализация или символическая регионализация пространства — явление далеко не уникальное. «Евразийство» во внутреннем (локальном) применении является метонимическим замещением резкой социально-классовой дифференциации городского и сельского пространства и потому оказывается феноменом практически вездесущим. Символическое, политическое или экономическое акцентирование субконтинента — это синоним неискоренимого социально-классового разделения как в масштабе глобального мира, так и внутри города или между городом и деревней, между крупными и малыми городами и т. п. Признание растущей разобщенности происходит под традиционными лозунгами недоступного модернизированному Западу единения, православного «братства» или мусульманского «джамаата» между «простыми нашими людьми», живущими на окраинах Стамбула или Москвы, Екатеринбурга или Манчестера. Подчеркнем важность ощущений **потери, лишения, утраты, дефицита**, характерных для конструкции современного субъекта вообще (Лакан), в особо острой форме переживаемых периферийным или постколониальным субъектом. В этом контексте старое и новое евразийство являются реакцией со стороны периферийных сообществ сопротивления, опосредованной локальными традициями с их набором натурализованных бинарных оппозиций. Это символический ответ элит на реальные или воображаемые действия глобальных центров власти.

Главная проблема в концепции постсоветской (евразийской) идентичности, по словам философа А. Рубцова, сводится к определению того, кто наш враг и чем мы не являемся. Трудность в том, что маркер «врага» постоянно перемещается — «Другой», от которого жаждут признания, неподвластен нам. Он обладает исключительной непрозрачностью, протестичностью, способностью ускользать и перевоплощаться, чем вызывает особое отвращение, полагал Ф. Фанон. Российская власть в погоне за этим «враждебным» исчезающим Другим постоянно меняет свои мемы и обличия, выступая от имени многократно менявшихся по составу сообществ сопротивления, представляет себя то как «единственный европеец»-прогрессор, то как главный защитник местной традиции и ориентальной

архаики. Поэтому использование евразийской риторики может идти как с эгоцентрических, так и с эксцентрических позиций, быть инструментом укрепления стабильности и в то же время оказывается обоюдоострым орудием государственной политики (опосредующим опасности «внутри» и «вовне») при возрастании давления глобальной конкуренции на национальную экономику с целью повышения ее конкурентоспособности.

В связи с этим отметим еще одно важное различие отечественного и зарубежного евразийства, на которое указывает в своей книге А. Эткинд, — отсутствие у российских евразийцев критического отношения к идеологии и практикам государственной власти с их логикой внутренней колонизации. Подобная постановка вопроса невозможна в апологетической литературе, где имперское доминирование маскируется в риторике «братства народов как манифестации воли хартленда». Эткинд напрямую связывает постколониальные исследования именно с развитием междисциплинарных критических дискурсов: «Россия была как субъектом, так и объектом колонизации и ее последствий, таких, например, как ориентализм. Занятое колонизацией иностранных территорий, государство так же стремилось колонизировать внутренние земли России. В ответ на это многочисленные народы империи, включая русский, развивали антиимперские, националистические идеи. Эти два направления колонизации России — внешнее и внутреннее — иногда конкурировали, а иногда были неотличимы друг от друга. Менявшиеся отношения между двумя векторами колонизации, внешним и внутренним, были не „застывшей диалектикой“, как сказал бы Беньямин, но скорее гремячей смесью. <...> Активистская и, более того, трансформистская культуры были важными аспектами внутренней колонизации» [10, с. 9–10; 11].

Словесная диалектика евразийства соответствовала реальной политике государства и тогда, когда «главным фронтом для имперской администрации то и дело оказывался тыл» [12, с. 15], и тогда, когда российской элите как части элиты глобальной приходится маневрировать между глобальными группами интересов с целью сохранения собственной субъектности (суверенности). Самым проблематичным, однако, оказываются не эти мифологизированные категории «Европы» и «Азии», но само различие между внешним и внутренним — иными словами, понятие *границы*. Российская власть в разные времена формировала все новые различия между подданными и стратегии манипулирования этими различиями. «Характерное нагнетание ориенталистских метафор для объяснения отношений между властью и обществом в России — не что иное, как риторическая конструкция внутренней колонизации, для которой характерны сочетания дескрипции и прескрипции, уподобления по смежности и временной отсрочки. Термин „отсрочка“, взятый из философии Ж. Деррида, здесь

мы понимаем как трудность или невозможность определения современниками тех практик, которые составляют внутреннюю колонизацию. Их рефлексия в публичном языке всегда словно бы откладывается в будущее» [12, с. 17]. Все это сильно напоминает ситуацию 20–30-х годов прошлого века, когда диктатура вновь рождавшегося в процессе индустриализации пролетариата была диктатурой от имени воображаемого будущего класса-гегемона. Равно как и сегодня надежды на конструируемую евразийскую общность базируются на том, что императив трансграничного пространства простые обыватели пока еще не ощущают, но вынуждены будут «осознать» по мере реализации проекта. Важно отметить, что метонимическая критика внутренней колонизации как в управленческих технологиях, так и академических исследованиях — через указание на иные практики в других странах или в самой России — постоянно присутствует и в отечественной, и в зарубежной культуре (см.: [4; 9]).

Рассуждая о противоречиях евразийской риторики, И. Кукулин справедливо указывает, что при осмыслении последствий национального строительства и трансформации национального самосознания в СССР очень важную роль приобретало изображение сознания советского человека как гибридного, конфликтно сочетающего черты «управляющего» и «подчиненного» [5, с. 850–851].

Вслед за М. Фуко, Э. Саидом и Ф. Фаноном мы исходим из того, что властные отношения конституируют идентичность субъекта и «вписаны» в нее. Саид определял колонизацию прежде всего как основанные на насилии формирование и поддержание культурной дистанции между колонизаторами и «туземцами». Но в неклассической философии любые отношения идентичности в принципе амбивалентны. Они сплетены из отношений сходства (снятия различий) и дифференциации (утверждения и умножения различий). «Другой» и «инакость» в конструкции идентичности служат непререкаемыми объектами желания и осмеяния, отщепления и отвращения одновременно (как к бородатой женщине на «Евровидении»). Подчеркнем, что артикуляция различий обязательно присутствует внутри фантазий на тему «истоков национального характера», «духовных скреп», лежащих в основе идентичности.

Таким образом, евразийство является одной из вариаций поиска русской имперской идеи (ее противоречивого соединения с национализмом). Оно перекодируется в направлении интернационализма путем бесконечного переворачивания формы и содержания, прямо как в социалистическом реализме, выступая интернациональным по форме, но националистическим и имперским по содержанию. Императивы задаются территорией и историей как имперсональными субъектами (не общественными движениями, социальными группами, классами), в чем видятся

натурализованные в духе советского марксизма гегелевские влияния («превращения монгольской государственной идеи», развитие самосознания народов как движущей силы на пути к «евразийскому братству народов»). В подобной ситуации имеет смысл применить схему Ф. Фанона, одного из основоположников постколониальных исследований, согласно которой в культурах-реципиентах привнесенные категории, ценности и институты на какое-то время оказываются имитациями и напоминают игру означающих и означаемых по типу «белые маски на черной коже». *История евразийства — это история воображаемой и проектируемой общности, которая интенсивно ищет и конструирует сходства и различия в целях самосохранения и самоутверждения.*

М. фон Хаген определяет евразийство как антипарадигму, возникающую после взаимодействия между двумя традиционными подходами в академической науке и политике к описанию России: либо это Восток с его экзотикой и издержками, либо это особый случай в глобальной модернизации. «Ориентальный» взгляд выдвигает на первый план коренные отличия постсоветских государств от Запада. Напротив, оптимистичный взгляд с точки зрения модернизации подчеркивает «нормальность» происходящего в России за последние полтора столетия, отмечая как сходство с соответствующими этапами в прошлом развитых стран, так и общие черты процесса модернизации в странах развивающихся. В неустойчивом балансе между двумя крайностями евразийство скользит в ту или другую сторону, «пытаясь частично компенсировать недостатки обеих парадигм путем ревизии принятых в исторической компаративистике конвенций осмысления сходства и различия» [9, с. 141]. В зарубежных евразийских исследованиях отвергается монолитный и статичный культурный детерминизм, присущий ориентальной парадигме (и многим российским консервативным евразийцам). В то же время в понимании неравномерности развития и неоднозначности модернизации зарубежные исследователи евразийской проблематики пытаются учитывать значение структур большой длительности (экологических, демографических, экономических, культурных) при понимании процессов и результатов масштабных изменений на постсоветском пространстве.

Подводя итог, отметим, что позитивной интенцией, пусть не всегда последовательно реализованной в академическом и политическом дискурсе евразийства в его идеологических и методологических различных течениях, является отказ от жестких полярных категорий в отношении ситуации транзита. Главное эвристическое наполнение евразийства — гибридность или сплавленность оппозиций модернизации и архаизации, футурологической и ретроспективной риторики, интернационализма и национализма, демократии и авторитаризма, колониализма и антиколониализма,

глобального и локального. Концепты евразийства могут быть применены для описания переходного состояния стран, утверждающих свою субъектность в догоняющем режиме развития, который можно осмыслить лишь комбинированием разных полюсов противоречивой социальной реальности между отстаиванием собственной суверенности и лоббированием слабо замаскированных способов неокOLONиального доминирования в сфере традиционного геополитического влияния.

Культурная дистанция между «прогрессорами» и объектами их работы составляет конструктивный принцип евразийства, она насыщена скрытыми или явными политическими смыслами. Если для молодых евразийцев в западных академических кругах это проявляется в практике деконструкции таких идеологизированных категорий, как «просвещенная, динамичная Европа» и «отсталая, статичная Евразия», то для апологетичных к любой авторитарной власти отечественных евразийцев политика присутствует в натурализации идеологизированных «устоев и скреп» на постсоветском пространстве. Подчеркнем, что легитимация и делегитимация, присущие любому научному дискурсу, идут рука об руку и в этом случае реализуются в евразийстве как нормализация альтернативного опыта развития от стабильной простоты повседневного выживания в духе советских времен ко все большей сложности.

При всем разнообразии вариантов евразийство является способом оправдать присутствие на постсоветском пространстве общностью судеб, экономических интересов, истории и географии. Внутренняя культурная дистанция в евразийских текстах овнешнена, ибо представлена как внешняя пространственная дистанция России и постсоветских государств, равноудаленных и/или равнововлеченных в разнообразные обмены как с Европой, так и с Азией.

Библиографический список

1. Болтанский Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛЮ, 2011.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007.
3. Бэссин М. «Классическое» евразийство и геополитика русской идентичности // Новая история постсоветского пространства / под ред. И. Герасимова, С. Глебова и др. Казань, 2004.
4. Между Европой и Азией: истоки, теории и наследие русского Евразийства. М.: Ab Imperio, 2015.
5. Кукулин И. «Внутренняя колонизация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000-х годов // Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: НЛЮ, 2012.
6. Липовецкий М. Еще раз о комплексе прогрессора // Новое литературное обозрение. 2015. № 1 (99).

7. Липовецкий М. Траектория ИТР-дискурса. Разрозненные заметки // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (74).
8. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999.
9. Хаген М. фон. Империи, окраины и диаспоры: Евразийство как антипарадигма для постсоветского периода // Новая имперская история постсоветского пространства. М.: Ab Imperio, 2004.
10. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО, 2013.
11. Эткинд А. Русская литература, XIX век: роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
12. Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: НЛО, 2012.
13. Berman M. A. That is Solid Melts Into Air: The Experience of Modernity. L.: Verso, 1983.
14. Hall T. (Re)Placing the City: Cultural relocation and the city as centre // Imagining Cities: Scripts, Signs, Memory / ed. by S. Westwood, J. Williams. L., N. Y., 1997.

К. П. Стожко, Д. К. Стожко
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Евразийская интеграция: настоящее и будущее

Евразийская интеграция представлена как современный вектор развития международных отношений. Авторами выделен ряд целей евразийской интеграции в области социально-экономического развития, относительно достижения которых высказывается скептическая точка зрения. Это объясняется и вынужденностью и искусственностью курса на евразийскую интеграцию, провозглашаемого некоторыми постсоветскими странами, а также его осуществлением в неблагоприятных геополитических и социально-экономических условиях. Неблагоприятные условия выступают причиной сдерживания, формализации евразийской интеграции, приобретения ею фрагментарного, избирательного характера. Также определены положительные факторы, способствующие интеграции.

Ключевые слова: евразийская интеграция; евразийское пространство; постсоветские страны; СНГ; Российская Федерация.

Евразийская интеграция — современный вектор развития международных отношений. В отличие от простого сотрудничества, она предполагает ряд принципиально важных условий и вполне конкретных целей.

Что касается целей в области социально-экономического развития, то здесь можно выделить следующие:

- 1) создание единой евразийской финансово-кредитной и денежной системы (с переходом к единой транснациональной валюте);
- 2) создание единой транспортной инфраструктуры и логистической системы;

3) сближение институциональных основ функционирования национальных экономических систем (в первую очередь, в сфере законодательства);

4) снятие таможенных преград на пути движения товаров и перемещения рабочей силы на Евразийском пространстве;

5) сближение уровней социально-экономического развития стран — участниц интеграционных процессов (особенно по показателям объемов ВВП, индекса благополучия, экономической безопасности и т. д.);

6) переход к единому информационному пространству со свободным доступом всех к источникам информации и ее потреблению;

7) сближение концептуальных (научных и политических) моделей социально-экономического развития стран евразийского пространства.

Если вдуматься в этот перечень задач, то становится очевидным, что одни из них сегодня представляются вообще невыполнимыми, а достижения других относятся к области далекого будущего.

Следует признать, что курс на евразийскую интеграцию, в отличие от простого сотрудничества, — это курс в общем и целом:

а) вынужденный (в условиях международных санкций);

б) достаточно искусственный, если учитывать менталитет и разнообразие культур восточных цивилизаций;

в) осуществляющийся в крайне неблагоприятных геополитических и социально-экономических условиях.

Во-первых, продолжают сказываться негативные последствия распада Советского Союза, разрушения единого экономического пространства и единой экономики некогда мощного государства. Общие потери российской экономики, связанные с распадом СССР, составили более 3 трлн дол. И хотя «индекс способности выживания» в СССР в начале 90-х годов XX века составлял 116%, тогда как в США он был равен 100%, это не уберегло огромную страну от распада.

С начала 2010-х годов наблюдается постепенное и неуклонное падение темпов ВВП РФ, что в среднем за последние пять лет в два раза превышает общемировые показатели и в три раза — показатели развитых стран. Так, в 2011–2014 годы они упали практически до нуля. Большинство основных показателей национальной экономики все еще ниже уровня конца 80-х — начала 90-х годов XX века.

Например, по объему производства комбайнов наша страна вернулась к 1933 году, тракторов — в 1931 году, вагонов — в 1910 году, тканей и обуви — в 1900 году. В целом по абсолютному большинству социально-экономических показателей производство в России не превышает уровень 1991 года. По индексу благополучия наша страна — на 67-м месте в мире [6, с. 464].

Во-вторых, ситуацию осложняет сам глобальный финансово-экономический кризис, от которого страдают не только развитые страны, но и все остальные государства. В том числе и Россия, находящаяся фактически в «мировом капиталистическом рабстве», которое обходится ей почти в 1 трлн дол. ежегодно. Только за 2014 год РФ выплатила почти 80 млрд дол. процентов по финансовым заимствованиям. Это способствует криминализации самой государственной власти, многие представители которой сегодня озабочены не тем, чтобы «жила страна родная», а собственным выживанием. Считается, что на взятки и подкуп должностных лиц российское население ежегодно расходует около 33 млрд дол. В связи с этим 13 апреля 2010 года был издан Указ Президента РФ «О национальной стратегии противодействия коррупции и национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы». В рамках его реализации вскрыты коррупционные схемы в ряде федеральных министерств (Минобороны, Минсельхоз и др.), региональных структур (Мурманская, Тверская, Челябинская области и др.) а также в государственных корпорациях и компаниях с государственным капиталом («Русгидро» и пр.). Последний пример с губернатором Сахалинской области также стал негативным фактором в евроазиатской интеграции: ближайший к азиатским странам регион РФ оказался «политически дискредитированным». А такие события, как крушение траулера в Охотском море с многочисленными человеческими жертвами, заставляют задуматься и о его «экономической дискредитации».

По принятому в международном праве показателю «восприятия коррупции» Российская Федерация находится среди самых коррумпированных государств мира. Федеральный закон «О противодействии коррупции» был принят только 4 мая 2011 года, т. е. с большим опозданием, и работает пока крайне неэффективно. Скандалы, выявившие вовлечение в коррупционные схемы высокопоставленных государственных чиновников, полностью дискредитировали власть.

В-третьих, все еще крайне медленно идет развитие интеграционных процессов в рамках СНГ (ближнее зарубежье), по существу не выполняется принятая Стратегия экономического развития государств СНГ. Надо отметить, что Содружество обладает значительным ресурсным потенциалом. На долю СНГ приходится 16,4% мировой территории, на которой проживает примерно 4,4% мирового населения. На долю стран СНГ приходится примерно 20% мировых запасов нефти, 40% — природного газа, 25% — каменного угля, 10% — производства электроэнергии, 25% — мировых запасов леса, 11% — возобновляемых водных ресурсов и 13% — пахотных земель [5, с. 47]. Однако ближайшие наши соседи (Украина, Грузия, Азербайджан и др.), мягко выражаясь, отнюдь не стремятся войти в СНГ. Вооруженные конфликты в Нагорном Карабахе (Кавказ),

в Донбассе (Украина) или Оше (Киргизия) также сыграли свою негативную роль в развитии интеграционных процессах в ближнем зарубежье.

В-четвертых, наблюдается и определенная демографическая асимметрия. Так, по оценке американского политика и ученого П. Бьюкенена, ни одно европейское государство не находится в таком катастрофическом положении, как Россия. Численность населения в нашей стране должна, по его прогнозам, к 2050 году снизиться с нынешних 147 млн до 114 млн чел. Русские вымирают, а население Китая вырастет на 250 млн чел. И они не останутся дома... Три четверти огромной российской территории лежат к востоку от Урала, притом что лишь 8 млн русских населяют бескрайние просторы Дальнего Востока... (см.: [1]). Смогут ли россияне при такой демографической «раскладке» сохранить свою территорию и свои природные богатства под российским суверенитетом — вопрос далеко не простой. Пример тому — непрекращающиеся требования со стороны Японии вернуть ей острова Кунашир и Шикотан.

В-пятых, существенно обострилась проблема геополитической безопасности, что актуально и для нашей страны. Несмотря на то что существует ОДКБ и разработана Стратегия национальной безопасности РФ, ситуация остается крайне тревожной. Численность боевых самолетов ВВС РФ сократилась за последнее десятилетие с 1 200 до 650. Россия потеряла стратегически важные военные базы в Лурдесе (Куба) и Камрани (Вьетнаме), уступила Китаю пограничные острова (Тарабарова и Большой Уссурийский) на Амуре. До безобразия обветшали наши Тихоокеанский и Черноморский флоты. А что же США? Они развивают эшелонированную систему противоракетной обороны, имеют только в одной Западной Европе более 20 тыс. танков, 30 тыс. бронемашин пехоты, 20 тыс. артиллерийских систем, 7 тыс. самолетов с ядерным оружием, свыше 2 тыс. боевых самолетов. Зачем такая армада в маленькой Европе, где помимо этой военной массы существуют еще и армии самих европейских государств? Тем не менее сегодня встал еще и вопрос о создании единых вооруженных сил Евросоюза. Отсюда вывод: если рассматривать геополитическую безопасность, то по отношению к нашей стране она оказалась в начале нового тысячелетия как никогда ранее низкой.

В-шестых, существенно возросло негативное воздействие участвующих техногенных катастроф на мировую экономику и народонаселение. Сегодня ни одна страна не может избежать жесткого техногенного влияния. Одно только глобальное изменение климата ежегодно наносит ущерб более чем в 60 трлн дол. При этом совокупные необходимые затраты на поддержание экосистемы в целом оцениваются приблизительно в 1,0–1,2 трлн дол., тогда как ежегодный доход от услуг экосистем составляет 36 трлн дол. Общая же оценка «полезности природы» составляет

более 500 трлн дол. При этом больше половины угроз климату связано с выбросами CO₂ при сжигании ископаемого топлива. В целом же, по прогнозам ООН, каждые 10 лет число человеческих жертв от природных катастроф будет удваиваться и к 2020 году превысит 2 млрд чел. (см.: [9]).

Помимо геополитических, природно-климатических, социально-демографических и финансово-экономических проблем, обострились также социально-культурные и социально-антропологические проблемы. Так, по данным социологических опросов, до сих пор 56% россиян положительно относятся к Октябрьской революции, а 44% готовы принять в ней участие. Сложившуюся политическую и экономическую систему в нашей стране считают тотально несправедливой 50%, при этом 61% сограждан позитивно оценивают деятельность И. В. Сталина [4, с. 21–22].

Социально-экономическое развитие России в начале второго десятилетия XXI века свидетельствует о том, что национальная экономика все еще остается в ситуации глубокого системного кризиса. Как уже было отмечено, важнейшим его фактором стало разрушение единого государства и общего экономического пространства.

По свидетельству лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица, если в период Великой Отечественной войны объем промышленной продукции в нашей стране сократился на 24%, то за период 1990–1999 годов он упал более чем на 60% [8, с. 176]. Сегодня общепризнано, что после распада СССР и начала рыночных реформ экономика России оказалась в тяжелейшем положении. Сохраняется задолженность по заработной плате в стране, падают уровень и качество жизни наших сограждан. РФ до сих пор не ратифицировала Конвенцию Международной организации труда «Установление минимальной заработной платы». Если в развитых цивилизованных странах доля заработной платы и доля социального страхования в структуре ВВП составляют соответственно 45–60% и 12–25%, что в совокупности достигает уровня 55–65% всего объема ВВП, то в России эти пропорции аномально малы. Удельный вес заработной платы в ВВП РФ равен 26%, а взносов на социальное страхование — 7,5%. Совокупные расходы на эти два базовых института чуть больше 33% ВВП, в два раза меньше, чем в европейских странах (см.: [3]).

Из-за начала глобального экономического кризиса в 2009 году произошло падение российского ВВП на 8,5%, объем промышленного производства снизился на 11,5%, только за 2014 год общий (официальный) уровень безработицы опять подскочил до 1,5% общего числа экономически активного (трудоспособного) населения [9, с. 152].

При всех достижениях (стабилизация политической ситуации в стране, прекращение чеченского конфликта, присоединение Крыма и т. д.) так и не состоялось объявленное Президентом РФ В. В. Путиным удвоение

ВВП (к 2010 году). По существу незавершенными оказались и объявленные властью реформы: административная, военная, судебная, местного самоуправления и т. д. В большинстве случаев эффект от этих «реформ» носит негативный характер. Все это существенно затрудняет сближение и тем более интеграцию нашей страны с государствами Азии в политической, экономической, культурной, военной и иных сферах.

Тяжелая ситуация сложилась в социальной сфере национальной экономики. По данным Росстата, количество дошкольных учреждений в нашей стране сократилось в два раза, на 40% сократилось число организаций, занимающихся научными исследованиями, ликвидированы десятки государственных вузов. В результате так называемой «оптимизации» оказались без работы десятки тысяч специалистов, зато на 70% возросло число государственных чиновников. «Оптимизация» осуществлялась и продолжается не за счет чиновников, начальников разного уровня, а за счет тех, кто занят в производстве, кто создает реальный продукт [7, с. 176].

Усилилась социальная и экономическая дифференциация в российском обществе. Ныне 15% населения РФ сконцентрировали в своих руках 85% сбережений банковской системы, 57% доходов от собственности, тогда как 85% россиян располагают лишь 8% доходов и 15% всех сбережений. Сегодня 96% россиян в сущности являются бедными. Среднеобеспеченными в 2011 году оказались лишь 3% россиян, получающих от 32,2 до 56,6 тыс. р. в месяц. При этом к разряду особо нуждающихся относится 20,5% россиян, имеющих доход меньше 4,6 тыс. р. в месяц (см.: [2]).

В такой ситуации евразийская интеграция сдерживается, формализуется, становится не системной, а фрагментарной, не общей, а избирательной. Этому способствует и «генетический» фактор — различие в системе государственной власти и политического устройства. Если в КНР, у основного нашего партнера на евразийском пространстве, например, у власти находится Коммунистическая партия Китая и осуществляется эффективное макроэкономическое плановое управление народным хозяйством, то в РФ создана по существу система ГМК с «приватизированным» государством. Кто кого аффилирует в этой связке — вопрос отдельный. Но когда «Газпром» обращается к Правительству РФ с просьбой утвердить скидку на газ для «братской» Украины, в которой собственная власть «мочит» свой собственный народ, возникает вопрос о классовой природе нашего государства. Трудно себе представить, чтобы Госсовет КНР одобрил «докапитализацию» своих госкомпаний, выделил бы им несколько миллиардов долларов, а они потратили бы их не на развитие производства, а на покупку валюты. И тем самым обвалили бы курс юаня.

Однако наряду с отрицательными моментами необходимо назвать и положительные факторы, способствующие такой интеграции. Положитель-

ным фактором социально-экономического развития страны является ее дальнейшая, хотя и крайне сложная и трудно идущая, интеграция в рамках СНГ. Сегодня стала очевидной тенденция к созданию Евразийского союза, в рамках которого предполагается восстановить прежние хозяйственные связи между бывшими республиками и повысить собственную конкурентоспособность. С 1 июля 2011 года начал работать Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси. С 1 января 2012 года создано единое экономическое пространство этих государств. Это — позитивные перемены.

Другой фактор евразийской интеграции — наш потенциал. В целом у России есть все необходимые ресурсы для экономического развития. По разведанным запасам газа, железной руды, алмазов, цинка, тантала, палладия Россия занимает 1-е место в мире. По запасам олова, ртути, висмута, платиноидов — 2-е место. По запасам меди, свинца, циркония, вольфрама, молибдена, лития — 3-е место. По запасам бериллия — 4-е место. На долю РФ приходится 18% мировой добычи калийной соли, 14% — борного сырья, 65% мировых запасов апатитов. И это не говоря уже о колоссальных запасах углеводородов [5, с. 51].

Однако негативную роль играет так называемый природный фактор. Отметим, что почти три четверти российской территории занято зоной вечной мерзлоты, а на остальной ее части глубина промерзания почвы достигает 1,5 м. Это объективно ведет к более высоким затратам на строительство дорог, промышленных и жилых объектов, на производство сельхозпродукции, на добычу углеводородов. Себестоимость одного барреля кувейтской нефти составляет 4 дол., а тюменской — 14 дол., т. е. в 3,5 раза выше. Биологическая продуктивность в РФ колеблется от 10 до 150 ц/га, а в США — от 150 до 300 ц/га (см.: [2]).

Важным фактором интеграции является численность и плотность населения в азиатских государствах (Китай, Индия, Индонезия, Пакистан, Иран и т. д.). Для нашей страны они являются источником сравнительно дешевой рабочей силы. А это — важное обстоятельство хотя бы потому, что сегодня в структуре себестоимости сельскохозяйственной продукции на долю ее производства приходится 77%, а получает аграрий 27%. Остальное достается переработчикам и торговле: на долю переработки приходится 15%, а получают переработчики 31%, на долю торговли — 8%, а продавцы получают 42% от цены продукции. По объемам сельскохозяйственной продукции Россия сегодня занимает 44-е место в списке 87 стран-сельхозпроизводителей, составленном ООН (см.: [2]).

Несмотря на некоторое оживление рождаемости, Россия все еще находится в периоде депопуляции. Среднегодовые темпы убыли населения составили 0,35% в 1995–2000 годы и 0,58% в 2000–2010 годы. По прогнозам ООН, в ближайшие десятилетия они увеличатся до 0,86%. Доля нашей

страны в мировом населении упадет с 4,1% в 1950 году до 1,7% в 2020 году. Американский политик П. Бьюкенен пишет: «С уровнем рождаемости 1,35 Россия к 2050 году потеряет 33 млн чел. из своих 147 млн, т. е. потери будут даже больше, чем те 30 млн жертв, которые приписывают Сталину. Число детей младше 15 лет сократится к тому же сроку с 26 до 16 млн, а количество пожилых людей возрастет с нынешних 18 до 28 млн чел.» [1, с. 33].

Таким образом, проблема евразийской интеграции — это проблема многоплановая и системная, «на вырост». Перед Россией в третьем тысячелетии стоят сложнейшие задачи. От того, сможет ли она их успешно решить, без всякого преувеличения, зависит ее будущее.

Библиографический список

1. Бьюкенен П. Смерть Запада: пер. с англ. М.: АСТ, 2003.
2. Историческая судьба России. К 1150-летию образования государственности в России (862–2012 годы). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012.
3. Каменских Н. В. Неформальная экономика России и проблема трансформации институтов. Екатеринбург: РГППУ, 2005.
4. Марцева Л. М. Труд в контексте русской цивилизации. Омск: ОмГУПС, 2005.
5. Мунтиян В. И. Экономика в условиях кризиса. Киев: КВЦ, 2010.
6. Полторанин М. Н. Власть в тротиловом эквиваленте. М.: Алгоритм, 2010.
7. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза. М., 2000.
8. Стиглиц Д. Глобализация: тревожные тенденции: пер. с англ. М.: Мысль, 2003.
9. Стожко Д. К. Мировоззренческие основы современного институционализма. Екатеринбург: ИД «Стягъ», 2012.

С. Б. Булекбаев

Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (г. Алматы, Казахстан)

История евразийской интеграции: от идеи к реализации

Статья посвящена истории евразийской интеграции и, в частности, роли президента Казахстана Н. А. Назарбаева в формировании концепции Евразийского союза, появившейся на основе его идеи объединения постсоветских стран, высказанной вскоре после распада СССР. Автор подробно рассматривает основания интеграции стран — участниц Евразийского союза, отмечая, с одной стороны, что союз не несет угрозы суверенитету каждой из них, с другой — говорит о наличии определенных экономических взаимозависимостей, возникших в результате долгого сосуществования в пределах единой советской экономики и способствующих дальнейшему сотрудничеству. Высказывается мнение, что перспективными задачами стран — участниц Евразийского союза являются переход к более высоким уровням интеграции, усиление положительных и снижение отрицательных ее эффектов.

Ключевые слова: евразийская интеграция; Евразийский союз; глобализация; Казахстан; Н. А. Назарбаев.

Идея президента Казахстана Н. А. Назарбаева о необходимости евразийской интеграции, высказанная им уже в 1994 году в МГУ им. М. В. Ломоносова, казалось бы, никак не вписывается в рамки здравого смысла с точки зрения представителей коренных национальностей, чьи республики только что обрели независимость. Для подобных мыслей у них были веские основания. В СССР, несмотря на лозунги и декларации о дружбе и равноправии, история некоторых народов была поистине трагичной. К примеру, в Казахстане в результате коллективизации, репрессий и голодомора погибло больше половины населения. За границу эмигрировало, по данным М. С. Бесбаева, около 18% казахов. В Среднюю Азию и Казахстан из родных мест было депортировано более 2 млн чел. — представителей малых народов СССР, так называемых «спецпереселенцев». Не говоря о том, что в Казахстан экстренно были переброшены 2,5 млн целинников — «эксперимент» хрущевской эпохи [3, с. 5]. Реальная власть и реальные полномочия союзных республик на деле были минимальными, практически все ключевые вопросы фактически решались союзным центром. Поэтому развал Советского Союза с его административно-командной системой, управлявшей страной 74 года, вполне логично усиливал центробежные тенденции союзных республик.

Желание обрести свободу в тот период было выше экономической и порой политической целесообразности. Не все тогда трезво осознавали, что экономики союзных республик были теснейшим образом связаны друг с другом. При создании СССР власть преследовала, помимо многих других, и политическую цель, суть которой заключалась в том, что если та или иная республика пожелает выйти за рамки Союза, то ее ожидают серьезные экономические и политические проблемы. Здесь имеется в виду то, что экономика союзных республик была специально связана таким разделением труда, при котором выход из Союза был сопряжен с большими трудностями. Для этого экономика была сознательно ориентирована на производство только той или иной продукции. Например, хлопок выращивали в Средней Азии, перерабатывали в России, одежду из него шили в Прибалтике. Отмечая этот аспект, известный философ А. Х. Касымжанов писал: «Сталин счел платформу „Единого Туркестана“ угрозой для власти партии и разделил регион на пять республик» [4, с. 232]. В целом структура союзного государства была создана по принципу «теории единого неделимого», т. е. суверенитет был мнимый.

Территориальное размежевание новых республик осуществлялось центром, на наш взгляд, вполне сознательно, с передачей части территорий, исторически принадлежащих одним народностям, другим народностям, чтобы в случае чего запустить политику «разделяй и властвуй». Когда развалился Союз и республики получили независимость, возникла

некая эйфория от полученной свободы, иронически названной некоторыми политологами «парадом суверенитетов», поэтому выдвижение президентом Казахстана идеи евразийства, идеи экономической, а затем политической интеграции выглядело по меньшей мере неожиданно.

Описывая ситуацию, в которой приходилось принимать решение и делать постсоветский выбор, Н. А. Назарбаев в своей статье «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего» пишет: «21 декабря 1991 года в Алматы на саммите глав постсоветских государств, созванном по моей настойчивой инициативе, был остановлен опасный процесс хаотичного распада исчезающей супердержавы. <...> Чувства радости за обретение Казахстаном и другими республиками бывшего Союза долгожданной независимости тесно сплетались с осознанием величайшей сложности исторического вызова, выпавшего на долю наших народов. В тот период политический кризис добивал экономику. На глазах разрывался прежде единый хозяйственный механизм. Валились набок не просто отдельные предприятия, а целые отрасли. <...> Распространялись межнациональные конфликты, начавшиеся в последние годы существования СССР» [6].

В данной ситуации Н. А. Назарбаев поступил как опытный и мудрый политик, который при выработке социально-экономической стратегии страны на длительную перспективу руководствовался не эмоциями, а трезвым расчетом, базировавшимся на сущностном понимании реальной картины мира и новых глубинных тенденций развития мировых политических и экономических процессов. В том числе и на понимании того, что бывшие государства Советского Союза слишком долго были единым экономическим, социальным, политическим, духовным пространством, чтобы в одночасье отбросить связующие узы. В этой ситуации он отказался от подхода, который был характерен для многих политиков новых независимых государств, в том числе Казахстана, рассматривающих свою страну как такой субъект мирохозяйственной системы, который может полностью самостоятельно и независимо от других стран определять собственную стратегию развития, проводить внутреннюю и внешнюю политику, сообразуясь только со своими национальными интересами. Подобное представление основывается на достаточно общепринятой точке зрения общественной науки прошлого, согласно которой любая страна в принципе сможет самостоятельно обеспечить своим гражданам нормальную жизнь, изолировав свое национальное хозяйство. Это считалось возможным даже при обеспечении минимальных экономических контактов с другими государствами. Данная точка зрения, как известно, начала меняться лишь после Второй мировой войны, когда многие страны стали постепенно вступать на путь все большей открытости в сфере экономических отношений.

Сегодня эта тенденция достигла высокой степени развития для всех национальных экономик. Основными причинами этого являются объективные экономические факторы, которые способствуют продвижению стран в сторону глобализации. К их числу, как известно, относятся в первую очередь такие важнейшие процессы, как движение товаров между странами и секторами экономики; движение услуг между странами и секторами экономики; движение финансового капитала между странами; передвижение людей между странами, вызванное потребностями осуществления экономических функций; валютные операции на международных валютных рынках; движение интеллектуальной продукции и идей между исследовательскими и учебными центрами. Все эти факторы объективно заставляют государства объединять свои усилия, тесное взаимодействие становится абсолютно необходимым, сопротивляться этим процессам бесполезно. Если это так, то, наверное, очень важно правильно понять закономерности и особенности глобализации, а затем на основе этого знания постепенно научиться направлять экономику в ее русло. Другими словами, в контексте этих реалий и этих процессов выстраивать экономическую политику своей страны.

В этом плане наш президент, как опытный хозяйственник и организатор, четко понимал, что те политики, которые ратуют за выстраивание независимой экономики и независимого государства, не учитывают или не понимают, что в современном мире происходит фундаментальная трансформация мирохозяйственной системы, которая коренным образом меняет роль и функции национального государства. Он пишет: «Каждое государство и общество должно самостоятельно прийти к пониманию, что в глобализирующемся мире нет смысла бесконечно упиваться собственной самобытностью и замыкаться в своих границах» [6]. В данном случае он совершенно прав, поскольку сегодня «в мирохозяйственной системе возрастающую роль начинают играть новые акторы, транснациональные силы — ТНК и ТНБ, международные правительственные и неправительственные организации, которые оказывают определяющее влияние на внешнюю и внутреннюю политику суверенных государств, особенно слабых и малых. Транснациональные силы уже разрушили национальный суверенитет в прежнем понимании. Структуры ТНК „вкрапляются“ в экономическое пространство всех стран. Экономическую, научно-техническую, промышленную и структурно-инвестиционную политику слабых стран начинает формировать не национальное правительство, а транснациональные силы. В своих сферах на проводимую внутреннюю политику оказывают воздействие и межгосударственные, и международные институты. В этих условиях максимально возможное сохранение национального суверенитета слабых и небольших стран

объективно требует образования самодостаточных региональных объединений, способных противостоять односторонней глобализации. Это объективный процесс, связанный с тем, что национальные границы наибольших государств являются слишком узкими» [2, с. 120–121].

Поэтому не случайно, что Казахстан, а это Н. А. Назарбаев особо подчеркивает, после распада СССР последовательно выступал инициатором и активным участником интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В связи с этим он считает, что чрезвычайно важно «наращивать потенциал всех евразийских объединений, постепенно способствуя сближению их форматов и содержания» в рамках ЕАС (Евразийского союза). Данная идея, по мнению казахстанского политолога А. Чеботырева, явно была выдвинута в связи с пониманием того, что СНГ оказалось неспособным быть эффективной формой интеграции постсоветских республик. Основными же отличиями ЕАС должны стать, во-первых, наличие наднациональных органов, призванных решать две ключевые задачи: формирование единого экономического пространства и обеспечение совместной оборонной политики. Во-вторых, создание данного союза предполагалось не в многостороннем, а двустороннем формате при участии Казахстана и России, поскольку оба государства в географическом и цивилизационном отношении наиболее подходят под определение евразийских [9].

Говоря о необходимости наднациональных органов, нужно особо подчеркнуть, что для Н. А. Назарбаева вопросы создания наднациональных органов и дальнейшая политическая интеграция никогда не означали передачу политического суверенитета, потерю национальной независимости. Он об этом постоянно говорит в своих выступлениях. Эта же мысль настойчиво подчеркивается и президентом Беларуси А. Г. Лукашенко. Приведем в связи с этим часть его выступления, в котором он говорит следующее: «Краеугольный камень всего того, что мы собираемся построить, — суверенитет наших государств, которое не отменяет даже самая тесная интеграция» [2, с. 173]. Согласно А. Г. Лукашенко, «интеграция не самоцель, это инструмент наивысшей цели — роста благосостояния и качества жизни наших людей» [2, с. 173].

Сегодня идея евразийской интеграции воплотилась в реальность. На пути ее создания было немало проблем и противоречий. В общем плане можно констатировать, что уже есть определенные положительные результаты этой интеграции. Хотя справедливости ради отметим, что первоначально идея казахстанского президента о необходимости евразийской интеграции не была поддержана многими руководителями постсоветских государств. Прежде всего, у них встретило неприятие предложение о создании наднациональных структур из-за опасения потери недавно

обретенного данными странами суверенитета. Такое же неприятие идеи постсоветской интеграции проявилось и со стороны определенной части казахстанского общества. Их основные доводы против Таможенного союза (ТС), единого экономического пространства (ЕЭП) и Евразийского союза (ЕАС) на разных этапах в основном, согласно К. Берентаеву, сводятся к следующим моментам:

- создание ТС и его трансформация в ЕЭП приведет к потере возможности самостоятельно проводить внешнеторговую политику, которая была бы в интересах Казахстана;

- единственным реальным результатом действия ТС стал рост цен на внутреннем рынке, так как казахстанские цены подтягиваются к российским, а дешевый китайский импорт подорожал из-за повышения импортных пошлин;

- создание ЕАС приведет к полной потере национального суверенитета, внутренняя и внешняя политика будет определяться наднациональными органами в ущерб интересам Казахстана; введение наднациональной валюты приведет к тому, что денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика будет определяться новыми органами, в которой доминирующее положение занимает Россия;

- союз России, Беларуси и Казахстана — это союз отсталых государств, более привлекательным с точки зрения долгосрочных интересов развития Казахстана станет присоединение к ВТО;

- построение независимого современного и экономически сильного государства требует отказа от интеграции с Россией, основной тренд — интеграция с мировым сообществом в рамках международных организаций, например ВТО.

Основное требование противников ЕАС — отказ от интеграции с Россией, которая, с их точки зрения, представляет реальную угрозу национальному суверенитету Казахстана, существенно сужает его возможности для построения современного, независимого и экономически сильного государства. Если внимательно рассмотреть доводы оппонентов создания ТС, то они в большей степени эмоциональны и объективно не ведут к сохранению независимости Казахстана, а представляют реальную угрозу национальному суверенитету, так как не учитывают тенденций развития мирового сообщества [2, с. 117].

В реальности необходимость региональной интеграции на постсоветском пространстве в контексте новых глобализационных процессов является единственно возможным ответом на вызовы доминирующей модели глобализации мирохозяйственной системы под эгидой США. Глобализация также становится необходимым условием максимального сохранения национального суверенитета малых стран, к которым

относится и Казахстан. Отмечая это, казахстанские ученые Р. Дуламбаева и А. Хитахунов пишут: «Казахстану и другим слабо развитым странам в глобальной конкурентной борьбе на фоне глобального фритредерства, неконтролируемого демографического роста, гигантской пирамиды долгов (мировая экономика как долговая система) создание региональных комплексов, объединяющих страны примерно одного уровня развития, является одним из решений проблем существования таких стран, как Казахстан, Россия, Белоруссия и т. д.» [1]. Другими словами, в контексте этих глубинных процессов становится понятной мысль Н. А. Назарбаева, что в «долгосрочной перспективе евразийской интеграции альтернативы не существует» [5].

Эту мысль, но практически спустя десятилетие, высказал и В. В. Путин в марте 2011 года, будучи тогда в должности председателя Правительства РФ. В своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», он заявил, что наши страны стремятся создать «мощное наднациональное объединение, способное стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной связи между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [8]. Достижение этой цели, по его мнению, требует, чтобы наши страны вышли на следующий, более высокий уровень интеграции, чтобы на базе ТС и НЭП перейти к ЕАС, в рамках которого «перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз» [8]. Через три года спустя после этой статьи на Валдае он заявил следующее: «XXI век обещает стать веком больших изменений, эпохой формирования крупных геополитических материков, финансово-экономических, культурных, цивилизационных, военно-политических. И потому наш абсолютный приоритет — это тесная интеграция с соседями. <...> Евразийский союз — это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция — это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии. Хочу подчеркнуть, что евразийская интеграция также будет строиться на принципе многообразия. Это объединение, в котором каждый сохранит свое лицо, свою самобытность и политическую субъектность»¹.

Сегодня, на наш взгляд, очень важно суметь правильно выявить и умело использовать положительные моменты нашей евразийской ин-

---

¹ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» 24 ноября 2014 года. URL: <http://simbf.ru/ru/novosti/259-vystuplenie-vladimira-putina-na-zasedanii-kluba-valdaj>.

теграции, максимально снизить ее отрицательные эффекты, которые неизбежно сопровождают столь сложный процесс, как региональная интеграция. Однако для того, чтобы евразийская интеграция стала эффективной и необратимой, нужно, согласно Д. Н. Назарбаевой, соблюсти два ключевых условия. Во-первых, интеграция должна быть экономически выгодной для всех участников. Возможные кратковременные издержки, по ее мнению, должны перекрываться долгосрочными экономическими преимуществами. Во-вторых, региональное объединение хотя и базируется на экономическом фундаменте, но охватывает гораздо более широкую сферу общественных отношений. И потому, как свидетельствует опыт Евросоюза, наиболее эффективны те региональные объединения, которые помимо экономического базиса имеют ясную и привлекательную объединительную идею. Создатели Европейского союза вдохновлялись «европейской идеей», идеей общности духовных, культурных ценностей европейской цивилизации, ее былого единства в различные исторические эпохи» [7, с. 5].

В этом смысле на пространстве Евразии есть все исторически сложившиеся предпосылки и основания для успешной реализации интеграционных процессов. К ним можно отнести:

- приверженность населения наших стран к одним и тем же этическим ценностям и нормам;
- достаточное знание друг друга, предсказуемость поведения в той или иной ситуации;
- обоснованность ожидания выгод от интеграции, подкрепленная исторической памятью;
- общее языковое, образовательное, научно-техническое, культурное пространство, следовательно, осознание базы для реальной интеграции;
- становление новой генерации руководителей, которые занимают или могут занять ключевые политические посты [2, с. 159–160].

Отсюда очень важно научиться управлять этими процессами, поскольку эффективность существования таких интеграционных комплексов в основном будет зависеть от эффективности проводимой внутренней экономической политики каждой из стран — участников евразийской интеграции.

Библиографический список

1. «Еврооптимисты» и «евроскептики»: о чем говорят цифры? // Білім. 2014. 14 февр.
2. Берентаев К. Б. Экономика Казахстана и вызовы XXI века: сб. науч. тр. / под общ. ред. Б. К. Султанова. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2013.
3. Бесбаев М. С. Крушение империи: в 2 т. Алматы, 2011. Т. 1.

4. Касымжанов А. Х. Пространство и время великих традиций. Алматы: Казак университеті, 2001.

5. Назарбаев Н. А. В долгосрочной перспективе альтернативы ему не существует // Известия. 2009. 19 марта.

6. Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 окт.

7. Назарбаева Д. Н. Содружество Евразия. М.: ЗАО «Бизнес-школа „Интел-Синтез“», 2000.

8. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 марта.

9. Чеботарев А. Казахское измерение евразийской интеграции: неоднозначные тенденции // Мысль. 2014. 16 июня.

С. В. Мошкин

Институт философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург)

Политическая эволюция постсоветских стран Центральной Азии и России

Рассматривается процесс политической эволюции постсоветских стран Центральной Азии и России. Некоторые из установившихся на евразийском пространстве политических режимов, формально использовавшие с момента их зарождения демократическую риторику, описываются сегодня как режимы имитационной демократии. Внутренняя динамика таких режимов ведет к накоплению имманентно присущих им системных противоречий и неизбежно повышает риски дестабилизации сотрудничества стран ОДКБ.

Ключевые слова: политический режим; межэтнический конфликт; трансформация; социально-экономический порядок; имитационная форма демократии; «западничество»; «особый евразийский путь».

После распада СССР прошло почти четверть века — достаточно большой срок. За эти годы среднеазиатские республики бывшего СССР, оказавшиеся в 1991 году заложниками Беловежских соглашений и вынужденные устраивать свою жизнь на новых несоветских началах, не только подтвердили свое право на существование, но, пройдя через череду внутренних политических кризисов, а кое-где и кровавых межэтнических конфликтов, весьма преуспели в строительстве самостоятельных независимых государств. Они являются состоявшимися суверенными государствами, признанными мировым сообществом.

Вместе с тем четверть века существования вне рамок СССР — срок вполне достаточный, чтобы подвергнуть политическому анализу трансформацию политических режимов, сложившихся как в самой России, так и в постсоветских странах Центрально-Азиатского региона. Такой анализ позволит понять природу этих режимов, их сильные и слабые стороны

и тем самым оценить перспективы взаимодействия и зоны потенциальных конфликтов межгосударственного сотрудничества России со странами Центральной Азии.

Начнем с того, что все без исключения республики бывшего СССР, в том числе страны Центральной Азии, обретя независимость, заявили о своем намерении строить у себя демократические государства. Приверженность республиканскому строю и демократии с соответствующим обеспечением демократических прав и свобод граждан была повсеместно закреплена в конституциях упомянутых стран. Апелляция к демократии была настолько естественна, что стала восприниматься как общепринятая норма и приобрела всеобщий, чуть ли не обязательный характер. Лидеры молодых демократических государств нарочито озвучивали откровенно либеральные тексты, чтобы никто не мог усомниться в искренности их намерений, даже С. Ниязов — будущий Туркменбаши, возводивший себе золотые статуи и переименовавший в честь себя и своих родителей месяцы года.

Но если все были за демократию, почему же развитие России и других центральноазиатских стран бывшего СССР пошло в очевидно не демократическом направлении? Почему возникла система власти «безальтернативных» президентов, использующих право и демократические институты как камуфляж и передающих власть назначенным ими преемникам?

В процессе перехода к демократии есть парадоксальный аспект: этот переход неотделим от поражения на выборах и утраты власти теми, кто пришел к власти под лозунгом демократии. В этом смысле для установления демократии главное — не способность побеждать в борьбе за власть, а способность проигрывать и признавать свое поражение. Но терять власть никогда не хочется, и если есть возможность продлить ее, всего лишь «чуть-чуть» нарушив конституционные нормы, не соблазниться такой возможностью очень трудно.

Когда принимаешь некоторую норму, но не можешь ей следовать, то начинаешь обманывать и себя, и других, изображать следование этой норме. В нашем случае важно, что именно так возникают культурно-психологические условия для формирования режимов недемократических, имитирующих демократию. Точнее, режимов имитационной демократии. Демократические и правовые нормы и институты в них играют роль декорации, за которой скрывается иная, авторитарная организация власти, однако демократический камуфляж в этой системе является необходимым, имманентным ей элементом.

Чувствуя, что конституционные нормы, декларативные сами по себе, не слишком-то соответствуют политическим реалиям, далеким от демократических стандартов, лидеры постсоветских государств, не выходя за

пределы демократического дискурса в своей риторике, сначала заговорили о сложностях перехода к демократии, ссылаясь на тяжелое советское наследие, а затем, по мере того как «переход» явно затягивался во времени, — об их «особом пути» продвижения к демократии. При этом главной движущей силой и главным направлением развития политических систем в этих странах стала последовательная ликвидация угроз сохранению верховной власти в руках президентов и/или ее передаче избранным ими преемникам.

Конечно, генезисы персоналистских режимов имитационной демократии, возникших на просторах бывшего СССР, несколько отличались друг от друга, но все они едины в одном — президенты, вступившие на путь построения своей «безальтернативности», опирались на неправовые методы и средства в целях достижения полного, безальтернативного контроля своей личной власти над обществом и государством. Это такие меры, как отмена или серьезная деформация действующей конституции, принятие антиконституционного законодательства, фальсификация результатов выборов, давление на суды, уголовное преследование оппонентов по вымышленным обвинениям и т. д., вплоть до убийств политических соперников, реальных или мнимых. Кроме преступлений, непосредственно связанных с укреплением режимов личной связи, множество преступлений совершалось в ходе приватизации, которая в условиях бесконтрольной власти просто не могла не превратиться в растаскивание государственной собственности и личное обогащение президентов и близкого им круга лиц.

Но это вместе с тем означает, что чем дальше президенты идут в строительстве своих «безальтернативных» режимов, тем больше шансов, что в случае утраты власти они могут быть подвергнуты судебному преследованию. Поэтому чем дальше укрепляется и развивается режим личной безальтернативной власти, тем меньше возможности для президента свернуть с избранного пути, ведь после ухода с поста (если только он не передаст его заранее выбранному преемнику и гарантирует себе иммунитет от судебных преследований) его самого и его близких ожидают тюрьмы и разорение. На путь построения системы личной власти достаточно легко вступить, но с него практически невозможно сойти.

Все постсоветские режимы имитационной демократии прошли в своей эволюции схожие этапы. Назовем некоторые из них, наиболее характерные. Во-первых, достаточно быстрый конфликт «демократического» президента с «просоветским» парламентом. В первой половине 1990-х годов такие конфликты наблюдались повсюду, кроме Туркмении, где парламент с самого начала находится под полным контролем президента. Общенациональные легислатуры, сформированные еще в годы перестройки,

на гребне демократической волны требовали себе реальных полномочий в управлении государством и тем самым становились серьезным препятствием для установления режима личной власти президента. Наиболее острые и в буквальном смысле кровавые формы конфликт приобрел в России в 1993 году.

Во-вторых, результат схватки повсеместно был не в пользу парламентов. Их разгоняли и по инициативе президента спешно принимали новую конституцию страны, угодную ему. Заодно избавлялись и от вчерашних союзников президента, приведших его к власти, как потенциальных соперников. Характерно, что на защиту разгоняемых парламентов народ не поднимался нигде. И хотя везде в новых текстах Основного закона сохранялся демократический принцип разделения властей, полномочия законодательной власти были прописаны в них несопоставимо меньшими по сравнению с полномочиями власти исполнительной в целом и личной президентской власти в частности.

В-третьих, даже максимально удобная для президента конституция не давала полных гарантий, что на всеобщих выборах не победит кто-нибудь другой. Поэтому как в России, так и во всех постсоветских странах Центральной Азии в тексты конституций были внесены поправки, удлиняющие сроки президентских полномочий, а в некоторых государствах — отменяющие предельный возраст для президента и количество возможных сроков исполнения президентских полномочий. Президенты тем самым законодательно оформили право на «пожизненное президентство».

В-четвертых, укрепление персоналистских режимов требует проведения ежедневной планомерной работы по предотвращению угроз со стороны реальной и потенциальной оппозиции. Для этого в рассматриваемых странах имитационной демократии применялись различные методы и средства политического контроля в сфере публичной политики, среди которых наиболее существенные следующие: установление контроля над средствами массовой информации; принятие избирательного законодательства, максимально благоприятного для власти и неблагоприятного для оппозиции; установление контроля над избирательными комиссиями различного уровня и создание «административной машины» по фальсификации итогов голосования; создание режима наибольшего благоприятствования для подконтрольных президенту политических партий и движений; использование государственных секретных служб для борьбы с политической оппозицией.

В-пятых, установление режима личной власти — процесс не сугубо политический, он имеет серьезную экономическую подоплеку. В первые постсоветские годы приватизация государственной собственности

превратилась, по сути, в «дележку» для своих, где главным оператором «раздачи» выступала верховная власть. Естественно, все это происходило с многочисленными нарушениями закона. В результате сформировался класс новых собственников, заведомо лояльных политическому режиму и конкретному высшему должностному лицу. Нувориши стали не просто опорой режима, но и его охранителями, ведь приход к власти оппозиции мог повлечь за собой пересмотр результатов приватизации. Одновременно президенты получили возможность контролировать «записанных в олигархи» и при первых же признаках нелояльного политического поведения со стороны новых собственников возбуждать против них уголовные дела якобы за экономические преступления. Режимы личной власти не заинтересованы в создании конкурентной экономической среды, ибо это ведет к потере контроля над субъектами экономики, экономикой в целом, а в конечном счете — к потере контроля над обществом как таковым, включая политическую сферу.

Таким образом, логика действий «несменяемых президентов» толкает их к установлению все возрастающего контроля над обществом. Борьба с реальными политическими противниками, имевшая место в самом начале правления президента, переходит в стадию создания таких условий, при которых противники не могут появиться вовсе; на смену борьбе с реальными угрозами режиму личной власти приходит борьба с угрозами потенциальными и даже воображаемыми. Вслед за «безальтернативными президентами» появляются «безальтернативные парламенты», «безальтернативные партии», «безальтернативное чиновничество», «безальтернативные СМИ». Развитие уже идет «само собой», без постоянных усилий президента. Бюрократия сама осуществляет движение по этому пути, поскольку вся она заинтересована в укреплении президентской власти. Кроме того, любой президентский назначенец на своем уровне так же, как президент в масштабах страны, стремится обезопасить себя от неожиданных угроз «снизу» и вытравливает вокруг себя любую оппозицию, одновременно демонстрируя «наверх» максимальную лояльность президенту и бдительность в отслеживании угроз для президентской власти как таковой.

Система «безальтернативной власти» замыкается и начинает воспроизводиться на всех уровнях властной вертикали. Однако она не столь крепка, как может показаться на первый взгляд, у нее существуют свои «пределы роста». Начать хотя бы с того, что естественное стремление «несменяемого президента» расширить сферу своего контроля ведет к тому, что демократические и правовые институты все более превращаются в фикцию. Не замечать это уже невозможно. Полностью предсказуемые выборы превращаются в ритуал, в них исчезает какая-либо интрига. Но

ведь режимы имитационной демократии не имеют своей альтернативной демократии, идеологии и независящих от демократии и выборов источников легитимности. Поэтому чем больше общество оказывается под формальным контролем власти, чем более предсказуемыми становятся выборы, судебные решения, сообщения СМИ и т. д., тем в большей степени исчезает легитимность власти. А власть, лишенная легитимности, уязвима сама по себе.

Кроме того, все «несменяемые президенты» сталкиваются с неизбежной проблемой собственного старения и, как следствие, необходимостью обеспечить безопасность для себя и близких путем передачи власти какому-то доверенному лицу. Это всегда сопряжено с серьезными политическими рисками, поскольку обостряет борьбу «придворных кланов», связанных с разными кандидатами в преемники, и порождает активизацию оппозиционных сил. Более того, президент может ошибиться с выбором преемника. Тот может не обладать необходимыми качествами для поддержания режима и тем самым поставить под угрозу безопасность патрона, а то и просто обмануть своего покровителя. Наконец, внутрисемейная «квазимонархическая» передача власти слишком обнажает неправовой и недемократический характер режима и опять-таки лишает преемника необходимой легитимности, что, в свою очередь, также усиливает борьбу «придворных кланов» и дает основания для активизации политических соперников.

Даже если президент сравнительно молод и пока не задумывается о преемнике, его подстерегает другая, может быть не столь явная, но не менее серьезная угроза. Речь идет об утрате реальных представлений о состоянии общества. В условиях «стерилизованных» СМИ и законодательных органов поток истинной информации о настроениях общества иссякает. «Безальтернативный президент» создает вокруг себя среду, которая отражает его собственные взгляды и представления о себе и стране, и начинает сам искренне верить в свои особые качества, объясняющие эту «безальтернативность». Зависимое окружение укрепляет его в представлении о своем колоссальном уме и особых качествах руководителя, а также его в представлении о том, что страна под его руководством прекрасно развивается, а народ благоденствует и любит президента. Любые же недовольства со стороны немногочисленной оппозиции объясняются происками и диверсиями враждебного зарубежья. Таким образом, погружение в иллюзорный мир и потеря чувства реальности делают режим «безальтернативной власти» невосприимчивым к изменениям общественных настроений и не позволяют адекватно реагировать на общественные запросы, что в конечном итоге ведет к деградации самого режима и потере управляемости обществом.

Но и это еще не все. Режим имитационной демократии начинает разъедать коррупция, поскольку президент становится, как бы парадоксально это ни звучало, зависимым от государственной машины и аппарата. Он зависим от местных властей, которые должны гарантировать его победу или победу его партии на выборах; от судей, которые должны выносить нужные приговоры его политическим противникам; от силовиков, которые теоретически могут в критический момент отказаться подавить оппозицию и т. д. Такая зависимость, конечно, не прямолинейная, но особая: президент вынужден покупать лояльность властной и управленческой элиты в обмен на возможность хищений из государственной казны и разбазаривания общенационального богатства. Элита постепенно превращается в систему мафиозных кланов, коррупция и криминализация приобретают системный характер и становятся атрибутивными признаками режима имитационной демократии. Управляемость обществом и государством стремительно падает, коррупция разъедает всю систему государственных связей. Парадоксальным образом чем больше укрепляется власть президента, тем меньше у него реального контроля. Указы всеильного президента, если они идут вразрез с интересами аппарата, могут просто игнорироваться, и ему ничего другого не остается, как переходить на режим «ручного управления», от чего система еще больше теряет устойчивость.

Убежденных сторонников президента в госаппарате становится все меньше, а те, что есть, отфильтрованы логикой «отрицательной селекции», поскольку в режимах имитационной демократии бюрократический принцип мобильности становится доминирующим и вытесняет иные механизмы ротации элиты и управленцев. Все, даже поддерживающие президента, но самостоятельные и независимые фигуры в его окружении устраняются. Устраняются также наиболее неконтролируемые олигархи. На вершине экономической и управленческой иерархии остаются лишь те, кто прямо назначен или утверждён верховной властью. Депутаты формально выбираются, однако по сути начинают назначаться как чиновники государственного аппарата. Все это ведет к бюрократизации и системной деградации всей элиты, ухудшению ее личностных и деловых качеств.

Обозначенные процессы внутренней динамики режимов имитационной демократии ведут к накоплению имманентно присущих им противоречий и делают их падение рано или поздно неизбежным. Но прежде, чем это произойдет, режимы будут все более ужесточаться, стремясь сохранить и обезопасить себя. В этом смысле они неререформируемые. Ведь с трудом можно представить себе президента, построившего систему имитационной демократии, а затем решившего ее разрушить, пойдя против собственных интересов и инстинктов, против друзей и сторонников

и способствуя победе своих противников. Вероятно другое: «несменяемый президент» или назначенный им преемник будут держаться за власть любыми средствами, делая мирный и законный приход оппозиции к власти практически невозможным. Это, в свою очередь, означает, что падение режимов имитационной демократии будет сопряжено с глубочайшим политическим кризисом, общественным противостоянием и вероятными жертвами как среди сторонников, так и среди противников режима.

И еще одно соображение. Режимы имитационных демократий, сложившиеся на просторах бывшего СССР, однотипны, это авторитарные режимы с общей логикой функционирования и развития. Подобное стремится к подобному, инстинктивная «классовая солидарность» их сближает, заставляет создавать межгосударственные союзы без ясной идеологической перспективы, но в противовес «западной», неприемлемой для них демократии. Полностью отказаться от демократической риторики, на которой они возникли, они не могут, а взамен ничего не придумано. Нельзя же, в самом деле, объединяться во имя «победы имитационной демократии». Отсутствие ясной идейной мотивации к объединению, более или менее адекватного идеологического языка и глобальной перспективы межгосударственных союзов порождает идеологические химеры и симулякры, подобные проекту «евразийского союза» и производным от него политическим институциям — «евразийской парламентской ассамблее», «евразийскому союзу молодежи» и пр.

Однако глубокая интеграция режимов имитационной демократии (по примеру западноевропейской интеграции) вряд ли реальна, поскольку персоналистская авторитарная власть неделима, отдать часть этой власти каким-то наднациональным органам невозможно. Сама стабилизация авторитарных режимов делает их более уверенными в себе, менее ориентированными на взаимную поддержку, тем более что масштабы этой поддержки могут быть лишь ограниченными. Кроме того, как для России, так и для постсоветских стран Азии партнерство с «демократическим Западом» по-прежнему имеет легитимизирующее значение. Поэтому наиболее выгодной и самой естественной позицией для них является политическое балансирование между «евразийством» и «западничеством», что неминуемо будет приводить к череде упреков и конфликтов с партнерами как одного, так и другого круга общения.

Понять евразийский социум: необходимость новых гуманитарных наук и будущее РФ

Утверждается, что на основе интеграции научной и религиозной веры (последняя понимается как связь с Абсолютом) возможно обновленное понимание социальных структур в странах, находящихся в состоянии неоиндустриального транзита. Евразийство провозглашается проектом новой гуманитарной науки, способной преодолеть ограниченность универсалистского подхода Просвещения, являющегося апологией индустриальной модернизации по западному сценарию. Рассмотрен ценностный конфликт в жизни и сознании людей на постсоветском пространстве как основание евразийской идеологии. Обоснована принципиальная неотделимость власти от собственности в российском обществе как проявление его духовной целостности.

Ключевые слова: методология гуманитарной науки; Запад; модернизация; традиционализм; ориентализм; реформирование буржуазного общества; неоиндустриализм; государство; политическая культура.

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, то нам нужны наука и научная культура, методологически и понятийно адекватные нашему социуму, а не вталкивающие его в прокрустово ложе западных модернизационных или восточных традиционалистских схем. Также нужно свое обществоведение, а точнее — социальные системологии повседневности для каждой крупной исторической системы. В перспективе для каждой системы должны быть созданы свой понятийный аппарат, свой набор дисциплин, свой язык. Как показывает А. А. Зиновьев, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не способна быть ничем иным, как элементом оксидентализма — науки о Западе. Именно поэтому книги А. А. Зиновьева о Западе как неангажированный взгляд на западную повседневность извне как на «западнизм» востребованы на Западе, несмотря на их шокирующие названия и неологизмы автора: «Глобальное сверхобщество», «Глобальный человек», «Западнизм», «западоиды». Известно, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал ориентализм — науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это в свое время сделал К. Маркс в «Капитале».

Научная культура и создание новой картины мира станут главным условием победы в битвах XXI века за будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с ее универсалистскими гуманистическими

ценностями и западными гуманитарными технологиями, уже породившими проект архаичного фашизма. Вместе с эпохой Просвещения исчезают модерн, капитализм, сам библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет.

Классическое понимание религии как связи человека с Богом нередко оставляет за пределами понимания изменяющийся в различных цивилизациях характер Абсолюта. Но сакральность — главный признак всякой религии и соответствующей ей политической культуры как поклонения Абсолюту. Так, в китайской цивилизации, фундирующей ее даосизме и буддизме нет Бога. Это, так сказать, атеистические религии. Китайская религия не совсем религиозна, а суверенная китайская цивилизация, стоящая на основе национальной экономики и религии, в условиях глобализации и информационного общества не может брать курс на уменьшение роли религии и конфессиональных отношений в китайском обществе, поскольку это означало бы подрыв национальной государственности. Проблема модернизации России в условиях конкуренции мировых культур может быть теоретически поставлена, если опираться на расширенное понимание В. С. Соловьевым религии как связи с абсолютным. Это позволит на практике интегрировать научную веру и религиозную веру, конфессии и политическую культуру нашей Родины в качестве ценностей нового осевого времени. Зафиксированное Д. В. Пивоваровым деление связи с Абсолютом на связь с космосом (классические космоцентрические религии), с социальностью (социоцентрические, светские религии поклонения и гражданских культов), с человеком (эгоцентрические религии индивидуального поклонения) позволяет интегрировать религии и конфессии в более широкие исторические цивилизационные рамки. Таким образом, сакральность — главный признак всякой религии как поклонения Абсолюту.

Опыт украинского «лениноповала» 2014 года показывает, что он вызвал «лениновзлет» в юго-восточных областях страны как гражданское поклонение фигуре основателя советской, российской и украинской государственности. В этих условиях и Россия способна канонизировать привычную фигуру («светскую святыню») В. И. Ленина для гражданского и государственного поклонения как основателя современной российской государственности РСФСР—РФ. Иерархия святынь (слово «иерархия» значит «священновластие») не является исключительным признаком евразийской цивилизации — в США существует гражданский культ и критика президентов, их изображения на купюрах, музеи. В чем же заключается специфика евразийского единства науки и религии, служения и почитания святынь? Специфика заключается в признании полной, а не частичной святости ценности, в отсутствии степеней сакральности, в невозможности критического осмысления сакрального, возникающего

части из ничего (*ex nihilo*) подобно тому, как Господь творит мир из пустоты. У нас невозможно частичное восприятие вождя, как это имеет место в США при восприятии Дж. Вашингтона: президент, но рабовладелец. У нас в обыденном мышлении, в быту Ленин целостен и свят, а Сталин — творец победы и отец народов.

Очевидно, что в традиционных обществах интерактивные формы и инновационные технологии не нужны ни при изучении научного коммунизма или бахаизма, ни маоизма и даосизма, ни чучхе и евразийства — список можно продолжить. Все перечисленные идеологии уникальны, ибо не являются классическими религиями и консолидируют традиционное общество именно как идеологии. В западной цивилизации идеологии сформировались поздно, по сути в XIX веке, и на базе крушения космоцентрических религиозных конструкций, т. е. при модернизации общества. Из обилия философских школ древних греков не возникла единая идеология, но родилось христианство, преодоленное в культуре постмодерна через два тысячелетия западными светскими идеологиями.

Понятно, что инновационные технологии и интерактивные формы востребованы в первую очередь при переходе сознания к рыночной рациональности, которая выступает одной из множества возможных интерпретаций мотивов поведения индивидов. И когда чиновники РФ пытаются представить всю образовательную систему как «рыночную услугу», они при помощи новых форм обучения строят в нашей стране чисто западный образ человека — *Homo economicus*. В этой модели поведения человека, поступающего в вуз на основе баллов и тестов ЕГЭ, вступают в работу целый сонм формальных и неформальных правил поведения, контрактные соглашения, традиции, которые невозможно свести к индивидуальной рациональности и стратегиям оптимизации. В результате возникает проблема трансляции интерпретаций рациональности одного типа в другой: классический пример из нашей новейшей истории — повседневное столкновение рациональности «организационного» советского и «экономического» западного человека. Данная ситуация отражает взаимоотношения между так называемыми мирами в современном глобальном мире. Всего выделяется семь таких миров, или институциональных подсистем: рыночный мир, индустриальный мир, традиционный мир, гражданский мир, мир общественного мнения, экологический мир, мир вдохновения и творческой деятельности. Каждый из них может быть классифицирован по особому источнику информации. В евразийской цивилизации эти миры перемешаны, причем лидируют не рыночные ценности.

Науки и миры в глобальном мире

Для рыночного мира ценности — это цены; для индустриального мира — технические и технологические стандарты; для традиционного —

традиции, верования, мифы, обычаи; для гражданского — формализованные правила поведения, законы, для мира общественного мнения — политическая реклама, слухи; для экологического мира — информация о состоянии окружающей среды; и наконец, для мира вдохновения и творческой деятельности — талант, озарение.

Миры различаются и по доминирующей норме поведения: для рыночного мира это максимизация полезности индивида, для индустриального — обеспечение непрерывности процесса производства, для традиционного — непрерывное воспроизводство традиций, для гражданского — подчинение индивидуальных интересов коллективным, для мира общественного мнения — достижение известности, для экологического мира — подчинение взаимодействий между людьми требованиям экологии, для мира вдохновения и творческой деятельности — достижение неповторимого результата.

Наконец, институциональные подсистемы подразделяются по предметному признаку: для рыночного мира основной предмет (в материальном смысле) социального взаимодействия — товары и деньги, для индустриального — инфраструктура, для традиционного — предметы культуры, для гражданского — общественные блага, для мира общественного мнения — предметы престижа, для экологического мира — объекты природы, для мира вдохновения и творчества — изобретения и инновации¹.

Очевидно, что следует исходить из представления о том, что каждый индивид, являющийся объектом приложения данной технологии, способен или не способен действовать в рамках нескольких институциональных подсистем, каждая из которых имеет свой язык и свои правила коммуникации. Поскольку в постсоветской России в качестве универсальной гуманитарной технологии последние 20 лет внедряют только одну систему западного рыночного мира, неудивителен конфликт между ценностными системами в жизни и сознании людей. Так, преподаваемые сегодня в вузах науки об обществе — будь то политическая экономия (экономика как дисциплина и «Экономикс» как практическое манипулятивное приложение), социология, политическая наука или иные дисциплины — возникли как средство понимания реальности в интересах определенных групп и навязывания этого понимания другим группам. Они возникли как единая гуманитарная технология, с помощью которой господствующие в XIX–XX веках группы могли бы объяснять мир и подавлять все остальные точки зрения как альтернативные. Социальные науки западного образца эпохи модерна как гуманитарные технологии власти в их

---

¹ См.: Олейник А. Институциональная экономика: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2012.

англосаксонском виде, закреплённом в мозаичной структуре УМКД третьего поколения, возникали благодаря практическим нуждам: необходимости анализа рынка, создания новых институтов, потребности объяснять и контролировать негативные процессы.

Западная наука об обществе с ее методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой шизофренический тип общества (Ж. Делез), в котором четко обособлены экономическая (рынок), социальная (гражданское общество) и политическая (политика, государство) сферы. Это индустриальное общество «второй волны» (Э. Тоффлер), в котором власть отделена от собственности, религия — от политики. Естественно возникает вопрос: как можно с помощью такой науки — слепка с классического буржуазного общества — с ее мультикультурными дисциплинами, методами и понятиями изучать небуржуазные, некапиталистические (докапиталистические, антикапиталистические, социалистические) социумы? Речь идет в первую очередь о евразийских социумах, где власть не отделилась от собственности, где есть некая целостность. Такие общества в XX веке развивали собственные науки, довольно успешно обеспечивавшие динамику и конкурентоспособность этих обществ. Например, в Советском Союзе развивались оправдавшие себя в управлении массами культурно-идеологические конструкции: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм; в Третьем рейхе развивались учения Горбингера и продукция Анненербе, а в начале XXI века в Северной Корее торжествует неконъюмеристская идеология чучхе, в КНР — технологии маоизма, в Венесуэле — идеи просвещенного боливаризма, в Чили вернулись к власти сторонники С. Альенде и идеи обновленного социализма. Все эти технологии носят мессианский народный характер и имеют глубокие научные корни. Если не учитывать эти корни, то остается лишь восклицать, как это делал директор Института истории России А. Н. Сахаров: «Я верю в мистическую силу русской равнины». Но чем это отличается от ведущего тезиса программы гитлеровской НСДАП «Мы верим в силу колосющихся полей пшеницы, в труд крестьянина»?!

Западная наука и кризис постмодерна

Западная наука нашего времени как идеология модернизации отсталых обществ и технология формирования постиндустриального общества непригодна для понимания мира и жизни в становящихся и живых евразийских социумах, где рынок интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, а потому его развитие не требует выделения из них и превращения в капитализм. Между тем официальная наука только из вежливости не использует термин «капитализм», но, говоря о рыночной экономике, все же подразумевает капитализм западного типа. В этих условиях применение понятий и даже дисциплин, которые суть

рациональные рефлексии по поводу буржуазного общества, к обществам небуржуазным искажает реальность последних, превращает их в негативный слепок западного общества, записывает в разряд туземных варварских обществ, пополняющий список держав «оси зла». В научном плане это ведет к ложным схемам, а с точки зрения практики может привести и приводит к катастрофическим последствиям вроде недавнего подписания договора ЕС как цивилизованного сообщества с объявленной неразвитой Украиной.

Аналогичным образом в нашей недавней трагической истории обстояло дело с наложением дисциплинарной и понятийной (идеология, мифология, класс, бюрократия) сеток западной науки на советское общество. По причине того уже в 1970-х годах, постепенно утрачивая культурный суверенитет, мы в СССР получили ряд страных бесперспективных и неспособных к развитию наук-мутантов: «политэкономия социализма», «социологию советского общества», «политологию советской элиты». По ту сторону «железного занавеса» нас изучали не при помощи этих наук и не в терминах западной академической социологии, но при помощи практических гуманитарных технологий советологии, кремленологии, руморологии. Именно поэтому генералами-победителями в войне с СССР 1946–1992 годов были объявлены социологи и советологи, причем, как отмечалось на торжественном заседании Конгресса США в 1992 году, именно женщины-социологи, советологи, которые после парада Победы в Вашингтоне были награждены постами и медалями (без права ношения) за победу в этой войне.

В перестройку возникла тенденция к сглаживанию противоречий между тремя основными подходами к изучению общественных изменений: цивилизационным, формационным и модернизационным. В условиях реформирования буржуазного российского общества стремление к повышению качества жизни стало признаваться как глобальный процесс, присутствующий во всех обществах. В сущности, мы это уже видели в России, когда в ночь выборов президента страны оба лидера на Васильевском спуске сделали первое совместное заявление, что будут бороться за повышение качества жизни граждан РФ. В отличие от ранних разработок теории модернизации, новые теории не считают современное положение в обществе совершенной стадией развития, они открывают новые перспективы развития. Добавим, что в общественном сознании появляется термин «постсовременность» как аналог постиндустриализма и постмодерна. Но, на наш взгляд, в перспективе правильнее будет говорить про неосовременность и неоиндустриализм в духе русского сверхмодерна.

В период, когда президентом РФ был Д. А. Медведев, нашему обществу стал предлагаться курс на модернизацию как модель гармоничной адаптации человека и общественных институтов к изменяющейся среде,

предполагающую, во-первых, актуализацию личностных и общественных потребностей и интересов, во-вторых, консолидацию обладателей сходных интересов и потребностей, в-третьих, участие консолидированных групп в формулировании и выборе конструктивных путей реализации этих интересов и удовлетворения потребностей. Это вызвало возражения, поскольку модернизация обычно является направляемым элитой процессом и весь вопрос в том, какая элита и в каком направлении осуществляет модернизацию. Это может быть «модернизация вдогонку», как утверждают отечественные и западные либералы, увязывая модернизацию с десталинизацией и либерализацией, как это было на пике требований гражданского общества в 2010 году. Это может быть опережающая петровско-сталинская мобилизационная модернизация, далее адаптивная госмодернизация в духе Ф. Д. Рузвельта и Ш. де Голля, наконец, это может быть диверсионно-конверсионная модернизация со стороны «пятой колонны» времен М. С. Горбачева.

Поскольку исследователи российской политической культуры сходятся во мнении относительно ее государствоцентричности, это определяет особую роль государства в процессах социальной трансформации, в частности, в действии механизма модернизации. Тем самым, в России государство создает условия, формирует предпосылки модернизации, задает ее ценностные ориентиры. Известное высказывание А. С. Пушкина в черновике письма П. Я. Чаадаеву, что в России все еще единственный европеец — это правительство, различает модернизационные усилия государства и правительства, чиновничьего аппарата и земства.

Сегодня мы имеем несколько мир-систем на планете, и все они обладают собственными культурными технологиями и требуют для понимания в системе русского евразийского сознания обучения переходным программам-трансформерам. В противном случае — в случае непонимания специфики систем — можно утратить собственную евразийскую систему ценностей, запустить в нее чужие программные коды под видом новых гуманитарных технологий. В середине 1980-х годов западные политологи говорили о нескольких чертах, характеризующих «современное демократическое общество», и отмечали, что СССР для перехода в состояние «открытого общества» не хватает двух-трех социальных характеристик. М. С. Горбачев по совету бездарных советников попытался добавить в наш социум нужные характеристики: «права человека», «демократию», «рыночные реформы». Эти характеристики ограничили закон о кооперации, привели к разрушению системы управления предприятиями, к отмене монополии внешней торговли, уничтожению Госплана и Госснаба.

В сегодняшнем мире, для которого характерен кризис классического проекта модерна эпохи Просвещения, возникли несколько радикально

друг от друга отличающихся социумов: реализованный проект постмодерна (Запад), реализующийся в духе ориентализма и погружения в регресс западными державами проект контрмодерна (арабский мир), успешно развивающийся региональный модерн на Дальнем Востоке и в Китае. В этом мире столкновения глобальных проектов у России с ее евразийскими союзниками по БРИКС и ШОС остается одна возможность — вписаться в один из проектов. Или же ей следует реализовать собственный «русский сверхмодерн» по аналогии с рывком, совершенным Советской Россией в 1930-х годах. Такой прорыв возможен только на базе адекватного понимания собственного социума и разработки своих гуманитарных технологий.

Необходимость формирования новых наук об обществе

Нам в системе науки и высшего образования нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах, а также научная переходная евразийская интегральная гуманитарная дисциплина, делающая универсальными эти науки. Именно они в эпоху отечественного неоиндустриализма нуждаются в инновационных технологиях и формах обучения. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это в свое время сделал К. Маркс в «Капитале» — этой «критике политической экономии», и использовать ее как оружие в борьбе с чужими гуманитарными технологиями. Такое оружие политической элите России понадобилось уже в 2012–2013 годы при сохранении стабильности страны, когда возникла необходимость обретения полноты политического, военного, дипломатического, экономического, культурного суверенитета России. Наиболее перспективной и общечеловеческой сегодня представляется евразийская цивилизация с неоиндустриальным вектором развития на исторической территории русского народа, она является эмбрионом глобального сверхобщества, формирующегося на планете Земля и освоенном человечеством космическом пространстве.

А. Г. Нестеров

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Концепция «нового Шелкового пути» в политике современного Китая

Рассматривается концепция «Один пояс и один путь», выдвинутая в 2013 году. Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. Концепция предусматривает создание «экономического пояса Шелкового пути», соединяющего страны, расположенные по историческому трансевразийскому маршруту из Китая в Европу: Китай, Россию, Казахстан, страны Центральной

Азии, Иран, страны Южного Кавказа. Кроме того, концепция предполагает формирование «морского Шелкового пути XXI века», идущего от портов Китая через Тихий и Индийский океаны вплоть до морей Европы и — в другом направлении — до Австралии и Новой Зеландии. Китайская концепция предполагает, что страны, через которые пройдут обе ветви нового Шелкового пути, будут развивать сотрудничество в экономической и социально-гуманитарной сферах, в то же время маршрут нового Шелкового пути предусматривает обход политически нестабильных стран и регионов. Тем не менее реализация проекта, выдвинутого Китаем, потребует значительных усилий многих государств — участниц проекта, прежде всего самого Китая, России, Казахстана, Азербайджана и стран Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: новый Шелковый путь; Китай; международное сотрудничество; международный коридор; межкультурный диалог.

Осенью 2013 года Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин во время визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии выдвинул инициативу «Один пояс и один путь», концептуально подразумевавшую создание экономического пояса «Шелковый путь» и морского «Шелкового пути XXI века» [3, с. 1].

Исторически Шелковый путь (Великий шелковый путь) — караванная дорога, связывающая Китай и страны Западной Азии, примыкающие к Средиземному морю. Термин «Шелковый путь» как обозначение комплекса караванных путей, идущих из Китая на запад, был впервые введен немецким географом, президентом Германского географического общества Фердинандом фон Рихтгофеном в 1877 году [2, с. 53].

Возможность формирования такой караванной дороги возникла после разгрома державы Сюнну китайской империей Хань в конце II века до н. э. [1, с. 26–27]. Установление ханьского влияния в Западном крае (современный Северо-Западный Китай) открыло возможности для развития трансасиатской торговли. Караванная трасса, пройдя из столицы империи Хань города Сиань через Дуньхуан к пустыне Такла-Макан, раздваивалась: северная ветка пути шла через Турфанский оазис и Памир в степи современного Казахстана, южная дорога шла через Яркенд в страны Центральной Азии — Бактрию, Согдиану, Парфию, Персию и далее к Средиземному морю [1, с. 82]. Кроме торговых караванов, по трансасиатским трассам продвигались и проповедники новых идей: из Индии в страны Восточной Азии шли буддийские монахи, огибая Гималаи с запада и севера и распространяя свое учение в Китае, или — по морскому пути — из Индии плыли вокруг Юго-Восточной Азии в тот же самый Китай. Христианские проповедники также пользовались трансасиатским караванным путем: прежде всего это касалось представителей несторианской ветви христианства, отвергнутой официальной ортодоксальной церковью Восточной Римской империи. В результате несторианские колонии уже в середине I тыс. н. э. возникли в Центральной Азии и в Китае.

Расцвет караванного Шелкового пути как торговой артерии приходится на IV–VIII века, когда роль международных торговых посредников выполняли в основном согдийские купцы. Арабские завоевания привели к уходу китайцев из Центральной Азии, и основной торговый путь передвинулся из Ирана на север — через Казахстан и Поволжье к Русской равнине. Караваны из Китая и Центральной Азии огибали Каспий с севера, опорными точками нового маршрута стали Волжская Булгария, Хазарский каганат и Кавказская Албания, территория которой в основном соответствует современному Азербайджану [2, с. 56].

Монгольские завоевания XIII века привели к тому, что вся трансасиатская караванная дорога оказалась в рамках одной империи. Распад этой империи, постоянные военные действия привели к тому, что передвижение караванов с товарами по сухопутной трассе стало затруднительным. Турецкие завоевания XV–XVI веков и создание Османской империи в Западной Азии и Юго-Восточной Европе перекрыли традиционную трассу движения товаров из Восточной в Западную Азию и подтолкнули европейские страны к поискам морских путей к источникам товаров — Индии и Китаю. Эпоха Великих географических открытий и глобализация системы морских коммуникаций привели к упадку древней трансасиатской торговли по Шелковому пути.

В мае 1993 года 12 стран Европы и Азии при поддержке США разработали программу TRACECA — создания транспортного коридора из Китая и Монголии в Европу в обход России. В 1998 году решение о создании программы вступило в силу. Секретариат программы был размещен в столице Азербайджана городе Баку. Участниками проекта стали Болгария, Румыния, Турция, Молдавия, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, в 2009 году к проекту присоединился Иран. С точки зрения экономических интересов России проект TRACECA мог нанести российской экономике заметный экономический ущерб, поэтому Россия его не поддержала. Не получил этот проект поддержки и со стороны Китая.

Китайская Народная Республика сформулировала новую концепцию регионального развития — «Один пояс и один путь». Ее принципиальное отличие от предшествующих концепций — значительно более широкий охват как в географическом, так и в содержательном аспекте. Концептуально «Один пояс и один путь» охватывает развитые экономики Восточной Азии и Европы, а также расположенные между ними территории с огромным потенциалом экономического развития. Кроме того, пространство «пояса Нового Шелкового пути» должно стать не только транспортным коридором, но и экономическим поясом, через который проходят маршруты из Китая через Центральную Азию и Россию до стран

Европейского союза, а маршруты «морского Шелкового пути XXI века» из морских портов Китая должны идти в Индийский океан и дальше до Европы, а также в южную акваторию Тихого океана вплоть до Австралии и Новой Зеландии [3, с. 1].

В соответствии с концепцией «Один пояс и один путь» должны быть созданы международные коридоры экономического сотрудничества Китай — Монголия — Россия, Китай — Центральная Азия — Западная Азия, Китай — Индокитай. Крупные международные маршруты должны будут получить опорные точки в ключевых городах, где планируется сформировать торговые и производственные зоны. Параллельно должны быть созданы экономические коридоры Китай — Пакистан, Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма. Прогнозируемый результат осуществления концепции — усовершенствование региональной инфраструктуры, формирование базовой сети безопасных и высокоэффективных путей на суше, на море и в воздухе, упрощение инвестиционных и торговых процедур. Еще одной концептуальной целью программы является межцивилизационный диалог, расширение гуманитарных обменов [3, с. 2].

В связи с тем, что уровень развития стран вдоль Шелкового пути существенно различается, возникла идея взаимодополняемости экономик стран Нового Шелкового пути. При этом концепция предполагает пять основных направлений сотрудничества: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное перемещение капиталов и укрепление взаимопонимания народов. Политическая координация должна создавать условия для стабильного и поступательного экономического развития стран Нового Шелкового пути. Формирование взаимосвязанной инфраструктуры на данном этапе является приоритетным направлением сотрудничества, так как позволит создать необходимые транспортные коридоры и логистическую структуру, для чего необходимо не только строительство объектов инфраструктуры, но и разработка совместимых нормативных правил организации и функционирования транспортной сети. Особое место в связи с этим занимает сотрудничество в сфере энергетической инфраструктуры, в том числе гарантия безопасности нефтяных и газовых трубопроводов. Бесперебойная торговля означает создание системы наибольшего благоприятствования в сфере торговли, взаимное признание результатов таможенного контроля и избежание двойного налогообложения, защиту инвестиций, оптимизацию разделения труда в производственной цепочке. Опорой для бесперебойной торговли является свободное движение капитала, создание и развитие системы банков Шанхайской организации сотрудничества и объединения БРИКС, поддержание размещения на территории Китая иностранных облигаций, номинированных в юанях [3, с. 6–7].

Особое направление взаимодействия в рамках концепции Шелкового пути — это гуманитарное сотрудничество. В этой сфере предполагаются международные студенческие, научные обмены, обмены кадрами, сотрудничество СМИ, сотрудничество в сфере культуры и спорта. Китай уже в настоящее время ежегодно предоставляет 10 тыс. стипендий для обучения в китайских университетах иностранных студентов. Предполагается расширение сотрудничества в сфере охраны культурного наследия, расширение туризма и облегчение процесса получения виз для туристов из стран Нового Шелкового пути [3, с. 14].

Китай предлагает широкую программу сотрудничества в рамках существующих международных организаций и форумов, в том числе создание международного форума по реализации проекта «Один пояс и один путь». По словам китайского лидера Си Цзиньпина, все это откроет странам «Одного пояса и одного пути» совместное прекрасное будущее [3, с. 16].

Возможна ли реализация столь широкомасштабного проекта? В настоящее время проект представляется более реалистичным, чем TRACECA, поскольку проект «Один пояс и один путь» предполагает фактический обход нестабильных или опасных в текущий момент стран и регионов, таких как Афганистан с его вялотекущей гражданской войной, Сирия и Ирак, не представляющих сегодня единые государственные образования. Основой реализации проекта Нового Шелкового пути становятся энергично развивающиеся в экономическом отношении страны, чьи интересы во многом взаимосвязаны, а геополитические интересы в основном не противоречат друг другу. Однако для реального развития проекта «Один пояс и один путь» потребуются продолжительные усилия многих государств, прежде всего Китая, России, Казахстана, Азербайджана и стран Юго-Восточной Азии.

Библиографический список

1. Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II веке до н. э. — VII веке н. э. М., 1989.
2. Мамлева Л. А. Становление Великого шелкового пути в системе трансконтинентального взаимодействия народов Евразии // *Vita antiqua*. 1999. № 2.
3. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века. Пекин, 2015 (на кит. яз.).

А. Кизеветтер и Н. Бердяев о евразийстве: опыт стереоскопии

Анализируются две симптоматические точки зрения на евразийство, которое выступило с претензией на создание системы мировоззрения, альтернативной всем существовавшим в то время и предполагавшей разрешение всех главных проблем социально-политического развития России. Критика Н. Бердяевым и А. Кизеветтером теорий евразийства помогает более объективно взглянуть на достоинства и недостатки евразийства в исторической перспективе.

Ключевые слова: евразийство; либерализм; большевизм; коммунизм; христианский социализм; эсхатологизм; русская история.

Вряд ли есть необходимость доказывать, что всякое историческое явление лучше всего рассматривать по возможности объемно, через сложную оптику противоположных подходов. Евразийство, несомненно, выступило весьма оригинальным явлением в бурнокипучую эпоху 20–30-х годов XX века. А. Кизеветтер¹ и Н. Бердяев, не принадлежа к евразийцам, близко наблюдали их появление и эволюцию. Кроме того, Кизеветтер и Бердяев заметно дистанцировались друг от друга. Оба они не могли пройти мимо появления нового идейно-политического течения в специфической среде русской эмиграции, которой все и принадлежали. «„Евразийство“ есть **настроение** (курсив мой. — В. Р.), вообразившее себя системой», — пишет А. Кизеветтер в 1925 году [3]. Тотчас откликается Н. Бердяев: «Евразийцы

---

¹ Кизеветтер А. А. (1866–1933) — русский историк, публицист, политический деятель. Образование получил на историко-филологическом факультете Московского университета, где был учеником В. О. Ключевского. В 1903 году защитил диссертацию на степень магистра русской истории: «Посадская община в России XVIII столетия». Видный деятель партии кадетов. В 1904 году вступил в «Союз освобождения», был избран членом ЦК партии кадетов (1906). Депутат 2-й Государственной думы. Член-корреспондент РАН с 2 декабря 1917 года — Отделение исторических наук и филологии (по разряду историко-политических наук (русская история)). С февраля 1919 года — заведующий отделением Государственного архивного фонда, затем профессор 2-го МГУ и заведующий центральным архивом ВСНХ. По постановлению Коллегии ГПУ от 25 августа 1922 года выслан за границу. Первоначально выехал в Берлин. В январе 1923 года прибыл в Прагу, где провел оставшуюся жизнь. Был профессором русской истории в Пражском университете. Член Союза русских академических организаций за границей, товарищ председателя, с 1932 года — председатель Русского исторического общества. Исключен из членов АН СССР общего собрания 15 декабря 1928 года «ввиду утраты связи с АН СССР». Восстановлен постановлением общего собрания АН СССР 22 марта 1990 года.

выступили шумно и самоуверенно, с большими претензиями на оригинальность и на открытие новых материков. Недостатки обычные для молодых боевых направлений — они не могут произрастать в скромности» [1]. Но они оба стремятся к объективности и непредвзятости оценок достоинств и недостатков нового явления.

«Возникновение евразийского настроения вполне объяснимо. Оно родилось из ощущений, навеянных 1) великой европейской войной и 2) водворением в России большевизма», — считает А. Кизеветтер [3, с. 50], и Н. Бердяев снисходительно поясняет: «Идеи евразийцев нужно оценивать не только по существу, сколько по симптоматическому их значению. Сами по себе идеи эти мало оригинальны... Но у евразийцев современных есть новая настроенность, есть молодой задор, есть не подавленность революцией, а пореволюционная бодрость, и им нельзя отказать в талантности. Они улавливают какое-то широко распространенное *настроение* (курсив мой. — В. Р.) русской молодежи, пережившей войну и революцию... Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное» [1].

Они оба одобрительно относятся к стороне эмоциональной, к наличию «настроения» этого идейно-политического движения, соглашаясь, что это выступает признаком «одушевленности» и некоей жизненности его, отклика на реальные проблемы. Но А. Кизеветтер и Н. Бердяев не могут пройти мимо факта крайней противоречивости воззрений новоиспеченных претендентов на духовное водительство.

«Системы без настроения всегда плоскодонны и мертворожденны. Но „настроение“ важно и животворно лишь в качестве стимула для создания системы. И весьма плохо, если оно начинает заменять собою логическую стройность мысли и точность тех фактических аргументов, которыми подкрепляются основные положения системы. В евразийстве настроение поглощает собою все», — сокрушается А. Кизеветтер [3, с. 53].

«Но в евразийстве есть также элементы зловредные и ядовитые, которым необходимо противодействовать. Многие старые русские грехи перешли в евразийство в утрированной форме, — вторит ему Н. Бердяев, — <...> современное евразийство враждебно всякому универсализму, оно представляет себе евразийский культурно-исторический тип статически замкнутым. Евразийцы хотят остаться националистами, замыкающимися от Европы и враждебными Европе. Этим они отрицают вселенское значение православия и мировое призвание России как великого мира Востока-Запада, соединяющего в себе два потока всемирной истории. Их евразийская культура будет одной из замкнутых восточных, азиатских культур» [1].

Что же в «системе» евразийства волнует наших критиков? А. Кизеветтер прежде всего (как один из основателей и лидеров партии кадетов)

не приемлет отношение евразийцев к большевизму (благодаря победе которого все они вместе оказались в принудительной эмиграции): «С одной стороны, большевизм был предан анафеме, именно как порождение европейской порочной мысли: коммунизм, социализм, материализм, атеизм, все это — квинтэссенция европейской культуры, обрушившаяся на Россию и губящая ее. Но, с другой стороны, евразийцы готовы благословить большевистский переворот как такой катаклизм, который повалил и вдребезги разбил весь предшествующий культурный уклад русской жизни, построенный на подражании европейским образцам. Отвергая большевизм во всех его основных положениях, евразийцы тем не менее находят для себя в большевизме ряд родственных мотивов постольку, поскольку большевизм ставит себе задачей ниспровергнуть предшествующую европейскую культуру» [3, с. 52].

Н. Бердяев, напротив (социализм и коммунизм — увлечение молодости!), отмечает: «Евразийцы признают, что революция произошла и с ней нужно считаться. Пора перестать себе закрывать глаза на свершившееся. Ничто дореволюционное невозможно уже, возможно лишь пореволюционное. Евразийство по-своему пытается быть пореволюционным направлением, и в этом его несомненная заслуга и преимущество перед другими направлениями. Они реалистичнее других политических направлений и могут сыграть политическую роль» [1]. В другом месте Н. Бердяев еще более определенно выскажется на этот счет: «Нравственные обвинения против евразийцев, что они „сменовеховцы“, что они приспособляются к большевистской власти и чуть ли не являются агентами большевиков, представляются мне не только неверными, но и возмутительными, свидетельствующими лишь о том, насколько разным старо-эмигрантским направлениям неприятно напоминание о банкротстве их идейной установки в отношении к революции и к тому, что происходит внутри России» [2].

Кизеветтер и Бердяев с разных сторон усматривают ограниченность воззрений, с таким энтузиазмом провозглашенных. «Отношение евразийцев к Западу и западному христианству в корне ложное и нехристианское. Культивирование нелюбви и отвращения к другим народам есть грех, в котором следует каяться. Народы, расы, культурные миры не могут быть исключительными носителями зла и лжи. Это совсем не христианская точка зрения. Христианство не допускает такого рода географического и этнографического распределения добра и зла, света и тьмы», — подчеркивает Н. Бердяев [1]. «Но при всех этих расхождениях и у евразийцев, и у большевиков оказывается все же один общий призывный клич, способный объединить их в общем порыве. Этот клич: — „смерть европейской культуре“, — считает и А. Кизеветтер [3, с. 52].

Какова же конечная оценка столь оригинального и противоречивого явления? А. Кизеветтер с горечью констатирует: «Пронизанное противоречиями, оно представляет собою слишком легкую, как бы воздушно-фантастическую постройку. Притязая на эмпиричность, евразийцы с полной непринужденностью распоряжаются по своему усмотрению фактами эмпирической действительности... С таким же пренебрежением к подлинным фактам, засвидетельствованным историей, они рисуют перед нами фантастически-идиллическую картину духовного родства Руси и татарщины, и каким-то непонятным образом плодом этого русско-татарского культурного единения у них оказывается торжество на Руси православия» [3, с. 60]. И тут же ядовито добавляет, что про «гниение Европы» уже столько писано! Но особенно его возмущает, что «Евразии предлагается и предрекается явить миру небывалую картину экономического прогресса под пятой патриархального деспотизма» (т. е. большевистского. — В. Р.). Н. Бердяев с позиций старшего и по собственному возрасту, и по возрасту российских «духовных исканий» однозначно находит в евразийстве порок нигилизма: «Неуважение к человеческой мысли, к человеческому творчеству, неблагодарность к духовной работе предшествующих поколений, нежелание почитать даже великих своих людей есть русский грех, есть неблагородная черта в русском характере. Нигилизм остается в русской крови, он так же проявляется „справа“, как и „слева“, так же возможен на религиозной почве, как и на почве материалистической... я нимало не отрицаю положительных сторон и заслуг этого течения и несомненных качеств некоторых статей последнего евразийского сборника» [1].

Разумеется, в оценках достоинств и пороков евразийского проекта Кизеветтером и Бердяевым проглядывает существенно различный политический «анамнез» этих мыслителей: один из них был и остался идеологом партии кадетов, другой не мог преодолеть ощущения, что «коммунизм — это судьба России». Они достаточно опытные для того, чтобы не испытывать большого оптимизма по поводу политических судеб этих довольно путаных и противоречивых воззрений: «Этой фантастической русско-татарской Евразии они присвояют миссию стать во главе всего внеевропейского мира против европейской культуры, тлетворной, насильнической и дышущей на ладан», — горестно вопрошает А. Кизеветтер [3, с. 60]. Но оба они вынуждены признать, что «поколение евразийское, выросшее во время войны и революции, не чувствует себя родственным нашему религиозному поколению и не хочет продолжать его заветов. Оно склонно отказаться от всего, что связано с постановкой проблем нового религиозного сознания. Воля его направлена к упрощению, к элементаризации, к бытовым формам православия, к традиционализму, боязливому и подозрительному ко всякому религиозному творчеству.

(В социально-политическом отношении евразийцы напротив очень смелы и даже революционны)... В силу пережитого опыта современная молодежь боится сложности и проблематичности, тяготеет к элементарности и простоте, направляет свою волю на осуществление практических задач. В известной ее части есть реакция против мистики и романтики, против усложненного гнозиса, против эсхатологических настроений», — так, по крайней мере, склонен объяснять эту ситуацию Н. Бердяев [1].

В сущности, глядя из 1925 года, и Кизеветтер и Бердяев (один более непримиримо-либерально защищая «европейские ценности», другой более «эсхатологично» взирая на всемирно-исторический процесс) смогли увидеть, что под тяжестью глубоких противоречий и фантастичности исходных установок евразийство достаточно быстро (по историческим меркам) сойдет на нет, исчезнет, оставив впечатление резвой попытки, свойственного молодости «наскока» на решение фундаментальных проблем всемирно-исторического развития, которые оно вроде бы так реалистично-остро почувствовало.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Евразийцы // Евразийский вестник. Вып. 4. Берлин, 1925.
2. Бердяев Н. А. Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8.
3. Кизеветтер А. Евразийство // Русский экономический сборник. Вып. 3. Прага, 1925.

Е. А. Атманских, А. С. Атманских

Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

К вопросу об истоках евразийства: «универсальный синтез» В. С. Соловьева

Рассматривается влияние основных идей и понятий философии В. С. Соловьева на становление и развитие евразийства.

Ключевые слова: западная философия; западная цивилизация; мистика; «органическая логика»; «панмонголизм»; рационализм; универсальный синтез; «цельное творчество»; «цельное общество».

Затруднительно переоценить роль В. С. Соловьева в развитии отечественного философствования. Был он мыслителем универсальным — по характеру мировосприятия, по типу учения, даже по переосмыслению учений предшественников (мало кто не повлиял на В. С. Соловьева, проще сказать, что в его философии можно найти отражения всего историко-философского многообразия за две с половиной тысячи лет). Именно поэтому не мог не оказать В. С. Соловьев влияния и на грядущие евразийские «интеллектуальные изыски».

Уже в магистерской диссертации В.С. Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивистов» (1874) констатируется, что философия «в смысле отвлеченного, исключительно теоретического познания окончила свое развитие и перешла безвозвратно в мир прошедшего». Западная философия, начавшаяся с раздвоения между разумом и авторитетом, знанием и верой, представляет собою непрерывное самоутверждение разума, сообщающее ей «одностороннюю ограниченность». Для рационализма человек действующий, любящий, страдающий не интересен — на фоне человека познающего. В.С. Соловьев полагал, что вся «неправда» европейского рационализма была понята и выражена Шопенгауэром и Гартманом, законно и естественно продолжающими западное философское развитие. А самая большая неожиданность обнаруживается в том, что выраженные в «философии бессознательного» результаты западного философского развития «утверждают в форме рационального познания те самые истины, которые в форме веры и духовного созерцания утверждались великими теологическими учениями Востока». Таким образом, «опираясь, с одной стороны, на данные положительной науки, эта философия, с другой стороны, подает руку религии. Осуществление этого универсального синтеза науки, философии и религии... должно быть высшей целью и последним результатом умственного развития» (см.: [3, с. 5–122]). «Универсальный синтез» — вот содержание «высшего рода мышления», способного преодолеть «отвлеченное мышление» Запада.

Исключительное значение для реализации «универсального синтеза» В.С. Соловьева имеет работа «Философские начала цельного знания» (1877), в которой сформулирована «программа», принципы мировосприятия. Ключевой вопрос: как усовершенствовать человеческую реальность, если она вообще подлежит усовершенствованию? И что такое человек?

В.С. Соловьев утверждает, что человек — существо «пограничное», ибо занимает промежуточное положение между Богом и природой. По своему воплощению, материальной привязанности к жизни человек — часть природы. Но по своим амбициям, интеллектуальным устремлениям человек выходит за ее пределы, стремясь преодолеть свою природную «связанность» и «привязанность». Сама возможность такого промежуточного состояния определяется уникальным сочетанием в человеке трех фундаментальных способностей: мышления, чувства и воли. В.С. Соловьев полагает, что у этих «субъективных способностей» есть некие «объективные основания», которые и делают эти способности возможными. Иначе говоря, в объективной реальности есть некие «гарантии» наших фундаментальных способностей.

По логике В.С. Соловьева, истина оказывается объективным основанием мышления, красота — объективным основанием чувства, воля же

наша (как способность к практической деятельности) в качестве своего объективного основания имеет благо.

Это позволяет понять — что такое человек? Человек — уникальное существо с тремя субъективными фундаментальными способностями (мышление, чувство, воля), опирающимися на объективные основания (истина, красота, благо). Благодаря этому для человека становятся возможны три сферы приложения, реализации этих способностей: сфера знания, сфера творчества, сфера практической деятельности.

Какова та реальность, которая возникает при осуществлении фундаментальных способностей человека?

В практической деятельности — на самом первичном («материальном») уровне — воля реализуется как «экономическое общество», необходимое для поддержки физиологического существования и воспроизводства. Чувство, стремящееся к красоте и основывающееся на ней, на «материальном» уровне реализуется как «техническое искусство», как некое первопроявление красоты в человеческой реальности. И, наконец, наше мышление, стремящееся к истине, на самом простом, элементарном, «материальном» уровне реализуется как естествознание, шире говоря — наука.

На «формальном» уровне наша воля, стремящаяся к благу, реализуется как «политическое общество» («государство»). Чувство, ориентированное на красоту, на «формальном» уровне неизбежно реализуется как «изящное искусство» (со своей сложной иерархией — от архитектуры и скульптуры до поэзии как вершины). Мышление же — как «метафизика» (философия).

Если всякую реальность представлять как единство содержания и формы, то — казалось бы — человеческая реальность описана исчерпывающе. Но! — человек не просто часть реальности, он — существо «пограничное», промежуточное, он все время стремится выйти за пределы обычной реальности. Поэтому есть еще один возможный уровень его существования — «абсолютный». И на этом «абсолютном» уровне существования мышление реализуется как «теология», воля — как «церковь», а чувство — как «мистика».

В. С. Соловьев никогда не стеснялся называть свои воззрения «мистицизмом»: «...должно заметить, что из трех общих сфер первенствующее значение принадлежит сфере творчества, а так как в самой этой сфере первое место занимает мистика, то эта последняя и имеет значение настоящего верховного начала всей жизни общечеловеческого организма, что и понятно, так как в мистике эта жизнь находится в непосредственной, теснейшей связи с действительностью абсолютного первоначала, с жизнью божественною» [3, с. 154]. Мистика — это внерациональное (творческое) отношение к миру (в том числе и трансцендентному), «органическое»

понимание действительности, «интимное» постижение бытия, оказывающегося целостным «организмом». В определенном смысле это возврат к доинтеллектуальной душевной жизни, внезапное ощущение цельности мира и собственного участия в его таинственной жизни. Поэтому мистика ближе к искусству (основываясь на чувстве, фантазии и экстатическом вдохновении).

Именно мистика — главная опора и «несущая конструкция» великого синтеза: с точки зрения В. С. Соловьева, только мистика позволяет человеку прикоснуться к тайне мира, к его таинственному смыслу, делает возможной невыразимую словами встречу с Богом. Истина в мистике открывается максимально обобщенно — и в то же время максимально конкретно, причем сразу и в полном объеме. Именно в мистике мы можем пережить сущее в абсолютном единстве — и абсолютной множественности. Основа мира, его истина (главная и определяющая) оказывается «сущим всеединым». И — благодаря мистике! — мы оказываемся в состоянии понять смысл этого мира, его «душу». «Душой» оказывается София.

Таким образом, В. С. Соловьев, рассуждая о том, как реализуются три фундаментальные способности человека, описывает ту реальность, в которой мы живем. Эти «основные формы общечеловеческого организма» можно, по Соловьеву, представить «синоптически»:

	Сфера творчества	Сфера знания	Сфера практической деятельности
	Субъективная основа — <i>чувство</i> , объективный принцип — <i>красота</i>	Субъективная основа — <i>мышление</i> , объективный принцип — <i>истина</i>	Субъективная основа — <i>воля</i> , объективный принцип — <i>благо</i>
Степень абсолютная	Мистика	Теология	Духовное общество (церковь)
Степень формальная	Изящное искусство	Отвлеченная философия	Политическое общество (государство)
Степень материальная	Техническое искусство	Положительная наука	Экономическое общество (земство)

Трансформация этой реальности происходит при нашем участии, но не по нашей воле: в мире властвует «универсальный закон» общественного развития, согласно которому развитие — это «ряд имманентных изменений», идущий от «известного начала» к «известной определенной цели» через некоторые «промежуточные состояния». Начало всегда есть «смещение или внешнее единство» — «неразличенное единство» (когда все будущее многообразие спрессовано в первоначальной «клеточке»).

Затем — «самостоятельность через обособление» — «безразличное множество» (когда первоначально сосуществующие частности начинают существовать относительно автономно). Итог — «внутреннее органическое единство», «различное единство». Целью всякого развития является возникновение «организма» (не в биологическом, а в метафизическом смысле слова, когда организм понимается как существенная целостность).

«Организм» — итог любого развития, чтобы понять его становление, требуется «органическая логика». Применяя «органическую логику», мы обнаружим, что древнейший период человеческой истории, очевидно, представляет собой начало, «смешение или внешнее единство», в котором синкретически слиты экономическое и политическое общество, философия и наука, теология и искусство. Это безразличное субстанциальное единство и сегодня составляет, по Соловьеву, главную особенность Востока. С появлением христианства начинается расслоение и разделение сфер и степеней. Это разделение — «самостоятельность через обособление» — неизбежно, но результаты его начинают пугать уже и самых решительных: «Экономический социализм в области общественной, позитивизм в области знания и утилитарный реализм в сфере творчества — вот последнее слово западной цивилизации». Третий же этап — внутреннего и органического единства — возможен для человечества лишь как откровение «высшего божественного мира», который, несмотря на свою безусловность и трансцендентность, «бесконечно более действительный, богатый и живой, нежели этот мир кажущихся, поверхностных явлений». Только тогда и наступит великий синтез, в котором все сферы и степени общечеловеческого организма не равны, но равноценны, и каждая необходима для «всецелой полноты». Гармоническое единство степеней порождает «цельное творчество» (свободную теургию), «цельное знание» (свободную теософию) и «цельное общество» (свободную теократию). Множественно-тройственное органическое единство образует «цельную жизнь», и только такая жизнь, такая культура, «которая ничего не исключает, но в своей всецелости совмещает высшую степень единства с полнейшим развитием свободной множественности, — только она может дать настоящее, прочное удовлетворение всем потребностям человеческого чувства, мышления и воли и быть, таким образом, действительно общечеловеческой, или вселенской, культурой, причем ясно, что вместе с тем и именно вследствие своей всецельности эта культура будет более, чем человеческою, вводя людей в актуальное общение с миром божественным» [1]. Движение к органической целостности неостановимо: великое грядущее событие мира — слияние отдельных прежде сфер человеческого бытия в единое целое (как это было на заре человеческого существования, когда миф был единственным образом мира и способом его освоения).

Все эти достаточно абстрактные идеи В. С. Соловьев изложил гораздо более понятно и «конспективно» в своей знаменитой статье «Три силы» (1877). С его точки зрения, «три коренные силы управляли человеческим развитием». Первая сила «стремится подчинить человечество во всех сферах и на всех степенях его жизни одному верховному началу, в его исключительном единстве стремится смешать и слить все многообразие частных форм, подавить самостоятельность лица, свободу личной жизни. Один господин и мертвая масса рабов — вот последнее осуществление этой силы»... Вместе с этой силой действует другая, прямо противоположная, стремящаяся «разбить твердыню мертвого единства, дать везде свободу частным формам жизни, свободу лицу и его деятельности... Всеобщий эгоизм и анархия, множественность отдельных единиц без всякой внутренней связи — вот крайнее выражение этой силы. Если бы она получила исключительное преобладание, то человечество распалось бы на свои составные стихии, жизненная связь порвалась бы и история окончилась войной всех против всех, самоистреблением человечества». И «если бы только эти две силы управляли историей человечества, то в ней не было бы ничего кроме вражды и борьбы, не было бы никакого положительного содержания; в результате история была бы только механическим движением, определяемым двумя противоположными силами и идущим по их диагонали. Внутренней целостности и жизни нет у обеих этих сил, а следовательно, не могут они ее дать и человечеству». Но человечество «не есть мертвое тело, и история не есть механическое движение, а потому необходимо присутствие третьей силы, которая дает положительное содержание двум первым, освобождает их от их исключительности, примиряет единство высшего начала с свободной множественностью частных форм и элементов, созидает, таким образом, целостность общечеловеческого организма и дает ему внутреннюю тихую жизнь».

Ограничиваясь современным человечеством, мы видим совместное существование трех исторических миров, трех культур, резко между собою различающихся — мусульманский Восток, западную цивилизацию и мир славянский... Мусульманский Восток, по Соловьеву, находится под преобладающим влиянием первой силы — «силы исключительного единства». Западная цивилизация предполагает «быстрое и непрерывное развитие, свободную игру сил, самостоятельность и исключительное самоутверждение всех частных форм и индивидуальных элементов — признаки, несомненно показывающие, что эта цивилизация находится под господствующим влиянием второго из трех исторических начал». Даже одна из «вершин» западной цивилизации — революционное движение — «предоставило каждое лицо самому себе и вместе с тем уничтожило его органическое различие от других»... В. С. Соловьев полагал, что «старая Европа

в богатом развитии своих сил произвела великое многообразие форм, множество оригинальных, причудливых явлений; были у нее святые монахи, что из христианской любви к ближнему жгли людей тысячами; были благородные рыцари, всю жизнь сражавшиеся за дам, которых никогда не видали, были философы, делавшие золото и умиравшие с голоду, были ученые-схоластики, рассуждавшие о богословии, как математики, а о математике — как богословы. Только эти оригинальности, эти дикие величия делают Западный мир интересным для мыслителя и привлекательным для художника». Даже прославленная европейская наука «совсем не существует, все же, что носит теперь это имя, представляет на самом деле только бесформенный и безразличный материал будущей истинной науки». Словом, «и в сфере общественной жизни и в сфере знания и творчества вторая историческая сила, управляющая развитием Западной цивилизации, будучи предоставлена сама себе, неудержимо приводит под конец к всеобщему разложению на низшие составные элементы, к потере всякого универсального содержания». «Отдельный личный интерес, случайный факт, мелкая подробность — атомизм в жизни, атомизм в науке, атомизм в искусстве — вот последнее слово Западной цивилизации»... «И если история человечества не должна кончиться этим отрицательным результатом, этим ничтожеством, если должна выступить новая историческая сила, то задача этой силы будет уже не в том, чтобы вырабатывать отдельные элементы жизни и знания, созидать новые культурные формы, а в том, чтоб оживить, одухотворить враждебные, мертвые в своей вражде элементы высшим примирительным началом, дать им общее безусловное содержание и тем освободить их от необходимости исключительного самоутверждения и взаимного отрицания».

«Третья сила», которая должна дать человеческому развитию его безусловное содержание, может быть только «откровением высшего божественного мира». Стало быть, тот народ, через который эта сила может проявиться, окажется «посредником» между человечеством и тем миром (и, соответственно, сознательным орудием последнего). Такой народ не должен иметь никакой специальной ограниченной задачи... Такой народ не нуждается ни в каких особенных преимуществах... От такого народа требуется только «свобода от всякой ограниченности и односторонности, возвышение над узкими специальными интересами, требуется, чтоб он не утверждал себя с исключительной энергией в какой-нибудь частной низшей сфере деятельности и знания, требуется равнодушие ко всей этой жизни с ее мелкими интересами, всецелая вера в положительную действительность высшего мира и покорное к нему отношение». А эти свойства, что несомненно для В. С. Соловьева, принадлежат национальному характеру русского народа.

Только славянство и в особенности Россия остались свободными от этих двух низших потенций и, следовательно, могут стать историческим проводником третьей. «Внешний образ раба, в котором находится наш народ, жалкое положение России в экономическом и других отношениях не только не может служить возражением против ее призвания, но скорее подтверждает его. Ибо та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего, и внешнее богатство и порядок относительно ее не имеют никакого значения. Великое историческое призвание России, от которого только получают значение и ее ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова. Когда воля и ум людей вступят в действительное общение с вечно и истинно существующим, тогда только получают свое положительное значение и цену все частные формы и элементы жизни и знания — все они будут необходимыми органами или посредствами одного живого целого. Их противоречие и вражда, основанная на исключительном самоутверждении каждого, необходимо исчезнет, как только все вместе свободно подчинится одному общему началу и средоточию... Должно надеяться, что готовящаяся великая борьба послужит могущественным толчком для пробуждения положительного сознания русского народа. А до тех пор мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая вместо образа и подобия Божия все еще продолжает носить образ и подобие обезьяны, — мы должны же, наконец, увидеть свое жалкое положение, должны постараться восстановить в себе русский народный характер, перестать творить себе кумира из всякой узкой ничтожной идейки, должны стать равнодушнее к ограниченным интересам этой жизни, свободно и разумно уверовать в другую, высшую действительность...» [2, с. 19–31].

Казалось бы, причем здесь евразийство с его попытками преодоления панславизма? Но, видимо, используемые «именования» не должны нас обманывать.

Главное здесь — не слово «славянство». Главное — в совершенно определенном отношении к иным (относительно Европы) «силам». В совершенно определенном отношении к «Западной цивилизации». В самом допуске ИНОГО (по сравнению с ней) пути — для России. В поиске новых оснований человеческого развития. В этом смысле «великий универсальный синтез» В. С. Соловьева нельзя не вспомнить, размышляя об истоках евразийства.

Хотя, справедливости ради, необходимо не забывать при этом, что позже В. С. Соловьев начал говорить об угрозе опасности с Востока («панмонголизма») как исторического возмездия Европе, исчерпавшей потенцию своего развития. Вот строки из его известного стихотворения «Панмонголизм» (01.10.1894):

Панмонголизм! Хоть слово дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины божией полно...
... Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.
О Русь! забудь былую славу:
Орел двухглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.
Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И Третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

Библиографический список

1. Соловьев В. С. О законе исторического развития // Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 2001. Т. 2.
2. Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
3. Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.

М. В. Воробьева

Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Модернизация по-евразийски: стратегии позиционирования гибридных субъектов (на материале советских киноэкранизаций)

На материале советских киноэкранизаций произведений Д. Мамина-Сибиряка, М. Горького и В. Крапивина выделены и проанализированы стратегии позиционирования гибридных субъектов официальной культурой советского общества конца 1950-х — второй половины 1980-х годов, появившихся в итоге проведения специфической «консервативной» модернизации. Две основных стратегии позиционирования гибридных субъектов связываются с общественно-культурными потребностями, порожденными модернизацией.

Ключевые слова: модернизация в СССР; множественная модерность; «консервативная модернизация»; гибридный субъект; евразийство; официальная советская культура; советский кинематограф.

Практически «общим местом» современных исследований, посвященных Советскому Союзу, является встраивание советского опыта в общую

канву процессов модернизации, а также интерпретация этого опыта в соответствии с особенностями модернизации по-советски, определяемой в духе теории множественных модерностей как «консервативная модернизация», включающая в себя мобилизационный вариант экономики и т. п. (см.: [4]). Вместе с тем критики (в особенности представители исторических наук) указывают на небрежное оперирование понятиями «модернизация», «модерн», утверждают, что нет достаточных оснований жестко связывать с модернизацией тенденции, имевшие место в социальной, политической, экономической, культурной жизни СССР. Критики указывают на применение формальных критериев (индустриализации, урбанизации) для подтверждения модерности советской системы, в конце концов просто на аксиоматическое употребление теоретических концептов без их подкрепления фактами [3, с. 22]. Вероятно, эти критические доводы справедливы, хотя недобросовестность использования теории не следует приравнять к ее неверности или слабой обоснованности.

Поскольку есть качественные исследования, достаточно фундированные фактами (к примеру, труды Анатолия Вишневского и Натальи Козловой (см.: [4; 8]), мы склонны принять за теоретическую основу утверждение о реализации проекта «модерн» в Советском Союзе, но реализации специфической, с яркими отличиями от практики западных стран. Проявлением подобной специфики было сочетание, казалось бы, несочетаемого — вполне модернистских целей (построение индустриальных гигантов, прокладывание новых коммуникаций, освоение новых месторождений полезных ископаемых, повышение уровня технизации и всеобщей грамотности, вовлечение людей в систему образования ради реструктуризации их желаний, выработки новых идентичностей) и архаических способов осуществления поставленных целей (ручной труд заключенных, ручной или слабо автоматизированный труд вольных, похожий на труд египетских рабов при построении пирамид, дефицитарные условия воплощения образовательных проектов, репрессии в отношении возможных реализаторов этих проектов, представителей интеллигенции дореволюционной России). Возникает вопрос о причинах возникновения такого рода специфики. В попытках найти ответ либо по меньшей мере сделать эвристичное предположение, можно обратиться к концепту евразийства.

Данный концепт подвергается самой разнообразной расшифровке, начиная от примордиальной, усматривающей в феномене евразийства главным образом географическое пространство, которое коренным и однотипным образом воздействует на все аспекты существования обитающих в его пределах народов и национальных государств, создавая основу для сходства исторических судеб. Эти рассуждения в духе географического детерминизма Просвещения, времени популярности романтических

трендов, шпенглеровских «крови и почвы» решительно и последовательно критикует российский специалист по культурному ландшафту Владимир Каганский (см.: [7]). Главными претензиями, предъявляемыми к примордиальному прочтению евразийства, фундамент для которых был найден В. Каганским в работах евразийцев «первой волны» Николая Алексея, Георгия Вернадского, Петра Савицкого, Николая Трубецкого, а также Льва Гумилева и современного Александра Дугина, выступают мифологизация пространства, игнорирование его исторической изменчивости, редуцирование культурного ландшафта до природного, приписывание тождества несхожим государственным образованиям, существовавшим в разные исторические эпохи и при разных условиях (скажем, империи Чингисхана и Российской империи) [7, с. 416–433]. Принимая во внимание убедительную критику традиционного примордиального подхода к евразийству, мы предпочтем релятивистский подход, понимая евразийство как гибридность — культурную, экономическую, политическую, т. е. сочетание в едином целом разнородных традиций, практик, шаблонов мышления и поведения, расхождение практик и целей, духа преследуемых целей и применяемых для их реализации средств (сочетание, свойственное, в частности, для Советского Союза). Заметим при этом, что в евразийстве нам не видится некая вневременная, неизменная характеристика культуры, оно рассматривается как черта историческая, появившаяся в определенное время, постоянно меняющаяся от эпохи к эпохе свои конкретные проявления, сохраняющая лишь сам принцип гибридности.

Между евразийством как гибридностью и спецификой советской модернизации, совмещающей трудносовместимое, мы прослеживаем смысловые параллели. Не пускаясь в рискованные рассуждения и не претендуя на глобальные обобщения, лишь на уровне предположения обозначим возможность причинно-следственной связи между этими двумя феноменами, а именно влияния евразийства как гибридности на практику модернизации в Советском Союзе. Более всего прочего в советской практике модернизации нам интересен аспект модернизации сознания, переделка и «перековка» человеческой личности. Амбициозный антропологический проект по формированию «нового советского человека», который выдвинула государственная власть в СССР, был ничем другим, как проектом модернизации традиционного, домодерного сознания.

Результаты противоречивой, консервативной модернизации сознания тоже оказывались противоречивыми, можно сказать гибридными — так, Анатолий Вишневский говорит о «соборном человеке с университетским дипломом» (см.: [4]), а Наталья Козлова — о неполной субъектности вчерашних выходцев из деревни, вынужденных в 1920–1930-е годы переселяться в города и работать над переменной своей идентичности,

в итоге которой выходил половинчатый человеческий продукт с фрагментами деревенски-общинной и городской, индивидуалистической идентичности (см.: [8]). Упомянутые исследователи фиксируют состояние советских субъектов как состояние нестабильное, неустойчивое, переходное. Возможно, оно обуславливалось соседством двух или нескольких противоречащих друг другу ценностных и поведенческих установок, не до конца забытых старых (условно деревенских), не до конца усвоенных новых (условно городских) образов жизни, способов действия. Состояние гибридности, переходности, как можно предположить, мало устраивало государственную власть, тяготеющую к приданию человеку, обществу, истории законченный, определенный вид — так, В. Паперный метко замечает, что так называемая «культура 2», активная в 1930–1950-е годы, период наиболее активного проведения модернизации, была склонна видеть в самой себе конец истории, блистательное ее завершение [12, с. 45]. Сходно следовало выглядеть индивиду — текучее, становящееся, промежуточное должно было уступить место определенному. Было бы плодотворным проанализировать работу официальной советской культуры с образами людей, пребывающих в состоянии перехода, а также позиционирование подобных субъектов. Не исключено, что стратегии позиционирования находили продолжение в практиках формирования и трансляции идеологически одобренных образцов для подражания, в прямом и опосредованном давлении на индивидов.

Материалом для анализа послужили советские экранизации литературных произведений, а также сами литературные произведения в виде фона для сопоставления. Два фильма представляют собой экранизации дореволюционных романов «Приваловские миллионы» Дмитрия Мамина-Сибиряка [11] и «Фома Гордеев» Максима Горького [5] (фильмы «Приваловские миллионы» 1972 года, режиссер Ярополк Лапшин; «Фома Гордеев» 1959 года, режиссер Марк Донской). Еще два фильма — это экранизации повестей советского детского писателя Владислава Крапивина «Валькины друзья и паруса» [10], «Болтик» [9] (фильмы «Валькины паруса» 1974 года, режиссер Николай Жуков; «Удивительная находка» 1986 года, режиссер Марк Толмачев). Причин выбора этих литературных произведений и, соответственно, экранизаций было несколько. Во-первых, хотелось проследить, как позиционируются субъекты, гибридные в силу характера и личностных качеств (таковы герои произведений Горького, Мамина-Сибиряка) и гибридные в силу возраста (герои произведений Крапивина). Во-вторых, хотелось разобраться, есть ли разница между позиционированием собственно советских персонажей и тех, кто относится к досоветской культуре России. Наша общая цель — сделать анализ позиционирования гибридных субъектов. Сопутствующая цели задача — выявление разницы между литературными оригиналами и кинематографическими экранизациями.

При осмыслении экранизаций дореволюционных романов и отличий их от первоисточников сразу обратила на себя внимание одна общая черта, а именно спрямление характеров главных персонажей в пользу демонстрации их большей зрелости, зрелости, последовательности, чем были им сообщены первоисточниками. В романах оба героя обладают переходным социальным статусом — они наследники, которые не вступили в полные права наследования, не освободились от прямого или опосредованного давления опекунов. Герой «Приваловских миллионов» Сергей Привалов должен унаследовать принадлежавшие отцу металлургические заводы, герой второго романа, Фома Гордеев, — наследник торгового дела своего отца купеческого сословия. Личностные качества и характер персонажей указывают на гибридность известного рода — их можно назвать не вполне взрослыми и вместе с тем, безусловно, не детьми, поскольку оба вышли за рамки соответствующего возраста. Оба они показаны по-детски простодушными, легковверными, доверчивыми, открытыми окружающим, принимающими важные жизненные решения спонтанно, под воздействием эмоций. Они воспринимают свое наследство как бремя, стремятся обрести свободу от лишней ответственности. Эти герои, в особенности Фома Гордеев, не находят себе места в жизни, блуждают, пребывают в ситуации брожения, поэтому ведут себя неустойчиво — у Фомы Гордеева постоянны загулы, пьянство, мотовство, связи с публичными женщинами, у Сергея Привалова азартные игры, пьянство, внебрачная связь с чужой женой, сомнительные знакомства. В фильмах же заметно, как негативные свойства персонажей сглаживаются, что особенно выразительно в «Приваловских миллионах» и более мягко в «Фоме Гордееве». Сглаживание характеров реализуется через ряд приемов:

1) героев делают более «идейными» и «сознательными» — так, они оба выглядят бесребренниками, у Привалова возникает идея реформирования заводского дела и справедливого распределения доходов с учетом интересов рабочих, чего в первоисточнике не было; Фома Гордеев изображается более последовательным в своих мировоззренческих поисках и разочарованиях;

2) героя снабжают социально полезным, филантропическим делом — в экранизации мельница, которую строил Привалов, трансформируется в больницу и школу (причина очевидна: мельница при всей полезности для общества приносит личный доход своему хозяину, а больница и школа не прибыльны);

3) смягчают или совсем не показывают негативные черты — про пьянство и увлечение азартными играми Привалова стыдливо умалчивается, дикие загулы, мотовство, женщин Гордеева показывают скупой и с явным осуждением;

4) более негативным (жадным, бесчестным, продажным, лживым) рисуют окружение, чем оно дано в первоисточниках, на фоне которого герой контрастно выделяется положительными качествами.

Таким образом, для двух рассмотренных киноэкранизаций характерна тенденция к овзролению главных героев, сглаживанию неровностей их характеров, преподнесению героев если не в качестве образцов для подражания, то по меньшей мере как достойных людей, имевших несчастье родиться «не в то время».

Иная картина возникает в результате анализа экранизаций произведений советского детского писателя и фантаста Владислава Крапивина. Повести «Валькины друзья и паруса» и «Болтик» относятся к жанру романа воспитания, довольно распространенному в литературе соцреализма. Главные герои — дети 10–11 лет — попадают в ситуации, связанные с опасностью для здоровья и жизни, проявлением равнодушия со стороны сверстников, агрессии хулиганов-подростков, формального или предвзятого отношения учителей. По ходу действия повестей они бескорыстно оказывают помощь другим людям, вынуждены отстаивать свои мнения, жизненную позицию и даже право на эту позицию. Пройдя через испытания, герои Крапивина претерпевают нравственную эволюцию, становятся более взрослыми, чем в начале повествования, иными словами, демонстрируют становление субъектности. Однако киноэкранизации не только иначе расставляют акценты в сюжете, но и меняют общую канву литературного первоисточника. В первую очередь складывается впечатление, что герои фильмов младше героев повестей, они менее зрелые по своему поведению, суждениям, способности отстаивать собственные взгляды. Например, герой повести «Валькины друзья и паруса», увлекающийся живописью, самостоятельно анализирует причины художественных промахов своих рисунков, в фильме же для этого предусмотрена руководящая роль учителя рисования, к нему зашедший в тупик герой сам приходит за советом. Вполне самостоятельный герой повести «Болтик» преобразован фильмом в домашнего ребенка, объект неусыпных забот и опеки родственников. Крайне важно, что смягчена или упразднена часть испытаний, которые героям приходится претерпевать, — исключены физическая опасность, равнодушие школьного коллектива, сглажены или опущены проявления несправедливости со стороны взрослых. Наконец, фильмы отличаются искусственной гармонизацией противоречий между личностью и коллективом, между членами одного коллектива, между учителем и учеником. В результате практически не остается испытаний, благодаря которым герои способны повзрослеть, поэтому в киноэкранизации повести «Валькины друзья и паруса» взросления, личностного роста героя не происходит, в экранизации повести «Болтик» нравственная эволюция редуцируется в сравнении с первоисточником.

Итак, подведем итоги. Первая стратегия позиционирования гибридного субъекта заключается в овзрослении, приписывании субъекту большей сознательности, зрелости, последовательности в мыслях и поступках. Вторая стратегия позиционирования прямо противоположна первой — она состоит в инфантилизации субъекта, придании ему детских черт, а также в упрощении жизни героя, смягчении конфликтов со средой и искусственном разрешении противоречий. Интересно, что в киноэкранизациях овзрослению подвергаются герои дореволюционных произведений, инфантилизируются же герои советских произведений (отметим здесь, что данный вывод правомерен лишь для изученного нами материала). Первая стратегия задает в качестве социально одобренного образца личность сознательную, идейную, последовательную. Вторая стратегия — инфантильную личность, в максимальном воплощении ребенка, который не взрослеет либо взрослеет мало, которому поэтому необходима опека зрелых людей или институций.

Стоит задаться вопросом, какие социальные потребности обслуживают две противоположные стратегии позиционирования субъекта. Первая явно рекомендовала в роли образца «сознательную» личность. Образцы сознательности транслировались разными видами и жанрами соцреалистического искусства, в частности литературой, кинематографом и плакатом. Сознательность, ответственность, дисциплинированность открыто приветствовались и выступали в роли культурных образцов, что неудивительно для общества, которое находится в процессе модернизации и нуждается в людях с выраженной субъектностью, способных к самоконтролю и дисциплине. Вместе с тем вторая стратегия уже гораздо менее явно предлагала совершенно иной тип, инфантильный, требующий контроля над собой. Казалось бы, в подобном типе нет потребности, более того, для общества, держащегося на самоконтроле и самодисциплине индивидов, он вреден. При этом не следует забывать, что советская модернизация отличалась от западного варианта сочетанием трудносочетаемого — модернистских целей и архаичных средств их осуществления. Не зря советский вариант модернизации — иначе говоря, модернизации по-евразийски, гибридной модернизации — был мобилизационной версией модернизации, при которой цели достигались путем колоссального сосредоточения ресурсов, прежде всего людских. Инфантилизация содействует управляемости, требуемой для концентрации и распределения ресурсов. Напротив, субъектность, взрослость, зрелость индивидов помешала бы беспрепятственному управлению ими.

Предположение о стремлении инфантилизировать индивидов, во всяком случае, навязать им соответствующие образцы для подражания, подтверждается выводами других исследователей. Анализируя разные периоды эволюции культуры советского общества и разные ее аспекты

с несходных позиций, эти исследователи — Евгений Добренко, Михаил Берг, Сергей Аверинцев и другие — сближаются в одном выводе: советская культура содержала установку, идущую со стороны государства, которое посредством идеологизированного воспитания стремилось укрепить в своих гражданах инфантилизм, чтобы способствовать лучшей управляемости общества (см.: [1; 2, с. 43–45; 6, с. 44–45]).

Помимо очевидных различий, у этих двух стратегий есть и объединяющее смысловое начало. Во-первых, обе они реализуют упрощение изображаемой в романах сложности, неоднозначности характеров персонажей, причем не только главных, но и второстепенных. Во-вторых, обе помогают гибриднему субъекту, субъекту в состоянии перехода или же субъекту, чья субъектность слабо выражена, совершить переход из состояния переходности, внутреннего брожения в более определенное состояние. Точнее сказать, они создают иллюзию перехода, только в случае с первой стратегией переход совершается в условно взрослое состояние, в случае со второй — в состояние условного детства. Обе эти стратегии действуют в направлении стандартизации, социально одобренного форматирования субъекта, что было, вероятно, выгодно самым разным социальным институциям и образованиям, начиная от государства и завершая общественными организациями.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992.
2. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: НЛО, 2000.
3. Быкова С. И. Официальная советская риторика и народная молва в 1930-е годы // Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия: материалы Междунар. науч. конф. (X Колосницынские чтения). Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2015.
4. Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
5. Горький М. Фома Гордеев. М.: Сов. Россия, 1984.
6. Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993.
7. Каганский В. Л. Мнимый путь. Россия = Евразия // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М.: НЛО, 2001.
8. Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голос из хора. М.: ИФРАН, 1996.
9. Крапивин В. П. Болтик // Мушкетер и фея: повести. М.: Дет. лит., 1979.
10. Крапивин В. П. Валькины друзья и паруса. М.: Дет. лит., 1970.
11. Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980.
12. Паперный В. З. Культура Два. М.: НЛО, 2006.

Семиосфера как продукт синтетической методологии

Статья освещает некоторые моменты истории структурализма в России, касаясь влияния Р. О. Якобсона на работы ОПОЯЗа и Московского лингвистического кружка, его связей с евразийцами «первой волны» Н. С. Трубецким и П. Н. Савицким, восприятия Р. О. Якобсоном евразийской концепции синтетической науки «персоналогии». Данная концепция получает в статье разностороннюю характеристику, прослеживается ее воздействие на семиотические теории и методологию Ю. М. Лотмана. Раскрыта содержательная сторона теории семиосферы Ю. М. Лотмана, отмечена ее позитивная роль для построения современных сложных научных моделей культуры.

Ключевые слова: семиосфера; синтетические науки; семиотическая личность; Н. С. Трубецкой; П. Н. Савицкий; Р. О. Якобсон; Ю. М. Лотман.

В работах ОПОЯЗа и почти одновременно с ним возникшего Московского лингвистического кружка одну из главных ролей сыграл крупнейший лингвист XX века Р. О. Якобсон, чье воздействие благодаря его многочисленным приездам из США, где он жил в эмиграции, позднее оказалось решающим при возобновлении структурно-семиотических работ в России в 1960-х годах [3]. Якобсон наряду с Н. С. Трубецким и П. Н. Савицким был также участником Пражского лингвистического кружка. Этим русским ученым, по мнению П. Серио, свойственно особое понимание структуры как целостности. Важную роль в таком понимании сыграла евразийская концепция синтетической науки. В противоположность идеалу аналитической науки философии Просвещения, такая концепция предлагает начинать с имманентного изучения каждого ряда явлений и использует «метод увязки». В письме конца 1926 года к Якобсону Трубецкой писал об очевидной параллельности в развитии различных областей культур и о том, что, следовательно, существует закон, обуславливающий эту параллельность. Между политикой, религией, литературой, языком и т. д. существует определенная связь, определенное сходство, которые можно было бы изучать с помощью особой науки: «...нужна какая-то особая наука, стоящая вне литературы, политики и т. д. и занимающаяся исключительно синтетическим изучением параллелизма эволюции отдельных сторон жизни. <...> Этот вопрос должна решать уже не лингвистика, а какая-то другая наука, скажем, „этнософия“» [8, с. 96]. Таким образом, «структурой» они называли то, что по существу было синонимом *синтеза*, причем «синтетическая целостность заложена в самих фактах, а не в методе познания» [10, с. 277–278].

Выстраивая основы нового научно-философского мирозерцания, евразийские мыслители акцентируют внимание на синтетичности, ор-

границности, целостности понятия «личность». Евразийцы противопоставляют свое мирозерцание «старому»: «Основному понятию старого мирозерцания — понятию отделенного и замкнутого в себе социального атома — мы противопоставляем понятие личности как живого и органического единства многообразия; понятию механической связи и внешней, отвлеченной системы — понятие органического единства или, вернее и точнее, единства личного. Личность — такое единство множества (ее состояний, проявлений и т. д.), что ее единство и множество отдельно друг от друга и вне друг друга не существуют. В самом деле, нет личного сознания и личности вне ее мышления, хотения и других ее состояний, и нет личного состояния, которое не было бы проявлением самой личности и не связывалось бы со всеми прочими ее состояниями. Личность — единство множества и множество единства. Она — всеединство, внутри которого нет места внешним механическим и причинным связям, понятие которых уместно и удобно лишь в применении к познанию материального бытия» [9].

Для евразийских мыслителей научное творчество начинается в момент установления совпадений или соответствий, увязывания фактов между собой. Именно наличие соответствий доказывает для них реальное существование искомого объекта. основополагающее значение теории соответствий — это целостное и синтетическое мировидение: кажется, будто можно исчерпать целостность всех возможных точек зрения, помыслить реальный объект, дотянуться до него путем накопления и взаимоналожения точек зрения.

Появление синтетических наук, особенно во второй половине XX века, показывает, что деление В. Дильтея на метод описания и объяснения не абсолютно. В такой синтетической науке, как экология, например, речь уже может идти не только об экологии окружающей среды, но и об экологии мышления или жизни в целом. Все синтетические науки характеризуются тем, что они пытаются исследовать как материальный мир объектов, так идеальный мир сознания и психики. Поэтому они не могут ограничиться только методом объяснения или описания и вынуждены искать какие-то более синтетические методологии познания. Усиление такого рода синтетических направлений — одна из основных тенденций развития современной науки, и евразийцы одними из первых развивают эти идеи. Трубецкой подчиняет всю свою систему научных дисциплин персонологии, которая призвана их «соотнести». Так возникает система двух соотнесенных рядов наук, в которой наряду с описательными науками существуют истолковывающие науки: история — историософия, этнография — этнософия, география — геософия.

Лишь истолковывающие науки позволяют понять изучаемые факты, обнаружить их скрытый смысл, не ограничиваясь описанием явлений.

Только на основе вместе взятых наук может появиться «исчерпывающая теория личности». Этот синтез наук достижим лишь посредством новой научной дисциплины «персонологии», единственно способной согласовать науки друг с другом. Без нее возможна лишь «энциклопедия» наук, хаотический конгломерат более или менее научных идей. Отсутствие такой «персонологии» — это самый большой недостаток западной мысли.

Суть главного положения персонологии евразийцев в том, что человеческое сообщество, как индивид, должно рассматриваться прежде всего как личность, причем между одной и другим существуют лишь различия в степени: в обоих случаях все аспекты личности взаимосвязаны и образуют органическую (в лучшем случае даже гармоническую) целостность: «Между отдельным человеком и органической многочисленной личностью в этом отношении и принципиальной разницы нет, а есть только разница в степени сложности соответствующих явлений» [12]. Здесь понятие механической связи заменено понятием связи, создающей органическое единство целого, единство личного. Евразийство с его метафорой «Народ подобен личности» стало «метаморфозой органицизма XIX века, вернувшегося в Европу в виде ареальной лингвистики с ее геокультурными тенденциями» [10, с. 321].

Р.О. Якобсон, который с 1920 по 1956 год не был в Советской России, в 50-е годы разрабатывает общую науку о коммуникации, используя теорию информации. Якобсон считал семиотику средством, способным показать специфику языка на фоне других знаковых систем и вместе с тем обнаружить связи языка с другими знаковыми системами. В один из своих визитов в СССР в 1966 году по приглашению Международной психологической ассоциации Якобсон смог при помощи Ю.М. Лотмана принять участие во второй Летней школе по вторичным моделирующим системам в Тарту. А.К. Жолковский по этому поводу пишет: «Лотману удалось „пробить“ поездку Якобсона в Тарту, которая и состоялась под „наблюдением“ приставленного к нему... Вяч. Вс. Иванова. А в промежутке Кома (Вяч. Вс. Иванов. — Р. З.) решил устроить Якобсону и Кристине (К. Поморской. — Р. З.) встречу с цветом молодой московской лингвистики и возложил на меня почетную роль хозяина этого приема». Лотман позднее несколько раз обращался к Р.О. Якобсону через Вяч. Вс. Иванова с просьбой подписаться под изложением принципа изучения текстов культуры, который по предложению Юрия Михайловича составили вместе с ним Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский и А.М. Пятигорский. К сожалению Лотмана, Якобсон, по свидетельству Иванова, на повторные просьбы не отвечал.

В 1983 году в статье «Несколько слов о Романе Осиповиче Якобсоне» Лотман отмечает, что Р.О. Якобсону наряду с Н.С. Трубецким,

В. Матезиусом и другими участниками Пражского лингвистического кружка принадлежит заслуга превращения лингвистического структурализма в целостную концепцию, сыгравшую авангардную роль в мировой лингвистике. Продолжение принципов Ф. де Соссюра и Женевской школы для Якобсона на практике означало их преобразование и преодоление. Так, подчеркивает Лотман, Якобсон уже в 1931 году фундаментально пересмотрел понятие синхронии: «Было бы серьезной ошибкой утверждать, что синхрония и статика — это синонимы. Статический срез — фикция: это лишь вспомогательный научный прием, а не специфический способ существования. Мы можем рассматривать восприятие фильма не только диахронически, но и синхронически: однако синхронический аспект фильма отнюдь не идентичен отдельному кадру, вырезанному из этого фильма. Восприятие движения наличествует и при синхроническом аспекте фильма. Точно так же обстоит дело с языком» (цит. по: [5]). Выдвинутый Женевской школой принцип имманентности языковой структуры Якобсон использует для демонстрации социокультурной функции языка.

Лотман акцентирует внимание на интердисциплинарности научного подхода Якобсона. С помощью преобразованных моделей теории информации, обоснованной связи лингвистики и семиотики с молекулярной генетикой и исследованиями функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека Якобсон смог показать динамику структуры языка.

Понятие «семиосфера», впервые использованное Ю.М. Лотманом в 1984 году (см.: [7]), подробно объяснено и соотнесено с другими аспектами структурно-семиотической теории культуры в работе «Внутри мыслящих миров» (1990) (см. [5; 13]). Это понятие отражает сущность культуры как «двуединой (минимально) и одновременно неразложимо-единой минимальной работающей семиотической структуры» [4, с. 152]. Каждая отдельно рассматриваемая культура или субкультура образует собственную семиосферу, исследование которой имеет эвристическое значение в моделировании реальных культурных процессов и поведения личностей как семиотических образований.

Ю.М. Лотман определяет культуру как целостный организм, который состоит из структурно-семиотических образований и системы связей между ними. Эти структурно-семиотические образования построены по образцу *личности*. В статье «Культура как субъект и сама себе объект» (1989) он связывает организацию этих «культурных личностей» с понятием семиосферы, которая «предстает перед нами как особое устройство, одновременно являющееся организованной иерархией структур и огромным числом свободно плавающих в этом пространстве замкнутых семиотических миров («личностей», текстов)» [6, с. 646]. Лотмана интересуют

семиотические механизмы отграничения одной части социума от другой и одного социума от другого. В то же время идея семиосферы — теоретическая интерпретация эмпирического материала, с которым Лотман работал в своих исследованиях по истории литературы. В этой связи М. Л. Гаспаров замечает: «Человеческая личность для Лотмана не субстанция, а отношение, точка пересечения социальных кодов. Марксист сказал бы: „точка пересечения социальных отношений“, — разница опять-таки только в языке. Именно благодаря этому оказывается, что Пушкин был одновременно и просветителем-рационалистом, и аристократом, и романтиком, и трезвым зрителем своего века, знал цену условностям и дал убить себя на дуэли. Каждую из этих скрестившихся линий можно проследить отдельно, и тогда получится та „история культуры без имен“ или та „типология культуры без имен“ <...>. Лотман отлично умел делать такой анализ безличных механизмов культуры, но ему это было не очень интересно — не потому, что это схема, а потому, что это слишком грубая схема» [2].

Понятие «семиосфера» оказывается синонимом культурной сферы, культурного поля человеческого общества. Семиосфера, таким образом, — синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и одновременно их порождением. Обволакивающее человека и человеческое общество семиотическое пространство как интеллектуальный мир, находящийся в постоянном взаимном общении с индивидуальным интеллектуальным миром человека. Л. Н. Столович по этому поводу замечает: «*Семиосфера*, разработка понятия которой составляет одну из несомненных научных заслуг Ю. М. Лотмана, конечно же, существует, однако не может покрыть собою все иные сферы — *ноосферу* (сферу разума), *аксиосферу* (сферу ценностей), *пневмосферу* (гипотеза П. А. Флоренского о существовании „вещественных образований, проработанных духом“, например, предметов искусства), не говоря уже об атмосфере и биосфере» [11, с. 106].

Семиотическое разнообразие внутри культуры постоянно увеличивается, и каждый обладающий значением узел структурной организации ее начинает проявлять тенденцию к превращению в своеобразную «культурную личность» — замкнутый имманентный мир с собственной внутренней структурно-семиотической организацией, собственной памятью, индивидуальным поведением, интеллектуальными способностями и механизмом саморазвития. В результате культура как *целостный организм* представляет собой сочетание таких построенных по образцу отдельных личностей структурно-семиотических образований и системы коммуникаций между ними. Концепция культуры как семиосферы фиксирует

целостность структурно-семиотической организации совокупности всех «семиотических личностей» культуры.

Заимствования, которые Лотман осуществлял в области методологии и понятийного аппарата у таких смежных дисциплин, как логика, теория моделей, топология, структурная лингвистика, могут рассматриваться в качестве попытки преодоления методологических трудностей в культурологии. Функция заимствований заключалась в том, чтобы с помощью дополнительных методов и структурных единиц получить контроль над неповторимо-индивидуальным, над неуловимым многообразием жизни. Заимствованные понятия, пригодные благодаря своему характеру для более систематического, чем прежде, исследования, помогали выделить дискретные единицы нового рода (такие понятия, как «универсалия», «фон/передний план», «множество», «окружение», «граница» и т. д.). Речь идет не столько о единицах, которые сознательно вычлняются «здравым человеческим рассудком» в ходе «нормального» восприятия, сколько о тех сегментах текста и культуры в целом, которые «при нормальном чтении» воспринимаются на бессознательном уровне и ускользают от внимания [1, с. 235–236].

Таким образом, концепция семиосферы дает возможность моделирования инвариантных структур культуры, социума и отдельных личностей, что в первую очередь необходимо для построения научных моделей, адекватных сложности объекта, учитывающих динамику «создания/преобразования» мира. На основе концепции семиосферы Лотман строит типологию культуры, исследует соотношения культуры и не-культуры (природы), культуры и личности, обосновывает построение всеобщей исторической семиотики культуры.

Формирование идентичности семиотических личностей протекает в диалогических отношениях посредством перевода и творчества, в результате чего семиосфера постоянно переструктурируется. Взрыв — момент в истории, когда настоящее является неразвернувшимся смысловым пространством, причинно-следственные связи заменяются противоположно направленными механизмами случайности и сознательного выбора. Объективность исследования в такой модели — процесс динамического взаимообновления субъекта и объекта, понимание — перевод, задача историка — обнаружение различий в структурах субъекта и объекта. Идея семиотической личности как анонимной знаковой структуры, которая создает культуру — продуктивная идея неклассической философии.

Библиографический список

1. Аймермахер К. Знак. Текст. Культура / пер. с нем. С. А. Ромашко. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.

2. Гаспаров М. Л. Лотман и марксизм // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.
3. Иванов Вяч. Вс. Из истории ранних этапов становления структурного метода в гуманитарных науках славянских стран // Московско-Тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. М.: Языки русской культуры, 1998.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПБ, 2000.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек — Текст — Семиосфера — История. М., 1996.
6. Лотман Ю. М. Культура как субъект и сама себе объект // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПБ, 2000.
7. Лотман Ю. М. О семиосфере // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1984. Вып. 641. Труды по знаковым системам. [Т.] 17. Тарту, 1984.
8. Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004.
9. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
10. Серюи П. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е годы / авториз. пер. с фр. Н. С. Автономовой. М.: Языки славянской культуры, 2001.
11. Столович Л. Н. Юрий Михайлович Лотман. Воспоминания и размышления // Юрий Михайлович Лотман / под. ред. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2009.
12. Трубецкой Н. С. Упадок творчества // Евразийская хроника. Вып. XII. Берлин, 1937.
13. Lotman Yu. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. L.; N. Y., 1990.

Д. С. Кезина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

С. Ю. Радченко

Свердловская региональная организация Общероссийской общественной организации —
Общество «Знание» России (г. Екатеринбург)

Россия как локомотив Евразии в XXI веке. О задачах управления процессом неоиндустриализации в современной России как лидере евразийского экономического пространства: социально-культурологический аспект

Рассматривается формирование концептуальных положений новой индустриализации на евразийском экономическом пространстве. Анализируются задачи управления процессом неоиндустриализации России как локомотиве Евразии в XXI веке.

Ключевые слова: неоиндустриализация; модернизация; евразийское экономическое пространство; «русское культурное поле».

Основная задача цивилизационного развития России состоит в том, что наша страна в XXI веке должна стать лидером культурного развития и неоиндустриализации евразийского экономического пространства.

Необходимо ввести в экономическое пространство и «русское культурное поле» (понятие введено С. Ю. Радченко и С. Н. Некрасовым и обозначает базовый, основной продукт исторического развития цивилизации на нашей планете. — *Прим. авт.*), народы и страны на пространстве СССР — СНГ, а также ранее входившие в экономическую и культурную орбиту СССР и исторической России и тяготеющие к России — бывшие страны СЭВ; всемерно развивать культурные и экономические связи с Индией, Ираком, Ираном, Турцией, Китаем. Сотрудничать с ними как народами и странами, имеющими с Россией общую систему ценностей, в которой главенствуют понятия справедливости и творчества, коррелирующие с системой истинных духовно-нравственных ориентиров русской цивилизации, где определяющими являются труд и нравственность.

Для этого нам нужно решить задачи управления процессом неоиндустриализации в современной России как локомотиве Евразии в ее одном из самых главных аспектов — социально-культурологическом. Это касается применения современных технологий и культуры производства в промышленности («белая металлургия», внедрение передовых систем материальной и моральной мотивации труда) и в системе расширенного воспроизводства трудового ресурса страны — самого индивида с учетом его возрастающих требований к качеству жизни и реакции на вектор, модус формирующихся потребностей, которые ему нужно культурно помочь сформировать и оформить. В первую очередь, выработав современное научное мировоззрение, которое формируется в процессе овладения индивида современным философским знанием. Нам нужны мыслящие люди, способные на своем рабочем месте находить пути решения проблем в процессе неоиндустриализации страны.

Сегодня проблема проведения неоиндустриализации в России и на всем евразийском пространстве признается обществом и рядом известных российских экономистов как одна из ключевых, стратегических для дальнейшего развития России. Концептуальные положения неоиндустриального развития нашей страны предложены доктором экономических наук С. С. Губановым, академиком РАН С. Ю. Глазевым — советником президента России В. В. Путина по развитию евразийского экономического пространства, доктором экономических наук Института экономики УрО РАН О. А. Романовой.

На законодательном уровне принимаются государственные решения по запуску процесса модернизации российской промышленности. В декабре 2014 года Госдумой РФ был принят, а президентом подписан закон

«О промышленной политике в РФ», который позиционируется как документ стратегического характера, задающий вектор развития российской промышленности на повышение ее конкурентоспособности и модернизацию.

Концепция неоиндустриализации как прорывного интеграционного проекта России и Беларуси прозвучала еще в 2010 году на круглом столе «Союзное государство России и Белоруссии: динамика развития», организованном в Санкт-Петербурге Российским институтом стратегических исследований¹. Ее автор — В.Ф. Байнев, доктор экономических наук, эксперт консультативного совета Информационно-аналитического центра при администрации президента Республики Беларусь — положил в основу концепции необходимость скоординированной межгосударственной промышленной политики Беларуси и России, целью которой должна стать новая индустриализация [1].

Эту идею поддержали и российские экономисты. На прошедшем в 2010 году в Москве V Форуме проектов программ Союзного государства профессор МГУ С.С. Губанов также предложил неординарную концепцию экономической интеграции России и Беларуси, обосновав ее тем, что прочная и эффективная интеграция России и Беларуси возможна лишь на неоиндустриальном фундаменте [4]. Об инновационной ориентации экономического роста и новой стадии неоиндустриальной модернизации заявляет сегодня и Казахстан [2].

Год назад глава РЖД В.И. Якунин, руководитель мегапроекта «Интеграция евразийской транспортной системы», позиционировал «Транс-Евразийский пояс развития» как первый проект эпохи неоиндустриализации на Евразийском континенте². Развитие Таможенного союза на постсоветском пространстве эксперты также рассматривают как будущий субъект реализации современной программы неоиндустриализации и создания экономики устойчивого развития в эпоху глобальных вызовов и угроз³.

Решение задачи модернизации российской промышленности, а если более предметно — промышленного комплекса России, в основном

---

¹ Круглый стол «Союзное государство России и Белоруссии: динамика развития» // Сайт Российского института стратегических исследований. URL: <http://riss.ru/events/1793>.

² Транс-Евразийский пояс развития как первый проект эпохи неоиндустриализации // Сайт проекта «Диалоги». URL: <http://www.dialogi.su/discussions/53/950.html>.

³ Неоиндустриализация + дезурбанизация страны // ТПП информ. URL: <http://warfiles.ru/show-8000-neoindustrializaciya-dezurbanizaciya-strany.html>.

доставшегося нам от СССР, невозможно без участия, привлечения и вовлечения в этот процесс стран СНГ и требует с учетом этого обстоятельства системного, комплексного подхода. Данную задачу, как свидетельствуют результаты индустриализации в России 20–30-е годы XX века, невозможно решить без направленного движения «широких народных масс», главного фактора развития страны — «людей труда».

Необходима системная разработка проблемы модернизации российского общества и понимание индивида как главной движущей силы новой индустриализации и будущего трудового ресурса, как неотъемлемого элемента социально-экономической системы России.

В первую очередь требуют решения следующие вопросы: каким образом через реализацию системы социально-культурных практик мы можем предложить алгоритм совершенствования социальной структуры общества, мотивации индивида к высокопроизводительному труду в условиях прорыва к неоиндустриализации, к совершению новой промышленной технологической революции? Как правильно соотнести между собой различные типы культур и разные виды творческой активности человека и задействовать их в системе организации труда, в управлении процессами формирования нового гражданского общества? Как оценить их значимость, целесообразность поддержки и развития для неоиндустриализации?

Помимо развития новой социальной политики важно, на наш взгляд, учесть и другой аспект. Если рассматривать процесс в парадигме смены технологических укладов и необходимости перехода России на неоиндустриализацию, то естествен и неизбежен интерес к профессиональному отбору и развитию, усложнению и самого человека (индивида) как будущего трудового ресурса и движущей силы новой индустрии, о чем говорит в своих трудах российский эволюционист, доктор биологических наук С. В. Савельев.

С развитием цивилизации происходит усложнение социально-экономических отношений, процессов коммуникации и энергоинформационной структуры. С накоплением знаний и увеличением объема информации развивается и совершенствуется психика человека, сам человеческий психотип, изменяется структура мозга.

Качество человеческого ресурса остается важнейшим фактором модернизации российской экономики, и эта проблема действительно требует поиска оптимальных подходов к ее решению. Другой важный вопрос: какой индивид в силу своей мотивации и строя психики сможет стать главным экономическим двигателем и главной составной частью всего экономического процесса, противодействовать коррупции и воровству? И как государство, СМИ, различные образовательные и социальные институты могут способствовать адекватному воспитанию и формирова-

нию будущих кадров для проведения модернизации России в различных сферах социально-экономической системы? Поиск ответов на эти вопросы будет в значительной степени способствовать, на наш взгляд, эффективной организации и построению новых социальных и экономических систем, поможет выигрывать в экономической и политической борьбе, в глобальной конкуренции стран.

Основная проблема России, как и других государств, — ее промышленная, энергетическая и экономическая безопасность. Ставя вопрос о модернизации, необходимо исследовать ключевой вопрос: насколько сильна сегодня нацеленность российского общества, гражданских институтов на создание промышленности на новых физических принципах и проведение неоиндустриализации?

В одном из технических вузов Свердловской области нами был проведен пилотный опрос группы студентов-первокурсников, обучающихся по металлургической специальности. Ответы студентов на вопрос «Почему вы решили выбрать эту специальность и кем планируете стать в будущем?» распределились следующим образом:

50% — поступили осознанно и мечтают стать металлургами, так как считают металлургию профессией будущего и уверены, что будут востребованы на рынке труда. «Пошел по велению сердца. Я не знаю ни одного сверстника, который пошел бы учиться туда, куда стремился бы душой, многие не знают, чего хотят. А я могу гордо сказать, что хочу быть сталеваром». «Это одна из основных профессий в нашем регионе. В будущем я хочу стать полезным в этой профессии»;

21% — не собираются работать по специальности, а поступили на нее, потому что это было «проще всего» сделать из-за большого числа бюджетных мест и невысокого проходного балла; цель обучения — получить диплом о высшем образовании или отсрочку от армии;

21% — сделали выбор случайно, но не отрицают вероятности в будущем работать инженерами. «Я хотел пойти в металлургию, но не знал, то ли на литейное дело, то ли на цветную и т. д. Времени оставалось мало, поэтому выбрал, что первое пришло в голову. Хочу стать достойным инженером». «Еще не определилась с выбором»;

7% — выбрали специальность осознанно, но указали, что работать в России не собираются.

Конечно, малые масштабы пилотного исследования не позволяют нам сделать окончательные и глобальные выводы, однако и они вызывают вопросы к размышлению: о чем говорит результат, что лишь половина респондентов осознанно собираются стать инженерами — будущими кадрами российской неоиндустриализации? Вероятно, было бы целесообразно провести более масштабные опросы, анкетирования для выявления уров-

ня мотивации студентов технических специальностей. И, соответственно, разработать рекомендации по коррекции региональной и государственной политики в сфере подготовки технических кадров.

Докторант З. А. Касьян в статье «Социальная регуляция маргинализации российской молодежи: институциональный аспект» предложила рычаги социальной регуляции молодежи с целью создания эффективной системы социальной мобильности молодых россиян, в которой «...на основе обеспечения механизмов институциональной регуляции (со стороны школы, семьи, государства, СМИ) будут создаваться и поддерживаться те ценности и нормы, которые позволят молодежи эффективно интегрироваться в социальное, образовательное, семейное пространство» [3, с. 71–74].

Помимо внешних форм воспитания и мотивации индивидов — экономической и административной, существуют более глобальные и глубинные формы, а именно культурные формы. Соответственно, в контексте проведения неоиндустриализации в России необходимо учитывать особенности «русского культурного поля». Это поле, существующее и определяющее развитие российской цивилизации, культурная матрица, накладывающая свой отпечаток и на структуру отношений в производственных коллективах.

Рассматривая СМИ в качестве одного из необходимых и наиболее эффективных инструментов неоиндустриализации, как одну из форм управления общественным сознанием, необходимо учитывать ряд нюансов. С одной стороны, при формировании технико-экономической парадигмы среди всех институтов гражданского общества СМИ способны играть наиболее важную роль в идеологических процессах, формировании идеологического фундамента. Сегодня в условиях глобализации и интенсивного развития экономик СМИ трансформируются, решают все более комплексные задачи, являются не только субъектами, но и объектами влияния различных социально-экономических институтов и финансово-промышленных групп. С другой стороны, предварительный контент-анализ ведущих и наиболее тиражных общественно-политических СМИ говорит о том, что сегодня массмедиа не отражают массово и системно идею неоиндустриализации России как национального приоритета и основу единения гражданского общества, а публикации, посвященные модернизации, во многом носят несистемный, пассивный характер.

Для такого положения дел есть объективные экономические и социально-исторические предпосылки.

Во-первых, несмотря на то, что в журналистике — и в этом главная ее особенность — информация понимается как общественное благо, а не предмет потребления, в современных российских реалиях многие

СМИ с хозяйственной точки зрения фактически приравнены к субъектам малого и среднего бизнеса и вынуждены выживать за счет оказания услуг, не связанных напрямую с функциями журналистики — за счет скрытой и явной рекламы, заказных статей и т. д. (напомним, к основным функциям журналистики, согласно ее теории, относятся коммуникативная, идеологическая, культурно-просветительская, методологическая, организаторская. — *Прим. авт.*).

По ряду объективных причин, основной из которых является развитие Интернета, тиражи печатных изданий сокращаются на протяжении достаточного длительного периода времени. Финансирование многих государственных СМИ сокращается, многие СМИ находятся в частных руках и (или) финансируются из-за рубежа. Все это не способствует созданию медиасферой полной и объективной картины текущих процессов, активному, позитивному и конструктивному участию массмедиа в жизни государства и реального сектора экономики.

В Западной Европе и США уже не один десяток лет в качестве альтернативы коммерциализации СМИ существует идея общественного вещания. Суть ее в том, что СМИ финансируются не из одного источника (следовательно, работают не в интересах конкретного лица или группы лиц), а из нескольких: лицензионной платы зрителей или слушателей, государственных субсидий, доходов от рекламы, финансовой поддержки спонсоров, продажи дополнительных услуг.

Идея общественного телевидения появилась и в России. Российский федеральный канал общественного направления официально начал вещание в мае 2013 года. Однако требуется отдельное исследование проблемы, чтобы получить ответы на вопросы: насколько эффективно и объективно действуют общественные медиа на Западе, заработала ли реально идея общественного телевидения в России, а также какого рода координация российских СМИ нужна для отражения идеи неоиндустриализации, для курирования и информационного сопровождения этого сложного процесса?

Вторым важным фактором является утрата прежней системы обратной связи российских СМИ с читателями, что вызвано отменой в Законе РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года № 2124-1 обязанности редакций реагировать на письма населения. Это обстоятельство привело к ряду негативных последствий для отечественной журналистики как важнейшего института гражданского общества: к снижению интереса и доверия читательской аудитории к СМИ и, как следствие, к уменьшению тиражей, ухудшению экономического положения редакций на рынке. СМИ перестали в полной степени отражать актуальные проблемы и тематику, волнующую общественность, т. е., апеллируя к классической формулировке, перестали быть «зеркалом общества».

Третьим фактором является уклон современных СМИ в сторону своего рода «технократизма». Само по себе развитие новых технологий в медиасфере носит нейтральный характер. Однако с учетом сопутствующих процессов этот фактор приобретает ряд негативных черт. Во-первых, ориентация на информационные жанры журналистики, которые становятся все более популярными в отличие от характерного для российской журналистской традиции приоритета аналитических и художественно-публицистических жанров, уходящих сегодня на второй план. Таким образом, можно говорить о тенденции к упрощению содержательной части российских СМИ. Во-вторых, если в традиции классической журналистики СМИ, воздействуя на сознание своей аудитории, формирует идеалы, конкретные цели, стремления, мотивы деятельности, установки и волевые импульсы в социуме, то сегодня ситуация меняется: многие российские СМИ все чаще подстраиваются под реакцию аудитории, чтобы собрать для публикаций как можно большее число посетителей, перепостов, увеличить трафик. Именно повышение посещаемости сайта сегодня — один из основных критериев, определяющих логику работы интернет-СМИ.

Таким образом, при формировании концепции проведения неоиндустриализации в России с целью выработки в обществе, особенно среди молодежи, мотивации, осознанного отношения и готовности к необходимости проведения неоиндустриализации в стране, следует решить ряд задач. В частности, создавать мотивацию к труду, нравственную регуляцию молодежи и осознанное отношение к природе и специфике российской экономики через воспитание экономической культуры детей начиная со школьной скамьи (с позиции понимания экономики как системы разумного хозяйствования). Изучить существующие интересы и потребности представителей «общества потребления» среди молодежи в современном российском социуме, понимая под «обществом потребления» термин, предложенный немецким социологом Э. Фроммом и характеризующий одну из основных проблем развития капитализма: увеличение числа людей, для которых массовое потребление материальных благ является одной из основных ценностных установок. При этом растущее стремление к потреблению противостоит стремлению к производству нового, без чего невозможна неоиндустриализация.

Для того чтобы Россия стала лидером процесса неоиндустриализации на евразийском пространстве, нам нужен индивид, имеющий целостный взгляд на проблемы развития страны, сформированное современное научное и, подчеркнем, неоиндустриальное мышление, который нацелен как личность на творчество, на создание нового, обладает высшими социальными чувствами, т. е. является патриотом своей страны, мыслит.

И мыслит не только в масштабах своей индивидуальной судьбы, но и в масштабах народа, всей российской нации.

Библиографический список

1. Байнев В. Ф. Неоиндустриализация — прорывной интеграционный проект Союзного государства России и Беларуси // Сайт редакции ДЗВОИ. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3048.
2. Инновационная ориентация экономического роста и новая стадия неоиндустриальной модернизации // Интернет-проект «История Казахстана». URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/787>.
3. Касьян З. А. Социальная регуляция маргинализация российской молодежи: институциональный аспект // Общество: политика, экономика, право. 2009. № 1-2.
4. Медведев А. Эпоха неоиндустриализации // Российская газета. 2010. 16 дек.

М. Н. Кладов

Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Английский джентльмен и русский праведник: самоописание русской культуры на примере рассказа Н. С. Лескова «Однодум»

Рассматривается проблема самоописания культуры. На примере творчества Н. С. Лескова осмысливается, как самоописание может противоречить самому себе, как поиски специфического, уникального сами по себе выдают фундаментальные связи с другими культурами, их общий контекст и обмен смыслами и формами.

Ключевые слова: идеология; самоописание культуры; культурная идентичность; граница.

При всей важности феномена самоописания для понимания той или иной культуры, некритическое, наивное принятие самоописания грозит ошибками, подчинением исследователя идеологии объекта исследования. Самоописание не более чем объект для критического исследования. Именно в нем можно выявить те идеологемы, через которые культура понимает себя, оправдывает себя, выявить структуру этих идеологем, их неочевидную связь с чем-то, что, возможно, прямо подрывает интенции исходной идеологемы. Собственно применение метода деконструкции как высвобождение репрессированных смыслов, на мой взгляд, неизбежно для «истории идей».

Введенный одним из основателей евразийства П. С. Савицким термин «месторазвитие» предполагает тесную связь между «географическим миром» и социокультурной реальностью народа [3]. Несмотря на неконкретность термина, несмотря на элементы географического детерминизма, «месторазвитие» все же предполагается как основа для произ-

растания народа, почва, на которой может вырасти в результате взаимодействия то с Европой, то с Азией; «месторазвитие» — нечто особенное, с основой/почвой как-то связанное, но к ней несводимое. А если предположить, что русская культура определяется через месторазвитие, то возникнет вопрос: почему даже для самоописания она прибегает к «инородным» формам?

Особенно интересен в данном плане Н. С. Лесков и его истории об «русских антиках». Эти антики, чудаки и есть самописание, самопонижение русской культуры. Мастер Левша — русский самородок, покорный, безответный гений, Иван Северьяныч — «типический богатырь» с даром пророчества, мятущаяся русская душа и пр.: все они со школьной программы становятся частью саморефлексии русской культуры. И сам Лесков, последовательный критик «нигилистов», «демократов», «новых людей», «дам эмансипе», консерватор в «женском вопросе», выглядит почвенником, евразийцем (что особенно заметно в «Соборянах»). Однако интересно, что для едкой критики «западничества» «новых людей» в романе «На ножах» Лесков прибегает именно к формам европейской литературы — криминального, авантюрного романа.

«Русская культура» — все-таки с опаской используем это тотальное понятие — иногда бывает удивительно неблагоприятна, по крайней мере в данном частном случае, который был мною выбран. Англия искренне и быстро признается в любви и влиянии, которое на нее оказал Чехов, Моэм будет петь ему дифирамбы, глобальную биографию Чехова напишут уже в конце XX века именно в Англии (см. Donald Rayfield «Anton Chekhov — A Life»). Почему в случае с Лесковым английское влияние по большей части игнорируется? Этот риторический вопрос, конечно, излишнее кокетство. Ответ очевиден — еще бы, «самый русский из русских писателей», знаток говоров и народной жизни и какие-то «холодные», «застегнутые» англичане. Это ж деловой народ, как у Чехова: «Живет этот деловой народ в английских клубах, на английской набережной и в английском магазине. Питается английской солью и умирает от английской болезни» (см. А. П. Чехов «К характеристике народов»). В стереотипах нет сочетания — «широта русской души» и эти англичане, хотя то, что Лесков был увлечен английской культурой, общеизвестно.

С другим «в высшей степени народным» (Белинский как поставщик «мемов») произведением — «Евгением Онегиным» — исследователи разделились быстро: «Онегин», насквозь пронизанный галлицизмами и англицизмами, основанный на пародировании стереотипов европейской литературы, конечно же, не может не быть «народным».

Лескову повезло меньше, его «русскость» затмила блестящего стилиста, мастера играть с разными пластами речи, мастера тонкой, «английской»

иронии. Его упрекали в «манерности», «стилистических излишествах» и прочая, и прочая. Обидно, что из блестящего писателя, тонкого знатока языка и приема в массовом восприятии его сделали жупелом, «самым русским» писателем. При этом еще Д. С. Мирский указывал, что некий английский критик назвал Лескова «русским Троллопом» [2].

В предисловии к рассказу «Однодум» Лесков поясняет: «Ужасно и несносно... видеть одну „дрянь“ в русской душе, ставшую главным предметом новой литературы, и... пошел я искать праведных, <...> но куда я ни обращался, <...> все отвечали мне в том роде, что праведных людей не видывали, потому что все люди грешные, а так, кое-каких хороших людей и тот и другой знавали» [1]. То есть в ответ на «западнические», «нигилистические» романы Лесков жаждет найти русских праведников — и находит Однодума.

В основе «Однодума» прослеживается невероятно сложная структура, фундированная в тех жанрах, что использовал Лесков. Первое, что очевидно бросается в глаза, — это жития святых, элементы сказовой манеры в сочетании с некоторыми документальными свидетельствами (Лесков опирается на словарь Гагарина, вводит в действие реальное историческое лицо — будущего министра С. С. Ланского и др.), но основой для характера «праведника», «антика» Однодума служит *английская* традиция изображения доброго эксцентрика. Именно на эксцентрику, странность, чуждость Однодума акцентирует внимание его русское окружение. То есть получается такая условная линия: дядя Тоби (Л. Стерна) — мистер Брамбл (из Т. Смоллета) — мистер Пиквик (Ч. Диккенса) — Однодум, он же Алексахка Рыжев, и т. д. (разумеется, масса славных имен в данной линии отсутствует). У Однодума есть свой *hobby-horse*, свой «конек» — Библия: когда Алексахка садится на него, его ничто не может остановить, как и дядю Тоби, мистера Брамбла и Пиквика. Они все являются в той или иной степени жертвами глупости и злонамеренности людей. Мне это показалось очень интересным: как на основе житий, сказа и документов Лесков вписывает такого «укорененного», «почвенного», «русопятского» персонажа («необъятной силы и несокрушимого здоровья») в традицию английской литературы. Однодум — очень интересное сочетание юридового и «джентри»: он по-английски деловит, солиден, домовит. Когда Рыжев встречал нового губернатора, у него случился конфуз со «штанцами», но наш Однодум невозмутим, степенен, словно джентльмен в щекотливой ситуации: «Сюда начальству глядеть нечего».

Лескову не нужно было прибегать к Далю — его знание говоров, словечек весьма глубоко, и он не «бравирует» ими, чем иногда злоупотреблял Тургенев. Лесков играет, играет в сложную игру интересных сочетаний. Мне очень нравится, как он рисует «уютную эротику» (которую потом

вовсю использует Чехов). Вот о матери Алексашки Рыжова: «Когда она овдовела, в ней еще были приятности, пригодные для неприхотливого обихода» — эти «приятности» отсылают одновременно и к ее телу, и к умению печь пироги. И, конечно, самое забавное — это вплетение в один текст целого веера разнородных стилей: простонародный, канцелярский, мещанский, не будем забывать и о сказовой основе. Особенно интересна данная конструкция: «Городничий возмутился духом, вник в дело, увидал, что этак невозможно, и воздвиг на Рыжова едкое гонение». И как бы главное слово: «касательное», «касающееся» — это забавный эвфемизм для «даров» и взяток — его Лесков обыграл во всех возможных вариантах. А сам Рыжов, человек «бескасательный», ну не берет, дурак, взяток и «даров» не приемлет. Видя такое диво, местный протопоп обдумывает весьма характерно: «Это новость масонская, и если я ее услужу и открою, то могу быть в большом отличии и даже могу в Петербург переехать» (простакопротопоп не знал, что будущий заступник Одnodума С. С. Ланской действительно был членом ложи — интересная деталь). Тут стоит обратить внимание как раз на то, что протопоп выделяет чуждость Одnodума, он думает о награде за раскрытие заговора.

У Лескова был явный вкус к иронии, к английской тонкой иронии. Вот сравним, например, на конкретном примере: весьма актуальное по тем временам слово «сечь». Салтыков-Щедрин прибегает в «Истории одного города» к очевидному сарказму: «Как истинный администратор, он различал два сорта сечения: сечение без рассмотрения и сечение с рассмотрением, и гордился тем, что первый в ряду градоначальников ввел сечение с рассмотрением, тогда как все предшественники секли как попало, и часто даже совсем не тех, кого следовало».

И Лесков: «Исправник был человек развездной, и он сек только сельских людей, которые тогда еще не имели самостоятельного понятия об иерархии и, кто их ни сек, — одинаково ногами перебирали».

Вот это вот «ногами перебирали» забавно смягчает ситуацию ритуального административного сечения. Это английская стилистическая традиция столь свойственная, например, Диккенсу.

Если в «Левше» Лесков на уровне сюжета столкнул русского гения с английскими реалиями, в «Очарованном страннике» попытался показать типичного русского богатыря в степи, среди «азиатчины», то его попытка найти русского праведника привела к тому, что он обратился к стилистической традиции английской литературы. И не на уровне сюжета, а на уровне стилистики. Генетически Одnodум и классические английские эксцентрики от Стерна до Диккенса очень близки друг другу.

Все-таки культура — это не колонна, которая базой опирается на стилобат и на нем покоится, без него не стоит. Культура — это «корневище»

(*φp. rhizome*), и корни упорно тянутся туда, где находят для себя питание, а это там, где плодятся смыслы, где происходит семиозис, а, как известно, самые плодородные места, порождающие значения, — это границы, в данном случае границы культуры. Идеологически, на уровне самоописания, культура пытается выделить себя, определить свою идентичность через, например, евразийство, обозначить границы, а корни этой культуры границы игнорируют, стирают их, создавая единое культурное пространство. Любые идеологические границы нужны, чтобы культура их игнорировала и в этом творческом игнорировании порождала и смыслы, и самое себя.

Библиографический список

1. Лесков Н. С. Одному // Собр. соч.: в 12 т. Т. 2. М.: Правда, 1989.
2. Мирский Д. С. Лесков // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / пер. с англ. Р. Зерновой. Л.: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992.
3. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

А. В. Романов

Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Евразийство: границы и парадигмы религиозной нравственности

В рамках натуралистического подхода представлен анализ границ агрессии и толерантности, религиозной нравственности в рамках различных парадигм индивидуальной религиозности: дефицитарной (языческой), авторитарной, бюрократической, религиозности закона, святости (бытийной).

Ключевые слова: индивидуальная религиозность; дефицитарная религиозность; авторитарная религиозность; бюрократическая религиозность; религиозность закона; религиозная святость; нравственность; невроз; агрессия.

На фоне стагнации науки и образования по России бродит призрак «религиозной духовности и нравственности». Для идеологии евразийства характерна архаичная и предельно общая установка отождествления «ценностей религии» с основанием политических, духовных и моральных ценностей. Российские политики, чиновники, церковные идеологи утверждают, что причина большинства отечественных бед кроется в нашей безнравственности — россиян, но не чиновничества и церкви. Утверждается необходимость проведения «православной экспертизы» как экономических, так и политических проектов. Религия отождествляется с пассионарными — «жизненно-энергетическими», субъективно-волюнтаристскими — силами истории. Вера в Бога представляется в качестве

связи со всемогущим Богом. В этом структура мышления идеологов евразийства, церковных иерархов и российского чиновничества отличается незавидным единодушием. Актуализация неверифицируемой метафизической «культуры», «истинной религиозности» призвана компенсировать избыточное следование евразийским сообществом западной модели в развитии вполне верифицируемых форм техногенной цивилизации и ее технологий (с откровенным на этом поприще отставанием).

Понятия «вера», «мораль», как и большинство иных философских и религиозных категорий вне конкретного значения, отличаются неопределенностью. Все знают, что такое «религия» и «нравственность», — кроме религиоведов и этиков. Формула «религия есть основа нравственности» остается туманной внеэкспертной метафорой, требующей как демифологизации, так и деконструкции, устраняющих абсолютность и сакральность религии и образа Бога.

Согласно ряду последних исследований (излишне эмпирически подтверждающих классическую максиму о производности религии от чувства бессилия и страха), наиболее религиозные общества — малоэффективны, наименее благополучны и стабильны, в них процент бедняков наибольший, сильнее проявляются тревожность населения и поляризация в уровнях дохода [24]. Утверждение религии в качестве основы процветания общества остается идеологической мифологемой. Чем опаснее на улицах и чем выше в стране степень коррупции, отмечает британский исследователь Г. Рис, тем выше уровень набожности граждан [17]. Последние исследования компании Gallup: сильнее набожность населения — ниже уровень жизни, и наоборот (индекс религиозности Бурунди, Джибути — 98%, Дании и Швеции — 19–17%).

Мораль возникает в качестве средства устранения межличностных противоречий, достижения гармонии и блага как в обществе, так и в душе отдельного человека. Мораль призвана устранять конфликты потребностей различных людей и конфликты влечений в одном человеке. Мораль — форма адаптации и саморегуляции общества. Этика не относится к точным наукам. Насколько этика призвана к осуществлению идеи блага, настолько она телеологична. Потребность в ней и ее основания вполне посторононни, социальны, подчиняются естественным законам и не требуют для ее объяснения умножения без нужды трансцендентных сущностей (ни в виде образа «зеленых человечков», ни в виде Бога). Если уж в соответствии с научным, натуралистическим подходом существование религии не зависит от объективного бытия Бога, то существование нравственности — тем более.

В религии как нигде порча лучшего порождает худшее. Христос на горе Илионской проповедует о любви к врагам, христианский же священник

зачастую возвещает: суть христианства — в заповеди «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет». Иисус из Назарета пришел в мир с призывом к духовной свободе, для большинства же религиозность сводится к авторитарности, покорности перед идеологией и властью, а свобода совести отождествляется с угрозой государственности.

Кроме сострадания в основе человеческой мотивации заключены недоверие и агрессия. Религия может приносить как пользу, так и вред. «Безнравственность во все времена находила в религии не меньшую опору, чем нравственность», — отмечает З. Фрейд [19, с. 126]. По мере неудовлетворенности первичных потребностей уровень агрессии возрастает, проявляясь порой в религиозных формах. Любая религия соткана из двух категорий — братства и нетерпимости [12, с. 174].

Религия в феноменологическо-психоаналитической парадигме есть индивидуальный или всеобщий для всех невроз навязчивых состояний (страха, тревоги, комплексов вины), порождаемый фрустрированностью базовых потребностей. Навязчивые действия отождествляются с религиозными ритуалами. Индивид исходит из реальности не объективной, а «фантастической», проективной. Объективно неадекватная — гносеологически и нравственно — невротическая реальность в религии выступает основой для выстраивания отношений между людьми. Религия не является гарантией «правильного» поведения. Сакрализация таких исторических фигур, как Иван IV Грозный, Николай II, Г. Распутин-Новых, лишней раз подчеркивает противоположность между предметом исторической науки и предметом веры. Усиление фрустрации обостряет установку на воздаяние свыше и наличие «высшей справедливости». Проявляясь в виде системы психологических защит, религия усиливает неврозы. Она устраняется по мере искоренения инфантилизма, разрешения социальных проблем и обретения чувства уверенности.

Ради осуществления своей фрустрированной потребности невротик характеризуется крайними формами ригидности. И если он проявляет жестокость, то эта жестокость абсолютно лишена сомнения и милосердия. Только человеческое безумие приближает нас к мудрости перед Богом (1 Кор. 3:18). Ф. Ницше: «Священник учит противоестественному». Бог потребовал, чтобы в жертву ему библейский Авраам принес возлюбленного сына своего Исаака. Цель «отца веры» Авраама в рамках абсурдной веры, вспоминая Кьеркегора, — отречься от конечного ради вечного, преодоление границ этического. В соответствии с «верой» и «божьей волей», осуществляя парадигму экстремизма, Авраам совершает деяние абсолютно асоциальное, абсурдное и предельно аморальное. Границы религиозной морали гораздо шире морали мирской. И там, где светскому человеку бывает стыдно, неудобно, религиозная личность не испытывает

и тени смущения (обман и убийство «неверного», увольнение с работы «инославного», мародерство, погромы художественных выставок, уничтожение артефактов великих цивилизаций).

«Религиозная нравственность» абсолютна, «божественна» по форме и ограничена по своему человеческому содержанию. У нас, по замечанию В. С. Соловьева, честные люди встречаются реже, чем святые. Не может быть святой религия — в поле политической ангажированности и безнравственности ее служителей.

Неврозы бессознательны, фатальность их действия воспринимается и как «сокрытость воли Всевышнего», и как «необходимость верить в Бога». Религия слишком часто является формой эскапизма — средством ухода от фрустрирующей социальной реальности.

Самая инвариантная идея в религиоведении: религия детерминирована состоянием бессилия и чувством страха (Ф. Шлейермахер). Религия, согласно бихевиоризму, выполняет функцию управления обществом и регуляции поведения индивида. Прагматизм: человек религиозен не из-за того, что Бог существует объективно, а в силу того, что вера в Бога приносит удовлетворение. В аналитической психологии К. Г. Юнга религиозные образы определяются архетипами — структурами родового опыта. (Ни о какой религиозной «духовности» и «нравственности» речь как-то не заходит.)

Религия — символическая форма аксиологии и порождается чувством недостаточности предельно для человека значимого. По мере возрастания своей значимости ценности, сакрализируясь, становятся атрибутами Бога. Неосуществленность ценностей воспринимается в качестве критерия богооставленности мира. Предельные ценности священны. Священное окружает и наполняет нас. «Вера, — отмечает П. Тиллих, — это состояние предельной заинтересованности» [17, с. 133]. Бог жестоких людей, олицетворяя удовлетворение их желаний, кровожаден и аморален. (Каков Бог у творящих мерзости представителей Исламского государства?)

Религия и этика есть формы ценностного сознания, что облегчает их отождествление. Конфликты этических традиций принимают форму религиозную. Не религия оказывает влияние на моральные принципы, но возникшие в обществе естественным образом моральные максимы по мере возрастания их значимости абсолютизируются и становятся «божественными нормами». «Святость брака» определяется не «божественной нормой», а его важностью для общества и брачующихся. Нравственность — одна из ценностей человека, к которой он стремится. И насколько она значима, настолько нравственность «божественна».

И деструктивные, злые страсти, насколько человек заинтересован в их проявлении, соединяют его со священным. Что значимо, то и божественно,

сакрально. Для российских «теистических» нуворишей божественны деньги, а не нравственность, и второе мешает достижению первого. Формирование имиджа «духовно-нравственного» индивида — эффективное средство в получении сакральных денежных средств. (Самая ныне распространенная в России религия «Деньги есть Бог».)

Индивидуальная религиозность «многообразна». «Религиозность» есть личностная проекция объективированных, существующих в виде текстов, символов, Писания конфессиональных форм религии в восприятии индивида или группы. В мире наблюдается процесс персонализации религиозности, отхода от универсальных систем (В. Франкл). Многие ментальные проблемы, в частности неврозы навязчивых состояний, тяготеют к религиозной форме проявления. Миф и религия есть символически спроецированная во внешний мир психология, феноменология. Религиозная личность являет собой единство парциальных субличностей, структуру религиозных черт. Выделяются основные типы индивидуальной религиозности: религиозность закона, авторитарная, традиционная, гуманистическая, духа, мистическая, святости (см.: [15]).

Этика дефицитарной религиозности. В основе дефицитарной (языческой) религиозности — мотивация, определенная стремлением к обладанию, удовлетворению витальных (в пирамиде Маслоу) потребностей, фрустрированностью таких потребностей, как сытость, стремление к карьере, власти, деньгам, здоровью. Люди и сам Бог выступают средством для их удовлетворения. Язычество есть форма фиксации и сакрализации первичных потребностей, метафорически выражающаяся в образе «масляных щек». В его парадигме удовольствие как удовлетворение его, витальных стремлений есть добро и благо. Примером может служить так называемая «готтентотская», «людоедская» мораль: «Что такое плохо? — Это когда мой сосед побьет меня, угонит мой скот, похитит мою жену. — Что такое хорошо? — Это когда я побью моего соседа, угоню его скот, украду его жену». Из того же ряда: зло — это когда большинство не платит налоги; благо — это когда мое содержание обильно финансируется из госбюджета, и ни я, ни моя религиозная организация не платят налоги. Эгоцентрическая ориентация на ценности обладания и «воли к власти», стяжательская установка характеризует не только отдельных верующих, но и традиционные церкви. Осуществляется жизненная установка человека, называемая таким «единоросским» философом, как И. А. Ильин, «религиозным аутизмом», когда человек считает себя, свои потребности, предпочтения мерилom ценности. Ее представляют эгоцентрики, честолюбцы, карьеристы и корыстолюбцы от религии. В этой модальности «люди „веруют“ как алчные просители, ждут от Бога всяческого содействия их пользам и вожделениям» [9, с. 229]. Материальное, финансовое

преуспевание религиозных иерархов, в данной парадигме выступающее атрибутом Бога, делает риторическим вопрос: что является целью, а что средством — власть и деньги или «религиозное служение»? К Богу обращается как святой, так и преступник: «Добрый вор без молитвы не украдет».

То, чем обладаем мы, обладает нами. Недостаточность в детстве опыта безопасности, удовлетворенности материальными благами в дальнейшем ведет к невротической фиксации внимания на вопросах власти, коммерции, денег. Эго, Я — извечное препятствие на пути самоактуализации личности, «спасения души». Тенденция к дефицитарной парадигме «религиозной нравственности» возрастает в периоды социально-экономических кризисов. По мере стяжания избыточного материального, финансового капитала церковь теряет моральный авторитет. Современная российская клерикализация общества совмещается с возрастанием языческой мотивации во внешне «монотеистических», «духовных» формах.

При столкновении интересов религиозных групп в сфере обладания недвижимостью, госбюджетными средствами декларативная любовь проявляется в форме неэтичных действий, инструментальной агрессии (когда причинение вреда выступает средством достижения внешней цели). Для выживания и обладания ресурсами одна религиозная группа должна подавлять другую религиозную группу [4, с. 36]. Формируются религиозные группы, погромствующие не только светских «кошунников» из художественной и интеллектуальной среды, но и представителей других конфессий. Межконфессиональные отношения воплощают принцип (так формально нелюбимого) дарвинизма — борьбы за существование.

Регрессия общества от высших к витальным потребностям означает активизацию более ранних форм религиозности. Мотивационно большинство россиян — язычники, монофизиты, независимо от формы конфессиональной идентичности. Остается актуальной тема средневековых европейских диссертаций: «Являются ли москвитяне христианами?» Для современной России характерен «двойственный полуязыческий и полухристианский строй понятий и жизни» (В. С. Соловьев) [16, с. 344].

Этика авторитарной религиозности. Авторитарная религиозность в качестве одного из типов индивидуальной религиозности определяется, как отмечает Э. Фромм, стремлением человека к самоуничтожению и подчинению власти. Некоторые люди решение проблем ищут в религии — чтобы избежать мучительных сомнений и в поисках защиты, что является симптомом нервного заболевания. Добродетель такой религии — послушание, грех — неповиновение. Повинуясь Богу как власти, человек избегает стресса, обретает чувство опоры — жертвуя индивидуальностью [20, с. 222–246]. Политическая власть обожествляется.

В подчинении авторитету 63% испытуемых склонны использовать изуверские методы в отношении «чужих» [12, с. 23–46]. Максима «да любите друг друга» распространяется только на «своих». Другие конфессии рассматриваются как угроза человеческому спасению [13, с. 177]. Бог демонизируется: становится символом национализма, подавления инакомыслия, борьбы с «инославием». Представители иных конфессий также демонизируются, «аморализируются». У авторитарной личности любовь к Богу изгоняет из нее человеческую любовь [7, с. 333]. Ее характеризует невосприимчивость к чувствам окружающих; чрезмерный морализм — реактивное формирование, скрывающее деструктивные импульсы; страх перед «чужими» — проекция собственных враждебных побуждений; обвинение других в аморальности — проекция собственного чувства вины» [14, с. 158]. «Религия любви», отмечает З. Фрейд, проявляет жестокость к тем, кто к ней не принадлежит [19, с. 127]. Избыточное доверие авторитету (вспомним «идолов театра» Ф. Бэкона) в зависимости от воли «харизматического лидера» и проецируемых ею сакрализованных норм закона порождает как нравственное, так и аморальное поведение.

Фанатизм — наиболее ригидная форма авторитаризма. Для фанатика субстанционально не добро, но зло в качестве основы мотивации «инославия». Ему понятна идея не самопожертвования, но принесения другого в жертву.

Авторитарная религиозность нивелирует индивидуальные ответственность и чувство вины (греховности), определяя готовность к внеэтическим и агрессивным проявлениям в отношении к «инославному».

Церковность, реализуемая в русле традиционализма, остается опорой конформизма. Традиционализм, предполагающий отсутствие личной «пережитой веры», отождествляется с этноцентризмом. Этноцентризм, характеризующийся циничным отношением к иным нациям, есть национализм (как преддверие фашизма).

Институционализованная религиозность вполне может соединяться с фашистской ментальностью (примеры истории Испании, Италии, Германии). Т. Адорно выделяет признаки индивидуального (и религиозного) фашизма — это склонность к погромам «святотатцев», склонность к предрассудкам, тоталитарным отношениям, нескритичность, стереотипность мышления, конформизм, обожествление лидера, любовь к иерархичности, агрессия к «инославному», «сакрализация крови» (обожествление предков), скрытые комплексы неполноценности, отказ от собственного мнения, антидемократизм, разыгрывание «молодежной карты», боязнь «высоколобой» культуры, агрессия в отношении иных наций, «вера во власть», коллективный идеал вождя, общая этноцентрическая и псевдоконсервативная идеология [1].

В рамках *этики религиозности закона* отношение к Богу определяется послушанием и следованием Закону. Грехом является нарушение заповеди Бога, воплощенной в нормах Закона (Быт. 2:17). Религия закона, отмечается Кьеркегором и Бубером, порождает страх, тревогу, чувство вины и собственной греховности — «fear and trembling» (1 Кор. 2:3). Человек предвкушает те наказания, которыми его подвергнет Судия. Таковая религиозность, отмечает Фрейд, в качестве системы запретов и норм проецируется на уровне Супер-Эго. Обуздывая человека, религия защищает его от собственных влечений, которые, не удовлетворяясь, вытесняются в бессознательное. Давление Сверх-Я, определяя чувство страха и греховности, составляет основу неврозов (З. Фрейд, К. Хорни).

Комплекс вины определяет боязнь собственного разоблачения другими людьми. Позиция невротика — не доверять всему, особенно своим чувствам [14, с. 247]. Комплекс греховности делает основным атрибутом Бога — совесть, жесткость моральных норм в различении добра и зла. Бог предстает как наказующий Судия. Подобного рода верующий не часто посещает церковь, «верит в Писание», но плохо его знает. Ожесточенность в добродетели проецирует тайную боязнь собственного неверия и безнравственности.

Религиозность закона характеризуется концепцией борьбы со страстями, которые связывают человека с миром. Полагается, что «невидимая брань», «большой джихад» ведут к спасению. Аскетизму Бог видится суровым, осуждающим, враждебным.

Поддаваемые «греховные» интенции — сексуальность, агрессия, вытесняемые в бессознательное, требуя разрядки, ведут к деструкции психики. «Набожность является маской при всех видах жестокости» (В. Джемс) [8, с. 273].

Согласно норме джихада, «правильная вера» — путем обмана или войн — должна распространиться на весь мир. Религия закона ограничивает формы деструкции, моделируя Царствие Божие в коммуникации, тем самым усиливая потенциал агрессии. Агрессивное отношение к миру символически проявляется в ритуалах омовения [21, с. 70], в подчеркивании собственной предопределенности к спасению, абсолютной святости и нравственности. Подобного рода верующий видит в других то, что боится признать в себе и проецирует на окружающих людей. Уязвленный своей низостью, таковой верующий мстит — и себе, и другим, и Богу [9, с. 227–228]. Боязнь собственного чувства вины проецируется в борьбе с еретиками, врагами «истинной веры».

Так, антисемитизм традиционно укоренен в историческом христианстве. На евреев проецировался «теневого» образ нечистой силы. «Иконографический» образ Сатаны традиционно наделен еврейскими чертами.

Крещеным евреям за приготовление мацы, посещение еврейской свадьбы полагалась смертная казнь. Меч крестоносцев символизировал христианский крест. Изогнутый арабский меч — полумесяц ислама. Крест отождествляется с орудием убийства. Во время пыток святой инквизиции распятие закрывалось вуалью — «чтобы Христос не видел». Если соседи не доносили на «заблудших», на них ложилась вина еретиков. Аутодафе представлялось как благо и форма спасения. Пытки полагались законными и этичными.

Само «религиозно-нравственное» поведение выступает формой бихевиорального, оперантного поведения, стимулом которого являются его последствия в виде ожидаемого посмертного воздаяния. Ходивший в морозные зимы лишь в набедренной повязке, Василий Блаженный любил говаривать: «Если люта зима, то сладок рай».

В рамках кармической установки («имманентного падения ради трансцендентного взлета», по К. Юнгу) мы склонны любую потерю воспринимать в качестве формы жертвоприношения, страдание — формы самонаказания, основы «духовности» и «нравственности», преддверия удовлетворения в Царстве Божием.

В состоянии греха, несомоактуализированности личности человек, подчеркивает Н. А. Бердяев, вынужден следовать моральной норме, табу, запретам, закону. Обязательная нравственность, этика закона есть отрицание свободы, нравственности, предполагает наличие религиозного страха, ведет к фарисейству, фанатизму, лицемерию, ханжеству. Это этика ветхозаветного Бога Отца [3, с. 85–99].

Этика бюрократической религиозности. В многообразии типов индивидуальной религиозности (см.: [15]) выделяются бюрократические ее формы. Историческая религиозность приспособлена к политическим идеологемам. Бюрократическая религиозность рациональна, лишена ориентации на посмертное спасение души и сферу трансцендентного. Основания этики полагаются сугубо имманентными, определяемыми функционированием социальной системы. В структуре личности абсолютизируется роль Супер-Эго и Персоны. Образ Бога, подавляя деструктивные интенции психики, призван определять нравственность человека. Индивидууму следует жить, «как будто» Бог существует, потому что это принуждает его к более нравственному образу жизни, для гармонизации социальных отношений (Вольтер и другие философы-«просветители», Джемс).

За отклонения от религиозных заповедей, тождественных социальным нормам, предполагается наказание. Старая шутка: «Истинная религия та, на чьей стороне царь и палач». Спасение отождествляется с социальным консерватизмом, устранением государственного хаоса, соблюдением

архаичных норм, подчинением власти — политической и клерикальной. Государственная церковь, отождествляемая с бюрократической структурой, призвана служить государственному порядку, выступающему главным атрибутом Бога, являться оплотом морали.

В монофизитской парадигме христианства Бог может быть только царем (а правитель — Богом). Принципы социального неравенства, отношений власти и подчинения полагаются данными «свыше». «Утвержденная парткомом» религия под руководством доминирующей партии определяет важнейшие дела повседневной жизни. Церковь становится идеологической подструктурой политической системы (при этом евангельский Бог Сын изолируется от атрибута всемогущества, прежде всего политического).

Вслед за Э. Фроммом многие аналитики (П. Тиллих, Х. Кокс, Д. В. Пивоваров) выделяют «светскую», **«внетейстическую» парадигму религиозности**. Патриотизм, атеизм, коммунизм, марксизм, фашизм — признанные формы «квазирелигии». Чуть перефразируя В. С. Черномырдина — у нас какую партию или религию ни создай, все КПСС получается. Советское «атеистическое» воспитание было формой воспитания религиозного. «Моральный кодекс строителя коммунизма», проецируя постулаты Евангелия, учит не злу, а добру.

Копируя методы иезуитско-большевистской ортодоксии, церковь также стремится слиться с бюрократическими структурами, «занимать» банки, редакции СМИ, Интернет, переименовывать улицы, сносить «сатанинские» памятники, сотворять «новую» мораль и, внедряясь в систему образования, создавать нового человека.

Церковная динамика подчиняется интересам бюрократии. Священник становится чиновником. Религия отвечает за «духовно-нравственное воспитание». Религия бюрократии, по замечанию М. Вебера, является носителем идеала дисциплины и порядка. Бюрократия, презирая религию, «вынуждена официально проявлять уважение к церковной религии, чтобы сохранить власть над массами» [5, с. 171].

Взаимоотношения бюрократии и религии — на фоне внешней взаимной сакрализации — с обеих сторон носят деловой, прагматический характер. «Единая Россия» провозглашает: нравственной основой модернизации в стране должно быть православие. (Нетрудно предсказать встречное «богооткровенное» алаверды — какая же движущая сила должна быть политической основой модернизации?)

Религия архетипически остается идеологической основой системы эксплуатации. В России дореволюционные владельцы уральских заводов пеклись о благочестии и нравственности своих работников: тех мастеровых, кто пропускать святое причастие, по их приказу подвергали «весьма

суровому телесному наказанию» [23, с. 136]. Эксплуатация есть процесс, обратный евангельскому боговоплощению. Несущая печать вырождения, религиозная пошлость определяется И. А. Ильиным как «религия, ставшая орудием земной власти, наживы и обмана» [10, с. 210]. Выполняя государственно-идеологические функции, церковь призвана ослаблять межклассовые конфликты. Евангельский призыв «Иди и продай все, что имеешь» (Мк. 10:21) в отношении институциональной религиозности представляется весьма неуместным. По мере усиления внутри церкви иосифлянской, стяжательской тенденции он теряет моральный авторитет. Взаимовыгодная «симфония» церкви и государства воплощается с первой секунды принятия христианства на Руси. Компромиссное, сословное, коррупционное, сакрализирующее политическую власть христианство есть ересь павлианства и сергианства. Не политический режим трансформируется в христианский, а «христианство» становится политизированным и олигархическим. Оно соответствует не Евангелию и Христу, а образу Бога Отца и Ветхому Завету. Господь так и не сподвиг Россию к гуманному, евангельскому христианству. В России, отмечает Л. А. Андреева, так и не произошло смещение акцентов в восприятии христианства «от бога Яхве к богу любви и сострадания Иисусу Христу» [2, с. 162].

Превращение религии в форму идеологии делает ее фактором все более конфликтогенным: участие религии в политике снижает значение светских юридических и моральных норм, ставит поведение человека в зависимость от «высшей силы», воля которой интерпретируется произвольно.

Современная Россия движется по пути теократизации — в противовес странам Европы и большинству азиатских государств, развивающихся в русле секуляризации. Как несколько лет назад заметил министр финансов Австралии П. Костелло, некоторых радикальных исламистов, возможно, попросят покинуть страну, если они не в состоянии понять, что Австралия — светское государство. «Если это не ваши ценности, если вы хотите жить в государстве, в котором господствует шариат или теократия, то Австралия не для вас». Российский политистеблишмент ориентирован прямо противоположным образом. На путях построения теократии Россия движется к менее цивилизованным, более примитивным моделям экономики, социальных отношений и морали.

Этика религиозности святости. Чувство священного как форма сверхзначимого не является исключительно религиозным чувством. Святой — служитель предельным ценностям. Поэтому, по замечанию Игоря Губермана, святые — библиотекари и медсестры. Святые — сельские учителя. Они несут подвиг служения ценностям Просвещения. И не могут быть святыми бизнесмены от религии. Святость характеризуется

отсутствием конфессиональной агрессии, космополитизмом, толерантностью в отношении любой культуры, внеконфессионализмом. Данная форма бытийной религиозности проецируется в осознании абсолютной ценности (и святости) Другого без стремления его (в том числе Бога) использовать. Нравственное поведение определяется принципом ахимсы, благоговения перед жизнью, восприятием святости мира и богочеловечности конкретного человека. Нравственность становится формой свободы, а не внешних запретов и оперантного поведения, формой получения удовольствия, а не страданий. Добродетель становится более первичной потребностью, чем витальные — в пище, жилье, деньгах. В акте любви святой делает то, что «хочет Бог». «Воля Бога» перестает быть манипуляцией и насилием над человеком. Любовь (принятие), отождествляемая с «Богом», становится субстанцией мотивации человека. Святой перестает осознавать самого себя, превращаясь в воплощение универсальной нравственности. Деятельность его отождествляется со служением. Он бесконечно заботится об окружающих. Архат, или святой, «не имеет чувства „Я“, поэтому, — отмечает Д. Голмен, — его действия всецело функциональны и предпринимаются либо для поддержания своего тела, либо для блага других» [6, с. 57]. Святой не отождествляет себя ни с телом, ни с эго. Его внеэгоцентричность и бескорыстие уподобляются материнской любви ко всем созданиям (Быт. 1:25). Материнская любовь, по Э. Фромму, безусловна, не определяется поведением человека, всему покровительствует, все укрывает, ею нельзя управлять, ее нельзя завоевать. Бог любит человека потому, что он есть, а не потому что «хороший» и исполняет Его требования [22, с. 144–145].

Не чувствующий своего греха, любил повторять М. Лютер, не христианин, но антихрист. По мере возрастания индивидуальной святости и нравственности усиливается чувство собственной греховности и аморализма. Вспоминая Паскаля, мы можем сказать, что люди делятся на святых, которые считают себя грешниками, и грешников, почитающих себя праведниками, «истинно верующими», «святейшими». Святые же полагают себя «богохульниками», «прелюбодеями», «первыми грешниками». Концепция «мудрого незнания» (Сократа и Кузанца) отражается в установке «аморальной нравственности»: нравственные субъекты собственную моральность по определению утверждать не могут. Излишне напоминать, что ни Будда, ни Мохаммед, ни Христос не были аскетами. Нравственности свойствен аскетизм, но аскетизм не тождествен нравственности.

Самоотречение, самопожертвование ради блага ближнего (и дальнего) есть предельное благо для человека, пишут Н. Мерфи и Дж. Эллис [11, с. 140]. Кенозис есть самоотречение, предполагающее отсутствие ожидания воздаяния, прощение прошлому и будущему, долгов людям.

Кенозис есть дистанцирование от кармической установки, принятие цинизма, агрессии окружающих и собственной смерти как блага. Кенотическая этика определяет мотивацию святости (и наоборот). Кенозис — ограничение божественных атрибутов Христа для принятия черт человека. Есть готовность к страданию и принесению себя в жертву [11, с. 182]. В результате постоянства данных действий меняются установки, убеждения, «верования» оппонентов. Это более процесс психологического влияния, заражения и менее — интеллектуального воздействия. Кенотическая установка отражает природу личности Христа.

Изобилие так называемых нравственных проблем, замечает А. Маслоу, вызвано недостатком базового приятия действительности, базовой неудовлетворенностью. В рамках самоактуализационного принятия жизни «религиозные» проблемы становятся несущественными. Человек понимает, что проблема ношения брюк, головных уборов в храме, потребления мяса в определенные дни и пр. несущественна и порождается сознанием неактуализированной личности. Склонность задаваться «моральными» и «религиозными вопросами», по замечанию А. Маслоу, есть форма психопатологии среднестатистического человека. То, что для него воспринимается в качестве мучительного выбора, «для самоактуализированного человека даже не вопрос, и он управляется с этим так же легко, как с выбором танцевать или не танцевать» [10, с. 244–256]. По мере самоактуализации личности первичный эгоцентризм сменяется принятием, милосердием, агаре, karuna, любовью к ближнему (и дальнему), что составляет персоналистическую основу «спасения».

Мораль, если вспомнить И. Канта, может быть только безусловной, трансцендентальной, опираться на «автономию человеческого духа». Быть хорошим ради чего-то — создания позитивного имиджа в фирме или достижения вечного блаженства — есть форма безнравственности. Нравственность не может быть средством достижения внешней цели — счастья, пользы. Если человек ведет себя добродетельно из страха перед Богом, то такое поведение не может быть нравственным. Моральное поведение — ради него самого. Нравственные нормы, подобно аксиомам геометрии Эвклида, не нуждаются в доказательствах, они носят «врожденный» характер. Нравственность свободна, она не может быть следствием табу, запрета, сакрального закона. «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 27-28). Человек — абсолютная, сакральная цель, он не может быть средством достижения внешней цели. Дефицитарная, авторитарная, нормативная, «оперантная», ориентированная на «страх божий» и трансцендентное воздаяние церковная вера проецирует весьма эмбриональные формы нравственности. Большинство называющих себя «христианами» — не носители христианской морали.

Мораль определяется не откровением, а воспитанием в здоровой семье и самоактуализацией личности. Засилие церковной этики слишком часто ведет к агрессии, лицемерию и фальши. И только несоакуализованная, вне должного воспитания личность может в заповедях «не кради», «не убивай», «уважай родителей», «готовься к занятиям» увидеть божественные, трансцендентные истоки.

Историческая религиозность несет не только добро, но и зло. Догматически провозглашая божественный атрибут всеединства и претендуя на абсолютную нравственность, она слишком часто проецируют разделенность между людьми, агрессию и аморализм.

В воззваниях о византийской суверенности российского пути (мы не отсталые, но оригинальные и духовные), которая, по замечанию П. Я. Чаадаева, на столетия изолировала Русь от всего мира, слишком явно видится апология неэффективного менеджмента и коррупционной системы. Евразийская идеология как тоталитарная модификация славянофильства есть форма созидания Нового Средневековья: замена Логоса — Мифом, науки — религией, укрепление жреческого страта, сакрализация неадекватности в политическом и экономическом менеджменте.

Оставаясь человеком, необходимо жить не только на фоне авторитарно-инфантильного тезиса «как будто Бог есть», но и на фоне более взрослого и трагичного суждения «как будто Бога нет».

Библиографический список

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001.
2. Андреева Л. А. Религия и власть. М.: ЭКСМО, 2001.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993.
4. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2001.
5. Вебер М. Религия и социальный статус // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии: в 2 ч. / сост.: В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996.
6. Голмен Д. Многообразие медитативного опыта. Киев: София, 1993.
7. Джемс В. Многообразие религиозного опыта. М., 1910.
8. Джемс В. Многообразие религиозного опыта. Репринт. изд. СПб.: Изд-во «Андреев и сыновья», 1992.
9. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. М.: ТОО РАРОГЪ, 1993.
10. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
11. Мерфи Н., Эллис Дж. О нравственной природе вселенной: богословие, космология и этика. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004.
12. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000.
13. Оллпорт Г. В. Личность в психологии. М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1998.
14. Райх В. Анализ личности. М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1999.

15. Романов А. В. Вера и религиозность. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2004.
16. Соловьев В. С. О причинах упадка средневекового мирозерцания // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989.
17. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995.
18. Тимошенко А. Религия затормозила развитие США. URL: <http://religions.unian.ua/religionsworld/261651-religiya-zatormozila-razvitie-ssha.html>.
19. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Преступная толпа. М.: Ин-т психологии РАН, КСП+, 1998.
20. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
21. Фромм Э. Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992.
22. Фромм Э. Искусство любить // Душа человека. М.: Республика, 1992.
23. Чумаков А. Н. и др. Малахитовая провинция: культурно-исторические очерки. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001.
24. Paul G. The Chronic Dependence of Popular Religiosity upon Dysfunctional Psychosociological Conditions // Evolutionary Psychology. 2009. Vol. 7(3).

Т. В. Рыбченко, А. В. Саранульцева
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Семья — основа духовности человека

В основу статьи положено представление о семье как важнейшем институте социализации личности, трансляторе фундаментальных ценностей от поколения к поколению, регуляторе поведения, поступков, взаимодействия людей в семейно-брачной сфере, месте формирования ценностных установок и ориентаций личности. Авторы затрагивают проблему семьи в России, иллюстрируя ее результатами исследования ценностных ориентаций в сфере семьи и брака обучающихся в УрГЭУ. Трансформация семьи в современных условиях, появление новых ее форм, нормативные представления обучающихся о должном и нужном количестве детей, распределении ролей в семье нашли отражение в результатах исследования. На основании западных и российских тенденций эволюции семьи авторами делается прогноз относительно перспектив существования семьи в обозримом будущем.

Ключевые слова: семья; брак; духовность; молодая семья; социализация.

Семья — первичное лоно человеческой культуры.

И. А. Ильин

Семья играет огромную роль в жизни как отдельного человека, так и всего общества. Безусловно, именно семья является такой уникальной социальной группой, в которой неразрывно соединены биологическое и социальное, экономическое и духовное. Семья — важнейший институт социализации личности, транслятор фундаментальных ценностей от поколения к поколению: именно в рамках семьи прежде всего происходит передача нравственных, культурных, этнических ценностей, формируются

ценностные установки и ориентации человека. Семья занимает значительное место в иерархии жизненных ценностей человека. Семья оказывает влияние на все сферы общественной жизни, развивается и изменяется вместе с обществом, определяется общественно-экономическими, историческими, религиозными, национальными особенностями.

Каждый из нас остается в течение всей своей жизни духовным представителем своей отечески-материнской семьи, как бы живым символом ее семейного духа. Семья выступает основой духовности каждого человека. Духовность — это показатель существования определенной иерархии ценностей, целей, смыслов. Духовность — это проблема жизнотворчества. Понимание феномена духовности в культурно-антропологическом контексте акцентирует внимание прежде всего на ценностях, мотивирующих поведение человека, на внутренней жизни человека, его интерсубъективности. Это связано с ответом на вопрос, как человек решает смысложизненные проблемы в системе вечных вопросов существования, на основании каких ценностей он строит свою жизнь. При решении этих проблем осуществляется духовное восхождение личности, обретение духовности.

Структура системы формирования семейных ценностей может рассматриваться с различных позиций в разные периоды существования семьи или на этапе ее построения: ценностные ориентации добрачного и предбрачного периодов, выбор брачного партнера, выбор форм семейно-брачных отношений, репродуктивные ценности, связанные с рождением и воспитанием детей, супружеские отношения и т. д. Очевидно, что система семейных ценностей зависима в том числе и от исторического момента: например, трудно отрицать, что за годы существования советской власти была практически уничтожена память об отеческой вере, основной удар был нанесен по семье, ее основам. Предполагалось, что всю социализацию ребенка в нужном направлении должно осуществлять государство. В это время было уничтожено дворянство, купечество, духовенство и крестьянство, считавшие основами своего существования традиционные христианские ценности (веру, продолжение рода, семейные узы и связи, уважение к старшим и пр.). «Ударили» по семье и «лихие 90-е»: в этот период на смену советской идеологии пришли идеалы дикого капитализма, слепой наживы и безответственности. Нужно учитывать также, что на особенности бытия семьи и в семье сегодня в России влияют и общемировые тенденции, зародившиеся в развитых странах.

Французский демограф Л. Руссель считает, что любовь, чувство страсти, сердечные клятвы, высокая готовность к страданиям вряд ли будут свойственны будущим поколениям. Эти чувства будут сопровождаться сдержанностью и опасениями. Человек будет любить, но умеренно. Поэтому в качестве идеальной формы семьи он называет «семью-клуб»

(la famille-club). В такой семье супруги не претендуют на великую любовь, а ищут доброго согласия. Ребенок в такой семье воспринимается как партнер. Это приведет к отождествлению законного брака и свободного союза. Институциональные аспекты брака станут менее значимы.

До недавнего времени, как мы помним, в нашей стране практически единственной формой существования брака был официально зарегистрированный брак. Сегодня во всем мире большое распространение получили неофициальные супружеские союзы. Их называют по-разному: пробный брак, сожитительство, консенсуальный брак и т. д. Такой брак берет свое начало в римском праве под названием «конкубинат». Ему присущи признаки, свойственные официальному брачному союзу: легальность, продолжительность, совместное ведение хозяйства, забота о потомстве, возможность содержания одного члена конкубината другим. Такой незарегистрированный брак считается довольно распространенным явлением в России. Порой такой брак называется «гражданским», что не вполне правильно. Понятие гражданского брака, в противовес браку церковному, обозначает брачные отношения, зарегистрированные в государственных органах. Понятие гражданского брака возникло в Нидерландах в XVI веке в связи с проблемой регистрации граждан разного вероисповедания. Люди были готовы заключать браки с иноверцами, но церкви их не регистрировали. Затем практика гражданских браков стала популярной среди атеистов прогрессивной молодежи Франции и других европейских стран. И даже когда религиозная установка перестала быть актуальной, за словосочетанием «гражданский брак» закрепилось значение неофициальности. Следует заметить, что в православии церковь однозначно рассматривает сожитительство в гражданском браке как прелюбодеяние.

Исследуя ценностные ориентации студентов УрГЭУ в сфере семьи и брака, мы отметили следующее. В ходе социологического опроса среди наших студентов было выявлено, что почти половина респондентов считают, будто людей, живущих совместно, даже если их отношения не оформлены юридически, следует считать мужем и женой. В то же время у родителей этих студентов отношение к этой проблеме неоднозначное. Матери и отцы относятся более лояльно к свободным союзам своих сыновей и менее лояльно, если речь идет о дочерях.

В то же время среди студентов, живущих в таком браке, установка на юридически оформленный брак не исчезает. Они хотели бы оформить свой брак юридически или вступить в брак с другим человеком. Поэтому его можно считать промежуточным этапом, неким тренингом семейно-брачных отношений. Среди студентов в пользу этого брака отмечают следующие аргументы: более свободные отношения; исчезает эффект собственника; незарегистрированное сожитительство, как они считают, обес-

печивает больше духовности, интимности и удовлетворенности в отношениях; наличие адаптационного периода в совместной жизни супругов. Такой брак, как говорят студенты, дает возможность почувствовать друг друга, понять и без ущерба разойтись в любой момент. Никто никому не обязан. Расставание при гражданском браке куда менее болезненно для его участников, чем при зарегистрированном. Партнеры, просто живущие вместе, изначально полагают разрыв как вероятный исход. Более сдержанно об этой форме брака говорят студенты постарше, получающие второе высшее образование. Их симпатии на стороне традиционной модели брака и семьи.

Интересно, что многие исследователи отмечают связь пробных браков с малодетностью европейской семьи. В современной литературе описаны особенности людей, склонных к незарегистрированному сожительству: либеральные установки, меньшая религиозность, высокая степень андрогинности, низкие успехи успеваемости в период юности. Эти люди происходят из весьма успешных семей. Для России популярность такой формы брака обусловлена экономическими проблемами и вопросами, связанными с пропиской и возможностью получения детского пособия в качестве матери-одиночки.

Некоторые браки в разных странах, в том числе России, проявляются сегодня в форме гостевого союза. Его практикуют 7% опрошенных в нашей стране. Гостевой брак — это экстерриториальный брак, это юридически оформленный брак, при котором супруги живут отдельно, временами вместе, но общего хозяйства не ведут. Каждый живет своей жизнью, так как считается, что совместное проживание претит духовному самосовершенствованию. Фактически здесь нет четкой границы между брачной и холостой жизнью. Супруги видят преимущества гостевого брака в том, что он спасает их от каждодневной бытовой рутины, дает им больше свободы, при этом каждый считается интимным, сексуальным партнером. Обычно в таком браке живут уже немолодые люди, у которых был негативный опыт совместной жизни и поэтому они не хотят вмешательства в личную жизнь. Но такой вид супружества не переносит даже незначительных испытаний: болезней, временных финансовых трудностей и т. д. Эти отношения можно сравнить с рыночными отношениями. Вопросы воспитания и содержания детей ложатся обычно на плечи матери, мужчины не хотят иметь при этом обязательств.

Исследуя формирование ценностных ориентаций наших студентов, мы с удовлетворением отметили, что ценностью номер один они по-прежнему считают семью и ее традиционные ценности. Современную семью, с их точки зрения, отличает избирательность в выборе брачного партнера. Цель такой семьи — взаимное доверие, это диалог равных партнеров,

в такой семье учитываются взаимные интересы, ее основа — любовь. Дети в подобной семье являются высочайшей ценностью. В идеале супруги не навязывают ребенку свои взгляды, устремления, а пытаются создать условия для формирования личности, помогают ребенку раскрыть свой потенциал. Итогом подобного воспитания становится усвоение ребенком демократических ценностей, гармонизация его представлений о правах и обязанностях, свободе и ответственности, развитие активности, самостоятельности, уверенности в себе, эмоциональной устойчивости.

Однако на вопрос: «Сколько детей Вы хотели бы иметь в своей семье?» ответы студентов были следующими: одного ребенка — 60%; двух детей — 30%; 10% воздержались от ответа. Очевидно, что даже простого воспроизводства при этой установке не получается.

За последние десятилетия изменились гендерные роли. Во все времена значительным было место отца в семье. Природой и обществом каждый мужчина подготавливается к тому, чтобы стать мужем, отцом, как и каждая женщина — матерью и женой. Человек всегда думает о том, что останется после него, когда он уйдет из жизни. Недаром подмечено, что человек, как дерево, могуч своими корнями. Поэтому, вступая в брак, мужчина берет на себя огромную ответственность — быть отцом, опорой в семье. Однако с распространением городского образа жизни фактически все чаще семейной жизнью руководит женщина — жена, мать. Авторитет отца значительно упал из-за сокращения доли участия его в семейных делах. Дети часто не видят трудового примера отца, потому что его труд почти полностью вынесен за пределы семьи. Другое дело мать. Хотя она работает на производстве, рабочий день дома тоже существует. И все же отец для ребенка в традиционной семье — это сила, ум и опора семьи в житейских вопросах. Отцовство — экзамен на социальную и нравственную зрелость мужчины. Всегда есть молодые люди, вступающие в брак, но боящиеся отцовства или же неготовые к нему. Ребенок является большим испытанием на прочность семьи. В практике встречаются пары, до рождения первенца жившие нормально, а после рождения ухудшившие свои отношения. Муж все чаще не появляется дома, избегает ребенка и жену. Это может свидетельствовать об отсутствии, недоразвитости отцовского чувства или отцовской культуры, что хотя и неприятно, но не считается при этом чем-то патологическим. Справедливости ради нужно отметить, что чувство отцовства рождается несколько позднее, чем чувство материнства. Аристотель заметил, что по-настоящему отцами мужчины становятся позже, чем женщины — матерями. Молодые люди из-за отсутствия детей редко оставляют жену. Чаще это проявляется у мужчин с развитым духом собственности, которые хотят иметь наследников, свое продолжение на земле.

В наше время российская действительность такова, что в детских садах и школах с детьми работают в основном женщины, ощутимым становится дефицит мужского влияния на детей. Даже непродолжительное отсутствие отца ведет к тому, что у детей (особенно мальчиков) начинают развиваться трусость, замкнутость, обособленность, упрямство, агрессивность. Поэтому отцы должны восполнять дефицит своего влияния в семейных отношениях. В противном случае воспитание будет ущербным. Сейчас критика в адрес отцовства содержит в основном претензии на уменьшение времени общения не только с женой, но и с детьми. Хорошо организовать досуг детей, труд по оказанию помощи родителям, приобретению детьми дополнительных знаний — вот первостепенная задача отца. Находясь рядом с детьми, отец проявляет лучшие свои качества (доброту, верность, отзывчивость), в этом смысле не только отец воспитывает детей, но и дети отцов. Отец нужен в семье не только для наказания и воспитания, но и для помощи детям во всех их делах, должен быть другом своему ребенку. В воспитании детей очень важен живой пример отца. Сыновья во многом копируют образ жизни отцов: перенимают походку, манеру разговаривать, жесты и т. д. От отцов воспринимают такие черты, как крепость духа, сила, мужская надежность, предприимчивость, отношение к противоположному полу. Сын, отец которого внимателен к матери, женившись, считает единственно возможным относиться так и к своей избраннице. Если отец отстраняется от домашней работы, то эту же привычку перенимают дети. Конечно же, огромный вред наносит воспитание детей в неблагополучных семьях, у детей увеличивается количество неврозов, растет пугливость, падает успеваемость. Таким образом, для полноценного развития и воспитания необходим институт отцовства в семьях. Важно формировать соответствующие ценностные установки, прежде всего у будущих отцов.

Огромное и ничем незаменяемое значение, разумеется, имеет роль матери в семье. Очень известны опыты американского психолога Келлера с обезьянами [2, с. 84]. Сначала маленьких обезьянок отнимали от матерей. Для животных это обернулось трагедией, замедлилось психическое развитие малышей. Эксперимент пришлось прекратить. При втором эксперименте обезьянок отняли от матерей сразу после рождения, а в роли мамы выступало кресло с меховой обивкой. В спинку кресла встроили бутылку с соской, и вскармливали обезьянок искусственно. К креслу обезьянки относились как к матери, и когда кресло убирали, они начинали волноваться. Но вот эксперимент был закончен, а выросших обезьянок пустили в общее стадо обезьян. Они оказались очень необщительны и были настолько агрессивны, что не смогли создать семейной пары. Искусственным путем дождалась от обезьян, выросших без мам,

потомства. Но они не проявляли к собственным детям никаких нежных чувств. Одна даже оторвала руку своему ребенку, а другая раскусила голову. Они не обращали внимания на то, что малышу плохо, тогда как в стаде в этих случаях к нему немедленно бросается мать или кто-нибудь из других обезьян. У животных, в роли матери которых был неодушевленный предмет, совершенно отсутствовал материнский инстинкт, считающийся врожденным, да и психическое развитие их явно отклонялось от нормы. Вот как оказалось важным для малышей чувствовать материнское тепло, опеку.

Мать учит детей добру и любви, дает первые уроки человечности, уроки душевного отношения к людям, ибо мать обладает особым эмоциональным влиянием, сердечностью и теплотой, душевной мягкостью и чуткостью. Мать — это зеркало, в которое смотрится ребенок. Может ли она воспитать опрятную и аккуратную дочку, если сама дома ходит в грязном халате? Конечно же, нет. Таким образом, очень важен хороший живой пример матери.

Кроме того, мать еще является и хозяйкой в доме. Социологами подсчитано, что средняя домашняя нагрузка женщины в два раза больше домашней нагрузки мужчины. Отсюда переутомление и нервозность, которые отрицательно сказываются на взаимоотношениях в семье. В настоящее время распределение домашних обязанностей на гендерной основе является симптомом продолжающегося гендерного неравенства и гендерно-ролевой социализации. Наши студенты на вопрос «Делите ли Вы домашнюю работу на мужскую и женскую?» ответили утвердительно 58%, отрицательно — 38%.

Ценности брака и семьи выполняют важные функции. Прежде всего, функции эталона, образца, к которым стремятся люди, будучи регуляторами поведения, поступков, взаимодействия людей в семейно-брачной сфере. Они влияют на добрачное матримониальное поведение, определяют выбор партнера и формы семейно-брачных отношений, от них зависят репродуктивные установки супругов и то, как будут строиться взаимоотношения между мужем и женой, родителями и детьми.

Несмотря на некоторые негативно оцениваемые тенденции развития семейно-брачных отношений (умножение количества разводов, внебрачных сексуальных контактов, увеличение ссор, конфликтов в семье, снижение уровня рождаемости), незыблемость семьи не ставится под сомнение. Вопрос, который мы задаем себе сегодня, лишь в том, какую форму примет семья в XXI веке.

Большинство исследователей склоняются к тому, что основной формой семьи окажется супружеская: концентрация семейной жизни будет проходить вокруг брака, а не вокруг детей, акцентируется рост значимости

супружеских отношений, рост личной автономии. Во многих западных странах происходит уменьшение семейной взаимозависимости. Достаток семьи, по мнению ученых, откроет возможность для многих замужних женщин из низших экономических страт профессионально не трудиться, а в высших слоях — снять с жены ответственность за домашние работы. Это приведет к устранению главной причины семейного напряжения — снижению относительной бедности семьи. Материнство займет лишь часть времени, поэтому женщина сможет свободно развивать свои профессиональные или личные интересы, что приведет к снижению зависимости от мужа, а дети будут ориентироваться с самого начала создания семьи на раздельное от родителей проживание. Уменьшение регулярных встреч с родственниками понизит теплоту эмоциональных контактов с ними. Брачные партнеры будут в большей степени полагаться друг на друга. В решающую сферу жизни превратится образование. Продвижение по службе станет возможным исключительно при помощи дополнительного образования. Увеличение сроков образования отсрочит вступление людей в профессиональную деятельность, да и само образование изменит интересы и ценности человека. Создание семьи отодвинется на определенное время. Оптимальный возраст вступления в брак станет выше, кроме этого, большинство пар будут ориентироваться на гражданский брак. Уже явственно видно сегодня, что важной проблемой станет сложность совместимости двух молодых людей. Возрастет роль внутрисемейных конфликтов.

Замечательный русский философ И. А. Ильин предупреждал, что бывают эпохи, когда небрежность, беспомощность и безответственность родителей начинают возрастать от поколения к поколению. В такие эпохи священное естество не находит себе больше признания и почета в человеческих сердцах, им не дорожат, его не берегут, его не строят. Тогда в отношениях между родителями и детьми возникает некая «пропасть», которая увеличивается от поколения к поколению. И это объясняется заболеванием и оскудением человеческой духовности. Этот кризис подрывает семью и ее духовное единение, он лишает ее главного, того единственного, что может сплотить ее, спаять и превратить в некое прочное и достойное единство, а именно в чувство взаимной духовной принадлежности. Половая потребность, инстинктивное влечение создают не брак, а всего только биологическое сочетание (спаривание), и из такого сочетания возникает не семья, а элементарное рядом-жительство (см.: [1, с. 199–201]).

Библиографический список

1. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
2. Берн Ш. Гендерная психология. М.: Академ. проект, 2001.

«Россия и Европа» Н. Я. Данилевского: евразийские идеи

Статья обращена к исследованию философских истоков евразийства, а именно к идеям «старых славянофилов», прежде всего Н. Я. Данилевского, отраженным в его работе «Россия и Европа». Автор полагает, что «Россия и Европа» содержит практически все идеи, составившие в дальнейшем основу евразийской идеологии. В качестве позитивных черт концепции Н. Я. Данилевского, перешедших после в евразийство, выделяются представление об истории как нелинейном, неодномерном процессе, представление о многополярном, мультикультурном мире, отказ от европоцентризма; указывается также на плодотворное использование теории культурно-исторических типов евразийскими мыслителями.

Ключевые слова: евразийство; цивилизация; история; «Россия и Европа»; Н. Я. Данилевский; «старые славянофилы».

Традиционно исследование идейных основ евразийства предполагает обращение к творчеству Николая Трубецкого, Петра Савицкого, Петра Сувчинского и т. д. То есть появление евразийских идей связывается с интеллектуальной реакцией эмигрировавших русских интеллигентов на события, происходящие в России после Октябрьской революции 1917 года, на становление новой эпохи. Поиски ответов на традиционные вопросы об исторической судьбе России дали в этой ситуации нетрадиционную философско-политическую концепцию самобытного «Третьего континента» — Евразии. Еще Н. А. Бердяев отмечал в качестве достоинства евразийской концепции то, что евразийцы тонко почувствовали глубину произошедших изменений и невозможность возвращения к прошлому, но упрекал их в том, что они ошиблись, определяя причины произошедшего. Вслед за славянофилами евразийцы видели причину случившейся катастрофы в разложении традиционной романо-германской культуры, разрушении европейской цивилизации (см.: [1]). Отношение евразийцев к Европе однозначно и в какой-то мере превратно, но верно и ценно их понимание того, что Европа перестала быть монополистом культуры, декларирование ими важности и необходимости гармоничного мультикультурного мира.

Философские рассуждения евразийцев трудно назвать абсолютно новыми и самобытными (исключая, может быть, концепцию Н. С. Трубецкого). Конечно, они опираются на славянофильскую традицию, воспроизводя идеи «старых славянофилов», прежде всего Н. Я. Данилевского. Его работа «Россия и Европа», на мой взгляд, уже содержит практически все идеи, составившие в дальнейшем основу евразийской идеологии. Перечитывая этот труд, ловишь себя на очень противоречивых мыслях — с одной стороны, безусловно, трудно ожидать взвешенной объективной оценки от философских заключений и столь эмоционального изложения

исторических событий биологом по образованию и натурацентристом по способу философствования. С другой стороны, именно нетрадиционный подход к изучению проблемы, спорные трактовки и горячая заинтересованность автора позволяют этой книге по сей день трогать сердце читателя. В свете последних событий особенно удивительна актуальность выделенных геополитических проблем, так и не нашедших своего полноценного решения за прошедшие годы.

Никто сегодня всерьез не рассчитывает на то, что в обозримом будущем Россия сможет войти в Евросоюз или стать членом НАТО. Несколько лет назад вопрос о возможности вступления нашей страны в Евросоюз был задан отечественными журналистами одному из крупных европейских чиновников, тот ответил искренне (вероятно, потому что очень спешил): «Это невозможно — вы для нас слишком большие». Эти слова не простая отговорка, за ними нечто большее. Н. Я. Данилевский еще в XIX веке описывал то же самое: «Взгляните на карту, — говорил мне один иностранец, — разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своей массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар» [2, с. 23], — вспоминал мыслитель несправедливую оценку европейца и пытался на историческом материале доказать очень важный для себя (и нас сегодня!) тезис — *Россия не есть завоевательное государство!* Специфика территориального формирования российского государства именно в том, утверждал Данилевский, что оно происходило путем свободного расселения, ненасильственной ассимиляции племен и народностей, которые именно в рамках российского государства получили возможность «пробуждения собственной народности». Россия никогда не имела колоний, продолжает философ, рассуждая об «уподобительной силе» русского народа.

В параллель насильственности европейской истории, утверждал мыслитель, существовала история России, чьей отличительной характеристикой всегда были терпимость, врожденная гуманность: «Можно еще указать на чуждые всякой насильственности отношения, как русского народа, так и самого правительства к подвластным России народам, чуждые до такой степени, что нередко обращаются в несправедливость к самому коренному русскому народу. Тот же характер имеет и вся внешняя политика России, также нередко к ущербу России» [2, с. 190]. Еще одна черта национального характера, во многом определившая историю России, — это «огромный перевес, который принадлежит в русском человеке общенародному русскому элементу над элементом личным, индивидуальным. Поэтому-то... русский, перестав быть русским, обращается в ничто...» [2, с. 197].

Данилевский подробно описывал суть присоединения финских, польских, бессарабских земель. Делал заявления и выводы отнюдь не бесспор-

ные: говорил о полярной оценке одних и тех же тенденций в истории российской и европейской, «двойственности мер и весов». Пусть не все это признают, но история любого государства жестока. И вот оно, как вчера написанное: «И по этому кавказскому... вопросу можно судить о доброжелательстве Европы к России» [2, с. 39].

Эпоха Данилевского еще не знала самого понятия «информационная война», так хорошо известного нам, но информационные войны уже велись. Негативный образ России в Европе тогда (как и сейчас) связывался с недостатком полной, правдивой информации. Желавшие исправить ситуацию были и есть. Данилевский же утверждал, что это напрасный труд. Европа инстинктивно не признает нас своими по более глубоким причинам, так как видит в России не просто чуждое, но враждебное начало, которое невозможно ассимилировать или приспособить. «Причина явления лежит глубже. Она лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели; ибо в общих, главных очертаниях история слагается не по произволу человеческого, хотя ему и предоставлено разводиться по ним узоры» [2, с. 52]. Л. Н. Гумилев в своей концепции этногенеза будет оценивать подобные процессы, исходя из понятия взаимной комплиментарности или некомплементарности этносов относительно друг друга. Однако Данилевский все же подчеркивал необходимость и значимость распространения правдивой информации и формирования общественного мнения, но не европейского! «Просвещение общественного мнения... очень полезно... только не для Европы, а для самих нас, русских, которые даже на самих себя привыкли смотреть чужими глазами, для наших единоплеменников» [2, с. 50].

Евразийцы отвергают мысль о возможности выхода из катастрофы путем спасения России «просвещенной» Европой. Они защищают достоинство России и русского народа, для них нет варианта забыть, что мы русские, варианта денационализации. И вновь те же идеи мы находим у Данилевского: Россия не есть Европа и никогда ею не была, а самое главное, никогда не сможет ею быть — вот его вывод. Ни история, ни культура, ни самосознание не позволяют нам быть частью Европы, и нет нам нужды к этому стремиться. Европа и цивилизация, европейское и прогрессивное — это не синонимы. «Прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся» [2, с. 87]. Продолжая эти рассуждения, мыслитель приходит к выводу, намного опередившему свое время, — в таком понимании исторического прогресса *ни одна*

цивилизация не может претендовать на роль «высшей точки развития» по сравнению с предшествующими или современными ей.

Критический посыл рассуждений Н. Я. Данилевского очевиден. Далеко не со всеми его идеями можно согласиться, но нельзя не оценить сегодня то положительное, что есть в его работе, то, что, на мой взгляд, составляет и значимость развития евразийской идеи — представление об истории как нелинейном, неоднородном процессе, представление о многополярном, мультикультурном мире, в котором отсутствует единственно верный определяющий вектор развития. Современная цивилизация не есть цивилизация лишь европейская и сопутствующие ей, нет — это многоголосый хор различных культур, потенциалов, надежд и решений. Обратимся вновь и к неоевразийству — именно идея так называемой *цветущей сложности* есть основной и важнейший принцип евразийской философии. Это то, что определяет единство и целостность нашего культурного типа.

П. Н. Савицкий развивал в своих работах именно концепцию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского. В отличие от классической модели, в его работах акцентируется внимание на особом восприятии окружающей действительности тем или иным цивилизационным типом — «ощущении». Для западноевропейской цивилизации характерно «ощущение моря», а «ощущение континента» Савицкий называл монгольским. В статье «Степь и оседлость» он выделял оппозицию этих «ощущений», а соответственно, и цивилизационных типов в мировой истории: «На пространстве всемирной истории западноевропейскому ощущению моря как равноправное, хотя и полярное, противостоит единственно монгольское ощущение континента» [3]. Для мыслителя в русских «землепроходцах» тот же дух, то же «ощущение континента», т. е. русские тоже в некоторой степени монголы. Особенность культурно-исторического типа России в том, отмечал Савицкий, что в ней сочетаются одновременно два начала, она часть особого «окраинно-приморского» мира, сочетающая исторически «оседлую» и воспринятую изначально как внешнее влияние, а затем усвоенную как неотъемлемую принадлежность стихию «степную».

В заключение еще раз повторю: евразийство — самобытная, но не оригинальная философская концепция. Евразийцы много переняли у традиционных славянофилов, и в этом смысле, конечно, мы можем считать одной из основополагающих работ труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа».

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Евразийцы // Евразийский вестник. Вып. 4. Берлин, 1925.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
3. Савицкий П. Н. Степь и оседлость. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1922-naputiakh-PNS-step.php>.

Д. К. Стожко

Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Н. Н. Целищев

Уральский государственный аграрный университет (г. Екатеринбург)

Евразийский контент и духовная культура

Статья посвящена анализу евразийской интеграции на уровне идей и культурных концептов. Авторами разобраны причины кризиса европейского мультикультурализма, «духовные коды» западных и восточных культур, подвергнута критике западная модель «*homo economicus*». Для создания идеологической основы государственной политики в области возрождения производительных сил России предложено обратиться к русскому духовному коду. Представлены основные уровни социальной онтологии и типы мировоззрения в их соотношениях между собой как основа для социально-философской реконструкции духовного кода нации. Внимание привлекается также к проблеме объединения современного российского общества, поиска скрепляющих его начал.

Ключевые слова: евразийская интеграция; духовная культура; духовный код; цивилизация Запада; цивилизация Востока; русский духовный код; уровень социальной онтологии; тип мировоззрения.

Евразийская интеграция происходит на разных направлениях жизни той или иной цивилизации. И одним из таких направлений, безусловно, выступает духовная культура. Попытки создать *культурное эсперанто* предпринимались в истории человечества не раз. Последняя — европейский мультикультурализм. Когда выходцы из стран Азии и Африки приехали в европейские страны, они надеялись в них акклиматизироваться и *стать своими*. И все вроде бы получалось. Богатые страны (Великобритания, Германия, Франция и т. д.) позволили им пользоваться своими социальными программами, трудоустраиваться, обзаводиться собственностью, даже иметь свои религиозные учреждения.

Но вот случился кризис мультикультурализма, и всем стало ясно: идея не сработала. Тому несколько причин. Назовем три из них.

Во-первых, социально эффективной и при этом «чистой» рыночной экономики нигде и никогда в мире не существовало. Тем более в ее «чистом», «снятом», «полностью рыночном» виде. Равно как не было никогда и полностью свободной, «совершенной» конкуренции. Все это — умозрительная утопия оторванных от жизни ученых-экономистов.

Во-вторых, рыночная экономика *капиталистического* типа — это *вчерашний* день, который ставит выше любых нравственных соображений прибыль. «Максимизация прибыли — минимизация затрат» — вот лозунг капиталиста. Этот лозунг уродует человека. Он превращает его в гедониста и эгоиста, культивирует в нем алчность, стяжательство, карьеризм, разрушает его душу, делает, пользуясь терминологией А. Шелера, «нейтральной» человеческую духовность ([9, с. 37] и др.). Жить с такими

«нейтралами», у которых атрофирована совесть, нет патриотизма, деградировала нравственность, очень неуютно.

Кстати, нынешняя попытка построения капиталистической рыночной экономики в нашей стране уже не первая. Но все предыдущие заканчивались плачевно. По большому историческому счету, и нынешняя попытка тоже обречена на провал. И провал этот уже очевиден, хотя о глубине его можно только догадываться.

Итак, модель «*homo economics*» оказалась несостоятельной. Потому что благодаря культивированию такой модели за последние двадцать пять лет мы получили не рост, а падение практически всех экономических показателей. А в дополнение к этому — еще и практически тотальную коррупцию, массовое социальное отчуждение, экономическое неравенство, криминализацию общества. «Пора собирать камни».

Важно иметь в виду и тот факт, что модель «*homo economics*» — это модель западного человека. Она чужда нам ментально. А западный человек — просто другой, он — не *мы*. «Другой для него — соперник, конкурент, которого надо одолеть в борьбе. Общество для него — скрытый источник угрозы» [5, с. 111].

Сторонники рыночной экономики полагают, что нас, россиян, вполне можно сделать и «*homo economics*», и «западными людьми». Особенно в этом отношении усердствуют представители московских «институтов»: ГУ ВШЭ, Институт стратегического проектирования и пр. Но не надо отождествлять Россию и московское пространство в пределах Садового кольца. «Все надежды на то, что в России в результате „реформ“ сформируется человек западного типа, „*homo postsoveticus*“, не оправдались. Строптивая российская реальность не пожелала следовать грезам „реформаторов“» [5, с. 117].

Экономическая наука, однако, продолжает поиски новой модели человека, но в основном в рамках прежней либерально-рыночной парадигмы. Отказываясь от прежних, традиционных для политической экономии прошлых десятилетий абстрактных понятий «совокупный человек», «совокупный работник», современная экономическая теория осваивает личностный уровень анализа. Но личностный уровень в рамках прежней индивидуалистической психологии и философии также ведет к мировоззренческим абберациям. Это становится тем более очевидным, поскольку подавляющая масса отечественных исследователей все еще ориентируется на зарубежные теории и философию. Современная экономическая наука находится как бы между двух основных парадигм, одна из которых устарела, а вторая не оформлена категориально. Первая парадигма связана с моделью «*homo economics*», а вторая — с моделью «*personal economics*».

Последняя модель также заимствована российскими экономистами из западных работ и конструируется на основе прежней философии индивидуализма [7, с. 92–117]. Со ссылками на Д. Оллпорта и его сторонников российские авторы называют «экономической личностью» тех, кто обладает «экономическими» и «социальными» свойствами. И при этом — ни слова о том, какие свойства имеются в виду. Тем более ни слова о духовности, морали, нравственности. Однако что «экономический человек», что «экономическая личность», а результат прежний. Суть его: экономическая рациональность, гедонизм, эгоцентризм, самая тривиальная алчность...

В связи с этим встает вопрос о том, каким видится человек XXI века. О цивилизации нового столетия существует достаточно много суждений. Так, Г. Х. Попов, называя ее *альтернативной* цивилизацией, заявляет, что это будет *интеллектуальная* цивилизация с присущей ей интеллектуальной экономикой. Но и здесь о главном — *духовности* — ни слова. А ведь еще Т. Рузвельт когда-то говорил, что «сформировать человека интеллектуально, не воспитав его нравственно, значит создать угрозу для общества». Об этом никогда нельзя забывать. Тем более когда в пример ставятся экономики Китая, Японии, других стран — «драконов» Азиатско-Тихоокеанского региона.

И здесь уместно назвать третью причину кризиса мультикультурализма. Она состоит в принципиально разном содержании духовного кода развития этносов Европы, России и стран Востока. Причем различий фундаментальных. Это вам не сунниты и шииты или католики и православные. Здесь все глубже, а «Восток — дело тонкое».

Заметим, что японская или китайская цивилизация и экономика потому и являются эффективными, что в их основе заложен свой собственный духовный код. В этих обществах культура и цивилизация не осуществили свой антагонистический «развод», они нашли возможности для синергического существования, создали своеобразный симплекс (*микс*). Для японского общества такой специфический духовный код (*микс*) включает такие традиционные ценности, как культ семьи (*йэ*), уважение к старшим (*оябун*), социальная безопасность (*кайзен*), борьба с эгоизмом (*мессу хоко*), служение ближнему (*сэйсин*), пунктуальность и ответственность (*канбан*), культ образования и самообразования (*шодзика*), культ качества (*джидока*) и т. д. Об этом пишут М. Аока, А. Морита, Ф. Фукуяма и другие авторы (см.: [1; 8] и др.).

Индустриальная западная экономика и индустриальное западное общество имеют совершенно иной «духовный» код, который содержит следующие «ценности»: 1) *стандартизация*, 2) *специализация*, 3) *синхронизация*, 4) *концентрация*, 5) *максимизация*, 6) *централизация* [6]. Но этот код уже устарел, устарела и индустриальная модель хозяйства,

ориентированная на экстенсивный рост потребления и дегуманизацию социальных отношений.

Попыткой искусственно продлить индустриальный век служит идея замены старого кода новым «духовным» кодом «4i», включающим в себя 1) *инвестиции*, 2) *инновации*, 3) *инфраструктуру* и 4) *интеграцию*. Вместе с тем ничего подлинно духовного в таком осовремененном варианте прежнего *индустриального* кода нет. Потому и не спасает он страны и народы от кризиса. Несмотря на инновации, инвестиции, интеграцию с Евросоюзом, некогда благополучная экономика Кипра «накрылась медным тазом». Рухнула традиционная для индустриального общества вера в неприкосновенность и незыблемость частной собственности (например, банковских депозитов). Попытки модернизации российской экономики на основе этого эрзаца «4i» также оказываются безуспешными: российская национальная экономика напоминает сегодня трио из известной басни — лебеда, рака и щуку.

Займствования чуждых нашей истории, культуре, менталитету «ценностей» и установок вряд ли позволят российскому обществу обрести нужную метафизическую основу для собственного хозяйственного развития. Потому-то и необходимо обратиться к историческому опыту, накопленному нашей культурой и цивилизацией. И здесь мы можем обнаружить свой собственный духовный код, который был выработан нашим народом на протяжении его долгой истории. Изучению этого кода посвятили свои работы многие российские ученые. Среди них назовем С. Н. Булгакова («философия хозяйства»), П. А. Кропоткина («теория взаимной помощи»), П. Б. Струве («теория человеческой годности»), М. И. Туган-Барановского («социальная теория кооперации»), И. А. Ильина («духовное делание»), С. Л. Франка (идея «накопления сил добра»), Н. О. Лосского («теономная этика»), П. А. Флоренского («сизигия»), В. С. Соловьева (тезис «работы со смыслами»), Л. Н. Толстого (тезис «жизни по совести») и других исследователей.

Этими и многими другими российскими учеными был раскрыт и исследован русский духовный код, который включает в себя: 1) соборность (коллективизм); 2) державность (патриотизм); 3) религиозность (православие); 4) традиционализм (охранительный консерватизм); 5) солидарность (идея кооперации); 6) терпимость (смирение); 7) рудолюбие (служение) и 8) правдоискательство. Именно этот код, а не какие-то «заморские новинки», должен стать идеологической основой государственной политики в области возрождения производительных сил России, главной из которых остается сам человек.

Естественно, что этот духовный код российского общества не «стоит на месте», он развивается по мере изменений внешних и внутренних

факторов, детерминирующих хозяйственную жизнь людей. Глобализация, информатизация, интеграция и многие другие процессы и явления требуют более четкой кодификации современного хозяйства. И здесь актуальными становятся такие ценности, как: 1) *социальная ответственность*; 2) *социальная справедливость*; 3) *социальная безопасность*; 4) *социальное взаимодействие* между людьми. В этой «связке» исходной (первичной) является именно *социальная ответственность*, которая и детерминирует остальные ценностные приоритеты. Она, эта ответственность, раскрывается через систему более конкретных принципов: 1) «не навреди!» (Гиппократ); 2) «эквивалентный обмен» (Аристотель), 3) «золотое правило этики» (Кант), 4) «общественный договор» (Руссо), 5) «сохранение и улучшение жизни» (Йонас) и т. д. (см.: [3; 4]).

Анализируя возрастающее значение этих ценностей, невольно сталкиваешься с вопросом об этнической самоидентификации. Россия и ее народ — это *евразийство* в его реальном измерении. Понятно, что зачастую справедливое для восточного общества не актуально для западного общества. Поэтому необходим поиск тех «духовных скреп» (термин В. В. Путина), которые бы объединяли, а не разъединяли «многонациональный российский народ» (конституционное определение), всех россиян. Потому что, как когда-то точно подметил А. Мальро, «человек готов отстаивать ценой собственной жизни не то, что разъединяет его с другими людьми, а то, что его с ними объединяет».

Какие же фундаментальные мировоззренческие принципы могут объединить наше российское общество в XXI столетии? Для этого необходимо обратиться к исследованию уровней его, человека, социальной онтологии.

Уровни социальной онтологии могут быть определены такими пластами, как «Я–Я» (внутриличностный), «Я–Ты» (межличностный), «Я–Мы» (социально групповой), «Я–Все» (общественный), «Я–Природа» (экологический), «Я–Космос» (космический). Между этими уровнями социальной онтологии лежат пластичные промежутки. Как когда-то писал М. Бубер, ссылаясь на Ф. Ницше, «человек — нечто текучее и пластичное, из него можно сделать все что угодно» [2]. Соответственно этому можно выделить *базовые* и *переходные уровни* социальной онтологии.

Наряду с уровнями социальной онтологии нельзя не отметить и различные *типы* мировоззрения, которые определяют конкретное содержание и понимание духовного кода конкретного социума (этноса). Сегодня различают: а) *антропоцентризм* (антропологизм); б) *социоцентризм*; в) *теоцентризм*; г) *экоцентризм* (натурализм).

Соотнесем четыре основных типа мировоззрения по горизонтали и шесть основных уровней социальной онтологии (пластов социальной

безопасности личности) по вертикали. В результате мы получаем определенную конструкцию теоретико-методологического пространства, которое может служить *теоретико-методологической матрицей* для социально-философской реконструкции, т. е. выявления сущности и содержания духовного кода народа (этноса).

В этой матрице цифрами обозначены определенные комбинации (структурно-содержательные модальности) духовного кода социума (этноса), который на каждом конкретном уровне социальной онтологии обладает своими конкретными признаками (характеристиками). Сближение, а уж тем более взаимодействие культур народов и стран Евразии возможно только на основе понимания и эффективного использования этих характеристик.

Дальнейшее изучение духовного кода культур и цивилизаций евразийского континента представляет собой одну из наиболее интересных и перспективных задач целого ряда научных дисциплин, в первую очередь социальной философии, философской антропологии, теории и истории культуры, экономической теории.

Библиографический список

1. Аоки М. Фирма в японской экономике: пер. с яп. СПб.: Лениздат, 1995.
2. Бубер М. Два образа веры: пер. с нем. М.: Республика, 1995.
3. Качество жизни: диалектика духовного и социального / под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург: Урал. ин-т бизнеса, 2007.
4. Культура социальной ответственности: теория и практика / под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург: Урал. ин-т бизнеса, 2009.
5. Лившиц Р. Л. Homo postsovieticus: упования и реальность // Мировоззрение и культура: сб. ст. / под ред. В. В. Кима. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002.
6. Попов А. Н., Попова Е. А. От «человека экономического» к «личности экономической» // Известия Уральского государственного экономического университета. 2002. № 5.
7. Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. М.: АСТ, 1999.
8. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: Ермак, 2004.
9. Шелер А. Положение человека в космосе // Проблема человека в современной западной философии. М.: Прогресс, 1988.

Жизнь армянского этноса как воплощение многовариантности евразийства

Статья посвящена рассмотрению армянского этноса сквозь призму концепции евразийства. Историческая жизнь армян показывается как сочетание влияний соседствующих государств — Византии и Персии. Несмотря на то что границы византийской и персидской частей Армении менялись, культура страны представляла собой крайне пусть противоречивое, но целостное образование с единым языком и верой. Утверждается, что положение армянского народа в центре сфер влияния этих двух сверхдержав того времени породило феномен армянского евразийства.

Ключевые слова: армянский этнос; евразийство; ориентализация; вестернизация; русификация; синтез Востока и Запада.

Евразийство — концепция единства взаимодействующих разнонаправленных сил социального, духовного, экономического содержания. Их социально-психологическая проекция фиксируется в координатах климатического, географического и геополитического масштаба. Эта система определенного мировоззрения отражается в идеологии совместных региональных потребностей разных, но зачастую соседствующих этносов. Ее эффективность определяется воздействием продолжительности исторического времени действия. Речь может идти о тысячелетиях. Результатом выступает самосознание и менталитет определенного типа этносов и соответствующих им политико-экономических форм кооперации. Спецификой евразийства является духовное слияние Европы и Азии в разнообразные варианты социальной рефлексии.

Российский, турецкий, армянский варианты достаточно четко воспринимаются мыслителями как потенциальные объекты исследования. Азербайджан, Грузия с точки зрения возможности их включения в единое евразийское пространство оборачиваются вопросом неизученным, со многими оговорками. С учетом символизма концепции евразийства понятно, что географические рубежи Европы-Азии не совпадают с духовно-политическими границами евразийских государственных и межгосударственных образований. К примеру, Прибалтика — центр Европы, в течение столетий (с XVIII века) была частью евразийской Российской империи. Что явилось результатом такого взаимодействия? Считаю это проблемой, требующей исследования в ближайшей перспективе в связи с расширением НАТО на Восток. В рамках евразийской ойкумены шло как примирение, как и жесточайшее столкновение различных культур. Тезис «Армения — авангард Европы в Азии» звучит приемлемо в зеркале сравнительно-исторического подхода. Сказать «Россия — авангард Азии

в Европе» или наоборот — значит вызвать недоумение. Каковы допустимые пропорции европейского и азиатского в структурно-функциональном ключе, при которых не теряется качество евразийства? Правомерно ли использовать методологически это понятие или это лишь формула «конкретно-исторического учения философов-евразийцев»? А может, это лишь образ эфемерного, футуристического единства?

В исследовании исходной посылкой возможно принять тезис и синтез Востока и Запада в устойчивых, исторически определенных меганациональных формах.

К любому явлению культуры исследователи могут применять разные по основаниям подходы. В составе армянского, как и русского, народа возможно выделить два разнородных начала: восточное и западное. Источниковедение в этом случае позволяет опереться на концепции Н. Я. Марра, Л. Н. Гумилева.

Фригийские племена индоевропейцев соединились с завоеванными ими урартийцами (яфетидами). Плодом союза явилась армянская народность. Безусловно, применение оси понятий «Запад — Восток» к процессам VIII–VII веков до н. э. должно быть осторожным, учитывающим наличие привкуса «европоцентризма». Правомерность декларируемых выводов исходит из данных филологии и лингвистики, археологии, этнографии, истории искусств, свидетельств античных историков и армянских преданий. Двуединство народного духа допускает образ одновременно азиатского и европейского народа, как своеобразного символического двуглавого орла. Восьмилетний внук автора этих строк Толкачева Юрия Аркадьевича — Тигран Арманович — спросил деда: «Я полурусский — полуармянин?» — «Ты и русский и армянин одновременно!» — прозвучал ответ. Человек, владеющий обоими языками, проживающий в России и постоянно наезжающий в Армению, вполне может восприниматься носителем русской и армянской культур одновременно.

Ход наших рассуждений порождает множество вопросов. Отличаются ли мировоззрением российские армяне от иранских или турецких армян, либо от «армянских армян»?

Историческая жизнь армянского народа — история разнонаправленных векторов влияния соседствующих веками государств Востока и Запада. Иранизация транслировала культурные начала ассиро-вавилонской (семитической) истории. Нравы, верования, государственный строй по свидетельству Страбона доказывали, что святыни персов чтутся и армянами. И сегодня в армянской культуре звучат имена Анаит и Михры как собственные, издревле известные. В народном характере армян видна склонность к пышности, роскоши, сановности, т. е. чисто восточному великолепию. Другим противовесом в «культурном коромысле» армян,

вливающим на форму процесса этнической идентичности, был эллинизм. Со времен Тиграна Великого (95–56 годы до н. э.) он определяет зодчество, градостроение, необходимость завершать образование молодежи в культурных центрах Эллады. Царь Артавазд II свои литературные опысы писал на греческом языке. Без переоценки этих процессов констатируем проникновение эллинизма в «поры» армянской культуры. В столице Тигранакерте выходцы из всех краев Востока и Запада своим стилем жизни утверждали элементы нового единого условно «евразийского» образа бытия.

Вслед за эллинизмом, романизация стала новой волной вестернизации Армении. Восточное (парфянское) влияние видоизменилось, трансформировавшись в традиционные нравы и обычаи народа. Элементы романской культуры продвигались в общественное сознание армян правителями через престижность римского воспитания. Бывая в Риме, они, подобно царю Тиридату, привозили в Армению множество мастеров. Для прояснения допустимо провести аналогию со значением корейской культуры для японской в X веке н. э. «Латиняне» привносили традиции римского зодчества, оставив потомкам, например, храм в Гарни (II–III века н. э.). Нахождение римских гарнизонов в Армении инициировало процесс латинизации коммуникаций широких масс местного населения. Множество сохранившихся латинских надписей говорят об их типичности для жизни армян того времени. Развитие же традиционных иранских элементов подкреплялось стремлением видеть в парфянах гаранта собственной самостоятельности.

Парадигмой евразийства Армении стал практически непрерывно развивающийся параллелизм разнонаправленных начал, вопреки азам формальной логики переплетавшийся в узлах жизни армянского этноса. Маятник в сторону Запада качнулся в период смены парфян Сасанидами или ново-персами. Союзнические отношения против Персии рассматривались гарантией сохранения независимости. Апогеем западного проникновения в армянскую культуру становится ее христианизация. Христианство в качестве официальной религии противопоставляется государственному исламу восточных соседей. Но христианство в Армении говорило с восточным акцентом сирийских миссионеров. Восточные начала раннецерковных памятников богословской мысли Армении несут специфическую печать сирийского влияния. Духовные противоречия армянской культуры отражали вековой раздел страны на византийскую и персидскую части. Положение армян в центре сфер влияния двух сверхдержав того времени, ассоциировавшихся с христианским Западом и мусульманским Востоком, породило архетип духовного развития — феномен армянского евразийства.

Следствием действия архетипа явилось объявление государственным языком греческого, сближение армянской церкви с византийской, ирано-сасанидские черты архитектуры, рекрутирование молодежи в ряды персидской армии. Границы византийской и персидской частей Армении менялись, но культура развивалась хоть и в крайне противоречивое, но целостное образование с единым языком и верой.

Рационализм Запада привел к аналитичности в исследовании явлений, стремлению к точности, ясности изложения, теоретичности подходов. Арабское завоевание и вековое господство означало ренессанс восточных (азиатских) посылов армянской культуры. Орнаментальность, «лабиринтность прозы», символизм, русская семантика, избыточность роскоши и другие черты мусульманской культуры превращаются в атрибутику культуры армян.

Крестовые подходы, транзитом пересекавшие земли Киликийского царства, служили каналами распространения западноевропейской культуры. Связи закреплялись брачными альянсами европейских монархов и владетельных домов Армении. Торговля превращалась в своеобразную специализацию армян, так же как резьба по камню и врачевание. Потребность в выживании делает национальное самосознание равно готовым к восприятию как Запада, так и Востока. Религиозное своеобразие превращает пластичность, адаптивность народа, живущего на одном из «перекрестков мира», в толерантного творческого субъекта евразийства.

Истребительная политика турецких султанов и персидских шахов придает букету свойств армянского характера мистицизм. Понимание предельности и уязвимости своего бытия сформировало такую черту этноса, как авантюризм и готовность к самопожертвованию, а также деятельный оптимизм, всегда готовый принять форму фанатизма. Армянские диаспоры по образцу эллинских превращались в очаги сохранения и воспроизводства начал народной традиционной культуры. Они же были центрами поддержки эмиграции и реэмиграции армян.

Чувство этико-религиозной ответственности частей и целого превратилось в коренную социально-психологическую черту национального характера. Сформировалось осознание духовности, кровнородственной близости всех армян независимо от места их проживания. Приоритет же Армении в пирамиде народных ценностей принял сакральную форму. В социальной практике эта особенность проявляется как доминирующая, закрепленная историческими геноцидами армян установка воспитания. Ее мифологичность подпитывается мистичностью характера армянского народа, его особым отношением к суевериям и интуитивным озарениям.

Хотя диаспоры и транслировали посредством деятельности типографий и европейски образованных армян идеи Запада, но победить черты

мусульманского Востока в сознании армянского единства не могли. Бытие армян в условиях государственного ислама завоевавших его соседей не могло не отражаться в сознании. Хотя бы и в сублимированной, трансформированной форме, они не могли не влиять на поведенческие стереотипы народа.

Переход части армянских территорий под юрисдикцию России в XIX веке только обострил противоречия. Внедряемое Россией «баранное просвещение» выявило существенную дифференциацию армян. Сформировались константинопольское и араратское наречия. Двойственность начал прежде всего отражается в литературе и искусстве в целом.

Синтез начал иранских, турецких культурных императивов и русификации был болезненным. Так, в декабре 1828 года дипломат А. С. Грибоедов занимался вопросами возвращения военнопленных граждан Российской империи из персидского плена. Среди последних было множество армян. В письме к жене А. С. Грибоедов сетовал на то, что эта работа сводит его с ума, так как одних персы не выдают, а другие сами не хотят возвращаться. Для многих армян двойственность их положения между пространственно-телесным бытием и духовно-идеальным устремлением была непереносима. Неслучайно в городе (с 1796 года) Ростове-на-Дону появилось данное армянами-беженцами одному из районов название Нахичевань. Противоречивость духовных исканий отразилась как в национальной лирике, так и в эпических произведениях. Автор статьи — евразиец. Образы его созвучны безумию духовных мук людей, раздираемых геополитическими разломами. Гирлянда образов воплотилась в стихотворение «Раздумья».

«Противоречьем буйных дум,
Как злой мустанг — тарпана кум,
Грызет смятение мой ум.
Вопросов режет ятаган,
И мутной пены балаган
Безумьем ведъм вещает нам,
Что воз надежд — мечтаний сонм,
Лишь прошлого стгоревший том.
А наваждение гульбы предстанет
Мышьяком судьбы, вскипев настоем белены...»

«Загадочность души» евразийца часто скрывает гармонию утонченно-го символизма и рациональной ориентации на «блага временные», делающие быт зажиточным и комфортным. Практицизм и прагматизм — те черты, что свойственны европейской ментальности. В евразийстве как социально-психологическом фантоме общественного сознания восточный

разгул фантазии живет в форме поклонения культу Просвещения. Социальная адаптация евразийцев, независимо от национальной формы, происходит в дуализме воображения и разума. В армянском евразийстве скрепляющей составной является культура смеха. Если русские реагируют на британский юмор понимающей улыбкой, то на «армянское радио» — хохотом. Степень близости отражается в уровне восприятия. Смех — реакция на несоответствие должного и сущего. Проявление данного несоответствия в жизни армянского народа россиянами узнаваемо в большей степени, нежели в жизни «гордых бриттов».

Духовная близость армян и русских закреплялась и общностью государственного строя. В 20-е годы XX века от болезней и голода население центра России бежало в Закавказье. Этот исход нашел отклики в поэзии С. А. Есенина, В. Я. Брюсова. В годы войны с германским фашизмом эшелоны эвакуации «уплотняли» Армению беженцами из России, Белоруссии, Украины. В современных условиях вопрос о Евразийском социально-экономическом союзе есть вопрос геополитических союзников и их мотивации. Следовательно, формирование новых и реанимация традиционных связей армян и русских требует комплексного изучения ученых разных дисциплин.

Евразийство как элемент общественного сознания — реальность нашей духовной жизни. Оно указывает, что сверхнародное не означает безнародного.

Одним из источников евразийства являются раздумья В. В. Соловьева о том, что примирение с Западом предполагает не рабское подчинение его формам. Скорее, это соглашение с духовными началами его жизни. Потенциальное, объективное всеединство народов создает эту возможность. Позитивное значение армянского варианта евразийства состоит в его сущности внутренне прочувствованного и гармонизированного этнического самосознания.

Опыт истории армянского народа может быть воспринят дополнительным аргументом в пользу возможности превращения искусства жизни первоначально в науку, а затем в порядок бытия евразийского сообщества.

Памяти Юрия Константиновича Саранчина

10 апреля 2015 года в Екатеринбурге на базе кафедры философии Уральского государственного экономического университета состоялась V Международная научно-теоретическая очно-заочная конференция «Евразийство: история и современность конструкции „духовности“ в стратегиях власти и этика повседневных практик». Уже в пятый раз конференция собрала научных деятелей, политологов, преподавателей вузов, творческую молодежь — тех, кому небезразличны проблемы евразийства как социального, политического, экономического, культурного явления. В этом году наша конференция посвящена памяти безвременно ушедшего в мае 2014 года заведующего кафедрой философии УрГЭУ доктора философских наук, профессора Саранчина Юрия Константиновича, который в 2010 году стал инициатором проведения евразийской конференции на базе кафедры. Именно благодаря его интеллектуальным и организационным усилиям это значимое событие в жизни кафедры и университета не только состоялось, но и стало хорошей традицией.

Юрий Константинович Саранчин родился в 1956 году. Окончил философский факультет УрГУ им. А.М. Горького в 1978 году. В 1978–1981 годах работал ассистентом кафедры философии Удмуртского государственного университета. В 1985 году после обучения в аспирантуре УрГУ защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном университете по истории философии. В 1984–2008 годах имела место его служба в системе МВД РФ (Уральский юридический институт МВД РФ, доцент, профессор, начальник кафедры). К 1996 году защитил докторскую диссертацию, в 1998 году получил ученое звание профессора. Работал на преподавательских должностях, начиная с ассистента до заведующего кафедрой в учебных заведениях Ижевска, Екатеринбурга. Доктор философских наук, профессор, Юрий Константинович был заведующим кафедрой философии УрГЭУ с декабря 2009 по май 2014 года. Он автор 200 научных и учебно-методических работ, 5 монографий, 24 учебных пособий и курсов лекций. Являлся академиком Международной академии дискурс-исследований (МАДИ).

Юрий Константинович был умным, знающим специалистом высочайшей квалификации, обладал прекрасными человеческими качествами — порядочностью, честностью, справедливостью. Он сумел сплотить коллектив кафедры, внушить уважение студентам и коллегам, был на хорошем счету у руководства. Уход этого полного жизни человека (ученого, спортсмена, полковника) стал для нас невосполнимой утратой.

Спасибо Вам, Юрий Константинович, за все, что Вы сделали. Вечная память.

Коллектив кафедры философии УрГЭУ

Содержание

Вступительная статья.....	3
<i>Коковихин А. Ю., Кодачигов Р. В.</i> Интеграция молодежного предпринимательства в евразийское пространство.....	5
<i>Кропотов С. Л.</i> Евразийство для внешнего и внутреннего пользования: парадоксы множественной модерности	10
<i>Стожко К. П., Стожко Д. К.</i> Евразийская интеграция: настоящее и будущее	25
<i>Булекбаев С. Б.</i> История евразийской интеграции: от идеи к реализации.....	32
<i>Мошкин С. В.</i> Политическая эволюция постсоветских стран Центральной Азии и России.....	40
<i>Некрасов С. Н.</i> Понять евразийский социум: необходимость новых гуманитарных наук и будущее РФ	48
<i>Нестеров А. Г.</i> Концепция «нового Шелкового пути» в политике современного Китая	55
<i>Русаков В. М. А.</i> Кизеветтер и Н. Бердяев о евразийстве: опыт стереоскопии	60
<i>Атманских Е. А., Атманских А. С.</i> К вопросу об истоках евразийства: «универсальный синтез» В. С. Соловьева	64
<i>Воробьева М. В.</i> Модернизация по-евразийски: стратегии позиционирования гибридных субъектов (на материале советских киноэкранизаций).....	72
<i>Зайнетдинова Р. А.</i> Семиосфера как продукт синтетической методологии.....	80
<i>Кезина Д. С., Радченко С. Ю.</i> Россия как локомотив Евразии в XXI веке. О задачах управления процессом неоиндустриализации в современной России как лидере евразийского экономического пространства: социально-культурологический аспект	86
<i>Кладов М. Н.</i> Английский джентльмен и русский праведник: самописание русской культуры на примере рассказа Н. С. Лескова «Однодум»	94
<i>Романов А. В.</i> Евразийство: границы и парадигмы религиозной нравственности	98
<i>Рыбченко Т. В., Саранульцева А. В.</i> Семья — основа духовности человека.....	112
<i>Саранульцева А. В.</i> «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского: евразийские идеи	120
<i>Стожко Д. К., Целищев Н. Н.</i> Евразийский контент и духовная культура.....	124
<i>Толкачев Ю. А.</i> Жизнь армянского этноса как воплощение многовариантности евразийства.....	130
Памяти Юрия Константиновича Саранчина	136

Научное издание

**Евразийство:
история и современность конструкции «духовности»
в стратегиях власти
и этика современных повседневных практик**

Сборник статей конференции

Корректор
М. Ю. Воронина

Компьютерная верстка
А. А. Гребеницковой

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62 / 45

Поз. 166. Подписано в печать 23.12.2015.
Формат 60 × 84 / 16. Уч.-изд. л. 8,60. Усл. печ. л. 8,14.
Тираж 11 экз. Заказ 906.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в подразделении оперативной полиграфии УрГЭУ